P19
309

P 19/309

D-33849

Н. Клименкова

BP/21531

201-94
6964-0

Б. Чичеринъ.

ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ.

13467

Книжный Магазинъ
Д. ХАХМАНОВИЧА
Каменецъ-Под.
Почтовая улица

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовск. ул., соб. д.
Москва.—1903.

84455-50

2020075407

Нѣсколько словъ о современномъ состояніи русскихъ университетовъ.

Въ № 354 «*С.-Петербурскихъ Вѣдомостей*» за 1896 г. напечатана статья одного изъ молодыхъ профессоровъ московскаго университета, князя С. Н. Трубецкого, о нынѣшнемъ состояніи русскихъ университетовъ. Она возбудила интересъ всѣхъ, кому дорого отечественное просвѣщеніе. Нельзя не быть глубоко благодарнымъ автору за то, что онъ такъ смѣло и рѣшительно поднялъ вопросъ, составляющій самое больное мѣсто нашихъ высшихъ учебныхъ учрежденій. Пора было наконецъ сказать, что университетъ—не канцелярія, что профессора—не чиновники, исполняющіе приказанія начальства, а люди, самостоятельно изучающіе науку и преподающіе стекающемуся въ университеты юношеству результаты своей собственной умственной работы. Именно поэтому для нихъ требуется болѣе или менѣе самостоятельное положеніе, безъ котораго не мыслимо ни умственное, ни, еще болѣе, нравственное вліяніе на слушателей. Это самостоятельное положеніе дается корпоративнымъ устройствомъ университетовъ. Правительство, безъ сомнѣнія, имѣетъ право наблюдать за тѣмъ, чтобы преподаваніе не уклонялось отъ своихъ цѣлей и не шло въ разрѣзъ съ требованіями государства: для этого и существуютъ попечители. Но всѣ русскія правительства, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ

въ Россіи университеты, признавали корпоративное устройство, съ выборнымъ началомъ, неотъемлемою ихъ принадлежностью. Не только уставъ 1863 года, но и уставы 1804 и 1835 года предоставляли имъ широкія корпоративныя права. Уставъ 1863 года не ввелъ въ этомъ отношеніи ничего новаго. Даже въ самыя темныя времена университетской жизни, когда вслѣдствіе волненій на Западѣ русскіе университеты подверглись подозрѣнію и число студентовъ, за исключеніемъ медицинскаго факультета, было ограничено тремястами, у университетовъ отнято было лишь право избирать ректора: все остальное осталось по старому. Только уставъ 1884 года лишилъ ихъ всякихъ корпоративныхъ правъ и повидимому безъ всякаго повода, ибо на должности ректоровъ и деканов назначены были тѣ самыя лица, которыя предъ тѣмъ были выбраны университетскими совѣтами, чѣмъ самымъ доказывалось, что университеты пользовались своими правами согласно съ видами правительства и выбирали людей, достойныхъ его довѣрія. За что же было лишать ихъ правъ, принадлежавшихъ имъ и по высокому ихъ призванію и въ силу утвержденныхъ вѣковою практикой постановленій русскаго закона? А между тѣмъ, это уничтоженіе корпоративнаго устройства тяжело отозвалось на всей университетской жизни. Оно унизило профессоровъ и въ ихъ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ студентовъ, оно поставило ихъ въ ложное положеніе и подорвало ихъ нравственное вліяніе на слушателей. И все-таки этимъ не достигалась даже полицейская цѣль: уничтоженіемъ университетской корпораціи не только не устранялись студенческія волненія, а напротивъ, они получили новую пищу вслѣдствіе того, что неудовольствіе дѣлалось общимъ, а противодѣйствовать было некому.

Авторъ упомянутой статьи весьма сильно настаиваетъ на вредныхъ послѣдствіяхъ такого порядка вещей. Противъ его аргументаціи можно сдѣлать одно возраженіе. Напрасно онъ говоритъ объ юридической отвѣтственности, умѣстной будто бы лишь при корпоративномъ устройствѣ. Непонятно,

какъ университетъ можетъ юридически отвѣчать за проступки единичныхъ членовъ или за волненія студентовъ. Тутъ дѣло идетъ не о юридической отвѣтственности, а о нравственномъ авторитетѣ, которымъ могутъ пользоваться только независимые люди, и который по этому самому возможенъ только при корпоративномъ устройствѣ, ограждающемъ эту независимость и возвышающемъ значеніе университета въ глазахъ юношества.

Да будетъ позволено старому профессору, давно оставившему каѳедру и нынѣ доживающему свой вѣкъ вдали отъ общественныхъ волненій, напомнить то время, когда въ московскомъ университетѣ нравственный авторитетъ корпораціи проявлялся во всей своей силѣ. Въ 1861 году были въ немъ такія же волненія, какъ и нынѣ. Правительство думало строгими мѣрами положить конецъ тому броженію, которое господствовало среди студенчества; но эти мѣры произвели только бурную вспышку. Въ то время корпорація профессоровъ, какъ одинъ человѣкъ, стояла за сохраненіе порядка. Профессора толковали студентамъ, что новымъ мѣрамъ они не сочувствуютъ, но что закону слѣдуетъ повиноваться. Волнующаяся молодежь находила нѣкоторую поддержку не въ самомъ университетѣ, а въ снисходительныхъ взглядахъ постороннихъ университету властей. Однако и тутъ расходившіеся студенты встрѣтили наконецъ отпоръ. Результатъ былъ тотъ, что, благодаря главнымъ образомъ твердости и единодушію профессоровъ, волненія скоро улеглись. Съ виновными поступили весьма снисходительно: немногіе подверглись исключенію. Но университетская корпорація не ограничилась охраненіемъ порядка. Какъ скоро все успокоилось, отъ университетскаго совѣта послѣдовало представленіе высшему начальству съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ событій и съ заявленіемъ убѣжденія въ необходимости отмѣны стѣснительныхъ мѣръ. И правительство уважило это ходатайство, оцѣнивъ стойкое поведеніе профессоровъ и одушевлявшій ихъ охранительный духъ. Образована была коммиссія изъ представителей всѣхъ университетовъ

для пересмотра университетскаго устава. Составленный ею проектъ былъ разосланъ на обсужденіе всѣхъ университетскихъ совѣтовъ, которыхъ замѣчанія были приняты во вниманіе. Такъ произошелъ уставъ 1863 года, который удовлетворялъ всѣмъ серьезнымъ требованіямъ. Онъ въ университетскую жизнь не вносилъ ничего новаго, но утверждалъ ее на прочныхъ основахъ. Это было истинно охранительное законоположеніе. Послѣ этого, въ теченіе около двадцати лѣтъ въ московскомъ университетѣ не было серьезныхъ безпорядковъ.

Если они возобновились впослѣдствіи, то виною въ томъ были не уставъ 1863 года и даже не внутренное распаденіе университетской корпораціи, а постороннія университету теченія, главнымъ образомъ тлетворное дѣйствіе газеты, которая, пользуясь своимъ вліяніемъ на общество и на правительство, хотѣла безгранично властвовать и въ университетѣ. На первыхъ порахъ это ей удалось. Она поселила раздоръ среди профессоровъ благодаря поддержкѣ правительственной власти, она успѣла вытѣснить непріятныхъ ей лицъ, которыя не хотѣли поддаваться ея владычеству. Скоро однако университетская корпорація почувствовала всю тяжесть газетнаго ига и взбунтовалась противъ него. Одинъ изъ редакторовъ, состоявшій членомъ университета, былъ забаллотированъ при выборѣ на новое пятилѣтіе; ректоромъ былъ выбранъ неугодный редакціи, знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ. Тогда противъ всѣхъ университетовъ, а равно и противъ устава 1863 года, ограждавшаго ихъ самостоятельность, начался самый безсовѣстный походъ. Почтенный С. М. Соловьевъ, самый умѣренный изъ людей, принужденъ былъ покинуть не только ректорство, но и каѳедру. Причиненныя ему непріятности ускорили его кончину. Наконецъ, въ 1884 году этотъ походъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Со введеніемъ новаго университетскаго устава университеты лишились всякихъ корпоративныхъ правъ.

Результаты у насъ на глазахъ: университетская жизнь заглохла; всякая внутренняя связь была порвана; общій,

нравственный духъ исчезъ. Высшее образованіе въ Россіи было, можно сказать, раздавлено. Оно поднимется снова только съ возстановленіемъ нормальнаго порядка, то есть съ возвращеніемъ къ уставу 1863 года. Если это вполнѣ справедливое и разумное требованіе составляетъ нынѣ предлогъ для студенческихъ волненій, то этотъ предлогъ надобно у нихъ отнять. Конечно, этимъ университетъ не будутъ застрахованъ отъ безпорядковъ: они всегда возможны среди увлекающейся молодежи. Но при нормальныхъ условіяхъ легче съ ними справиться. Во всякомъ случаѣ этимъ будетъ положено начало лучшему будущему. Высшее образованіе въ нашемъ отечествѣ снова вступитъ на правильный путь, отъ котораго никогда не слѣдовало уклоняться. Оно по преимуществу принадлежитъ къ разряду вещей, которыя разрушаются легко, а созидаются трудно. Бережное отношеніе къ нему составляетъ первое условіе успѣха.

О современномъ положеніи русскаго дворянства.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, и въ нашей литературѣ, и въ общественныхъ собраніяхъ горячо обсуждался дворянскій вопросъ. Многіе полагали, что съ отмѣною крѣпостного права дворянство, какъ сословіе, должно упразднится. Это мнѣніе поддерживали самые видные наши журналисты: Катковъ, Аксаковъ. Въ эту сторону склонялось и общественное мнѣніе. Въ то время я рѣшился печатно выступить противъ этого взгляда. Не скрывая отъ себя, что съ водвореніемъ общей гражданской свободы сословный порядокъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ предназначенъ къ упраздненію, я думалъ, что при совершающемся крутомъ переломѣ общественной жизни, который неминуемо долженъ былъ повлечь за собою шаткость всѣхъ отношеній, полезно, при существующихъ условіяхъ, сохраненіе учрежденія, имѣющаго твердую организацію и завѣщанныя вѣками преданія. Мнѣ казалось, что созданныя исторіей корпоративныя связи способны сдержать произволъ и упрочить новый порядокъ. Я видѣлъ въ привилегіяхъ историческую замѣну политическаго права и не считалъ полезнымъ разрушать старое, не поставляя ничего на его мѣсто. Наконецъ, я былъ убѣжденъ, что дворянство, какъ высшій культурный слой русской земли, носящій въ себѣ лучшія

ся преданія, можетъ еще сослужить службу отечеству на новомъ, открывающемся ему поприщѣ.

Эти надежды въ значительной степени оправдались. Изъ среды дворянства вышелъ первый призывъ мировыхъ посредниковъ, который вынесъ на своихъ плечахъ великое дѣло освобожденія. Ихъ самоотверженной работѣ, а равно и готовности массы дворянства поступиться своимъ правомъ Россія главнымъ образомъ обязана тѣмъ, что это величайшее изъ преобразованій совершилось мирно и правильно. Дворянство же заняло первенствующее мѣсто въ земскихъ учрежденіяхъ; оно наполнило мировые суды. Если земство и мировой судъ принесли какую-нибудь пользу, если они заслужили благодарность русскаго общества, то и этимъ оно обязано исключительно мѣстнымъ помѣщикамъ. Гдѣ были путные дворянскіе элементы, тамъ дѣло шло успѣшно; прорѣхи оказывались только тамъ, гдѣ они отсутствовали. И всякій, кто принималъ участіе въ земскихъ собраніяхъ и мировыхъ съѣздахъ, можетъ засвидѣтельствовать, что въ нихъ не было никакихъ сословныхъ тенденцій, никакого стремленія къ обособленію и къ притѣсненію низшаго населенія. Напротивъ, средства земства шли главнымъ образомъ на медицину и на школы, то есть на то, что требовалось преимущественно для крестьянства. Стоя во главѣ другихъ сословій и управляя мѣстными дѣлами, дворянство пользовалось своими правами не для себя, а для другихъ. Можно сказать, что въ это время все гражданское управленіе Россіи покоилось въ концѣ-концовъ на уѣздныхъ предводителяхъ. Они были предсѣдателями и земскихъ собраній, и уѣздныхъ и рекрутскихъ присутствій, и училищныхъ совѣтовъ, часто даже мировыхъ съѣздовъ, а въ случаяхъ надобности и уѣздныхъ управъ. Предводитель былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ уѣздѣ, съ которымъ всѣмъ приходилось считаться. Никогда значеніе дворянства и его представителей не стояло такъ высоко, какъ именно въ царствованіе Александра II, въ эпоху, слѣдовавшую за освобожденіемъ крестьянъ.

Послѣдующее время значительно поколебало это поло-

женіе. Умаленіе правъ земства было въ сущности умаленіемъ правъ дворянства, которое въ земскихъ учрежденіяхъ находило вознагражденіе за то, что было утрачено при освобожденіи крестьянъ. Со временъ Екатерины дворянство было главнымъ хозяиномъ уѣзда. Кромѣ власти надъ крѣпостными, въ его рукахъ были и полиція, и судъ. Вслѣдъ за отмѣной крѣпостнаго права, и то и другое было у него отнято. Исправникъ сталъ назначаться отъ правительства; выборные суды уступили мѣсто коронным. Взамѣнъ того земскимъ собраніямъ былъ предоставленъ выборъ мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ присутствій, завѣдывавшихъ крестьянскимъ управленіемъ. Нельзя не сказать, что послѣднее учрежденіе было поставлено далеко неудовлетворительно. Оно было задумано въ такое время, когда, вслѣдствіе наступившей реакціи, стали недовѣрчиво смотрѣть на выборное начало. Но исправить очевидные недостатки было легко: для этого не требовалось никакой ломки; нужно было только увеличить число и усилить власть непремѣнныхъ членовъ. Вмѣсто того произошелъ крутой переворотъ: всѣ права по крестьянскому управленію и по суду отняты у земства. Выборные непремѣнные члены замѣнены назначаемыми правительствомъ и подчиненными губернатору земскими начальниками; мировые суды, которые вполнѣ подходили къ требованіямъ населенія и на которые лучшіе мѣстные люди положили всю свою душу, были уничтожены. Когда знаешь, съ какимъ невообразимымъ трудомъ въ Россіи слагается что-нибудь порядочное и какъ легко все разрушается, нельзя не скорбѣть объ утратѣ этого учрежденія, которое при всѣхъ несовершенствахъ, сопряженныхъ со скудостью мѣстныхъ элементовъ, съ непривычкою къ новому дѣлу и съ неблагопріятными условіями русской жизни, оставило по себѣ хорошую память. Судъ вмѣстѣ съ крестьянскимъ управленіемъ былъ ввѣренъ облеченнымъ произвольною властью земскимъ начальникамъ. Въ первый разъ бюрократія внѣдрялась въ самое сердце уѣзда, забирала важнѣйшія мѣстныя дѣла въ свои руки. Положеніе уѣзднаго предводителя было подо-

рвано; дворянство, господствующее въ земскихъ учрежденіяхъ, утратило свое мѣстное вліяніе.

Въ видѣ утѣшенія оно получило ничего незначащія привилегіи и грошевыя матеріальныя выгоды. Въ преобразованныхъ земскихъ учрежденіяхъ ему дано было представительство отдѣльно отъ другихъ сословій. Живая связь съ остальнымъ болѣе или менѣе крупнымъ землевладѣніемъ, сближавшая сословія на почвѣ общихъ интересовъ, была порвана. Съ другой стороны, учрежденъ былъ банкъ спеціально для дворянъ съ пониженными процентами, которыхъ убыточность покрывалась лотерейными займами. Разорительный соблазнъ дешеваго кредита соединялся съ развращающей потачкой азартной игрѣ, и все это для выгодъ сословія, которому честь должна быть высшимъ, руководящимъ началомъ жизни.

Эти заманчивыя матеріальныя льготы не послужили, однако, ни къ чему. Условія мірового рынка вели русское дворянство къ большему и большему разоренію. Благосостояніе его отчасти уже пошатнулось вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Многіе помѣщики не умѣли справиться со своимъ измѣнившимся положеніемъ. Прежнія привычки русскаго барства, обезпеченность состоянія при крѣпостномъ правѣ, свойственная русской натурѣ широта жизни, неумѣніе соображать расходы съ доходами,—все это не могло содѣйствовать хозяйственному устройству новаго быта. А съ другой стороны, съ освобожденіемъ крестьянъ пали тѣ преграды, которыя въ прежнее время препятствовали покупкѣ земель другими сословіями. Люди, обладающіе денежными капиталами, естественно стали покупать имѣнія разоряющихся помѣщиковъ. Отсюда неизбѣжный переходъ многихъ дворянскихъ имѣній въ постороннія руки. Однако, это явленіе было далеко не преобладающимъ. Напротивъ, очень многіе помѣщики при измѣнившихся условіяхъ хозяйства умѣли весьма хорошо устроить свои дѣла. Этому въ значительной степени содѣйствовали оживленіе торговли и проведеніе желѣзныхъ дорогъ. Удвоившаяся цѣна земель со времени освобожденія крестьянъ свидѣтельствуетъ о

томъ, что благосостояніе помѣщичьяго класса не только не понизилось, а напротивъ, значительно повысилось. Я слыхалъ отъ помѣщиковъ стараго закала, но хорошихъ хозяевъ, что они увидѣли свѣтъ съ отмѣною крѣпостнаго права. Лично я не знаю примѣра помѣщика, который разорился бы не по собственной винѣ. Освобожденіе крестьянъ было какъ бы дуновеніемъ вѣтра, которое унесло все легковѣсное, оставивъ на мѣстѣ полное зерно. Для государства переходъ части земель изъ неумѣлыхъ рукъ въ умѣлыя, конечно, могъ быть только полезнымъ.

Но затѣмъ настали тяжелыя времена. Сельско-хозяйственный кризисъ разразился надъ всею Европой. Конкурренція новыхъ странъ, обладающихъ непочатыми еще богатствами природы, при небывалой дотолѣ дешевизнѣ перевозки, понизила цѣны произведеній такъ, что старымъ европейскимъ хозяевамъ трудно стало производить безъ убытка. Отсюда—возрожденіе покровительственной системы во всѣхъ государствахъ европейскаго материка. Стремились оградить туземныхъ производителей отъ иностраннаго соперничества, а разъ покровительство оказывалось земледѣлію, надобно было дать защиту и другимъ отраслямъ. И у насъ въ Россіи послѣдовали общему теченію. Таможенныя пошлины были непомѣрно повышены, хотя именно у насъ онѣ не только не могли оказать покровительства земледѣлію, а напротивъ, ложились всѣмъ своимъ бременемъ на земледѣльческій классъ. У насъ произведенія земли не ввозятся, а вывозятся, поэтому никакимъ таможеннымъ тарифомъ ихъ оградить нельзя; покровительство же, которымъ пользуются другія отрасли, оплачивается земледѣльческимъ классомъ, какъ потребителями. И желѣзо, и машины, и ткани, и сахаръ,—все покупается дороже, въ виду защиты туземной промышленности. Это—подать, налагаемая на земледѣльческій классъ въ пользу промышленнаго, и притомъ въ такое время, когда первый находится въ критическомъ положеніи, а второй богатѣетъ. Покровительственная система при настоящихъ условіяхъ русскаго хозяйства есть дозволеніе богатымъ обирать

бѣдныхъ. Всѣ тѣ банковыя льготы, которыя правительство даровало русскимъ помѣщикамъ,—ничто въ сравненіи съ тѣми громадными убытками, которые они несутъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго усиленія покровительственной системы. А между тѣмъ, сознаніе своихъ интересовъ такъ мало у насъ распространено, что большинство помѣщиковъ, изъ ложно понятаго патріотизма, рукоплескало таможенной войнѣ съ Германіей, не подозрѣвая, что они за эту войну должны будутъ расплачиваться своимъ карманомъ, и что самый ея успѣхъ могъ вести лишь къ поддержанію высокаго покровительственнаго тарифа, ложащагося всею своею тяжестью на земледѣльческій классъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій, положеніе русскихъ помѣщиковъ сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Со всѣхъ сторонъ поднялись вопли о разореніи. Столбцы газетъ стали наполняться безчисленными объявленіями о продажѣ съ публичнаго торга дворянскихъ имѣній за неуплату процентовъ. Отъ дворянскихъ собраній пошли жалостныя воззванія къ правительству о помощи. И правительство, съ своей стороны, заявило полную готовность всѣми мѣрами поддержать падающее дворянское землевладѣніе. Учреждено было особое министерство земледѣлія, которое сулило удрученнымъ сельскимъ хозяевамъ всевозможныя блага. Въ брошюрѣ, имѣвшей широкое распространеніе, г. министръ земледѣлія, еще до своего назначенія, заявлялъ, что въ силу сложившихся у насъ историческихъ условій правительству принадлежитъ иниціатива всякаго дѣла и отъ него можно всего ожидать. Въ ней возвѣщалось, что съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ настаетъ новая эра всеобщаго благополучія. Взоры помѣщиковъ съ довѣріемъ обратились кверху. Но время проходило, министерство выказывало неимовѣрную дѣятельность, а положеніе оставалось все тѣмъ же, и даже мѣръ въ пользу помѣщиковъ не принималось никакихъ. Оказалось, что правительство не все можетъ, что бороться съ условіями мірового рынка ему не по силамъ, что если умѣстно младенцевъ водить на помочахъ, то взрослымъ людямъ приходится

самимъ устраивать свою судьбу и въ этомъ они должны полагаться прежде всего на самихъ себя. И правительство въ недоумѣніи созвало со всей Россіи губернскихъ предводителей, которые должны открыть ему, что нужно дворянству и чѣмъ можно ему помочь. Но и губернскіе предводители находятся въ такомъ же недоумѣніи. Люди собрались на совѣщаніе о неизвѣстныхъ мѣрахъ и не знаютъ, что имъ придумать. Выдвигаются разные проекты, но они скорѣе поражаютъ своею странностью, нежели обѣщаютъ успѣшное разрѣшеніе вопроса.

Сюда относится предложеніе взять въ опеку дворянскія имѣнія, назначаемыя въ продажу за неуплату процентовъ, и учредить надъ ними казенное управленіе. Если самъ хозяинъ, занимаясь своимъ имѣніемъ, не въ состояніи платить процентовъ, то почему казенное управленіе будетъ дѣйствовать успѣшнѣе? Съ какихъ поръ завѣдываніе имѣніями посторонними чиновниками, оффиціальными лицами, считается болѣе выгоднымъ, нежели собственная работа владѣльца? Такой проектъ есть признаніе полной неспособности дворянъ вести свои дѣла. Со стороны представителей дворянства онъ звучитъ особенно странно.

Нельзя сочувствовать и предложенію обратить часть взимаемаго съ дворянскихъ имѣній государственнаго поземельнаго сбора на поддержаніе разоряющихся помѣщиковъ. Въ сущности, это ничто иное какъ обращеніе государственныхъ средствъ на дворянскія нужды, но въ особенно непривлекательной формѣ, въ видѣ сословной привилегіи, при чемъ тѣ изъ дворянъ, которые, съ трудомъ сводя концы съ концами, силятся исполнить свои обязательства, облагаются въ пользу тѣхъ, которые не умѣютъ справиться съ своими дѣлами.

Предлагается также для поддержанія дворянскихъ имѣній учрежденіе майоратовъ и субституцій. Предложеніе въ этомъ смыслѣ, одобренное многими дворянскими собраніями, было разработано особою комиссіею, составленною изъ правительственныхъ лицъ. Въ пользу учрежденій такого рода, не принудительныхъ, а добровольныхъ, можно

сказать очень много. Сохраненіе семейныхъ центровъ, съ ихъ живыми преданіями, съ ихъ культурной обстановкой, существенно важно и для общества, и для государства. Но для того, чтобы эта мѣра имѣла сколько-нибудь общее значеніе, надобно, чтобы она находила почву въ нравахъ; а именно этого у насъ и нѣтъ. Извѣстно, что майораты, введенные Петромъ Великимъ, пали вслѣдствіе сопротивленія дворянскаго сословія. Всего менѣе майораты и субституціи могутъ утвердиться среди сословія, клонящагося къ разоренію. Это—учрежденія для людей зажиточныхъ, а не для бѣдняковъ. Единичные случаи будутъ, и ими не слѣдуетъ пренебрегать. Полезно расширить право отца семейства — распорядиться своимъ достояніемъ, и дать ему прочное устройство; но поддержанія дворянства, какъ сословія, отъ этого нельзя ожидать. Самый существенный недостатокъ всѣхъ этихъ проектовъ состоитъ въ томъ, что они становятся на чисто сословную почву.

Между тѣмъ, вопросъ имѣетъ вовсе не сословный, а совершенно общій характеръ. Земледѣльческій кризисъ постигъ всѣ европейскія страны. Надобно знать, что̀ правительство въ этомъ случаѣ можетъ сдѣлать. При существующихъ у насъ условіяхъ, оно, очевидно, можетъ сдѣлать весьма не много, и тѣ мѣры, которыя оно можетъ принять, носятъ преимущественно отрицательный характеръ. Оно можетъ ослабить дѣйствіе покровительственной системы, которая окончательно оплачивается земледѣльческимъ классомъ. Оно можетъ исправить дифференціальные тарифы, которые, давая искусственныя преимущества отдаленнымъ мѣстностямъ, ставятъ центральную Россію въ невозможность съ ними конкуррировать. Въ тѣхъ или другихъ случаяхъ можетъ быть желательно пониженіе тарифовъ для вывоза земледѣльческихъ произведеній. Но для обсужденія всѣхъ подобныхъ мѣръ нужно не совѣщаніе губернскихъ предводителей, а коммиссія изъ спеціалистовъ, близко знакомыхъ не только съ положеніемъ земледѣлія, но съ условіями промышленности, торговли и перевозочныхъ средствъ,

въ томъ числѣ и выборныхъ отъ мѣстныхъ собраній именно для этого дѣла.

Во всякомъ случаѣ далѣе такихъ общихъ мѣръ правительство идти не можетъ. Помогать частнымъ лицамъ государство не призвано. При существованіи крѣпостнаго права помѣщики были опекунами крестьянъ, а правительство было опекуномъ всѣхъ и каждаго. Такая система могла быть пригодна какъ воспитательное средство, но она не въ состояніи поднять общество выше извѣстнаго, довольно низменнаго уровня. Для высшаго развитія необходима самодѣятельность. Это требованіе и наступаетъ съ водвореніемъ общей гражданской свободы. Вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ система опеки упраздняется. Въ свободномъ обществѣ каждый долженъ стоять на своихъ ногахъ и самъ устроивать свои дѣла, примѣняясь къ обстоятельствамъ. Если онъ не можетъ или не умѣетъ съ ними справиться, онъ неизбѣжно нисходитъ на низшую ступень или становится въ подчиненное положеніе. Свобода имѣетъ свои невыгоды, съ которыми надобно мириться, ибо только при этомъ условіи возможно высшее развитіе. Свободный человѣкъ самъ за себя отвѣчаетъ и живетъ за свой собственный страхъ и рискъ.

Въ особенности это относится къ дворянству, какъ первенствующему сословію въ государствѣ. Желаніе помогать своимъ собратьямъ въ нуждѣ, безъ сомнѣнія, весьма почтенная черта. Но не слѣдуетъ забывать, что дворянство не есть благотворительное учрежденіе, которое должно содержаться на общественный счетъ. Государство нуждается не въ призрѣваемыхъ, а въ крѣпкихъ силахъ, на которыя оно могло бы опираться. Все государственное значеніе дворянства основано на томъ, что оно въ состояніи стоять на своихъ ногахъ. Издавна принято называть дворянство первою опорой престола. Какою же оно можетъ быть опорою, когда оно само требуетъ поддержки?

Если же опора нужна, то невозможно налагать на нее непосильное бремя, заставляя ее подпирать и тѣ части зданія, которыя расшатались или сгнили. Чѣмъ труднѣе

положеніе помѣщиковъ, тѣмъ менѣе умѣстно облагать тѣхъ, которые такъ или иначе успѣваютъ сводить концы съ концами, въ пользу тѣхъ, которые, по своей или не по своей винѣ разоряются. Частныя несчастія могутъ вызвать частныя мѣры благотворительности, но въ общемъ единственная здравая политика состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлить больные элементы отъ здоровыхъ, предоставить первые неизбѣжной ихъ участи, стараясь образовать изъ вторыхъ крѣпкое ядро для новыхъ общественныхъ строеній. Въ этомъ заключается вся будущность русскаго дворянства. Не въ отдѣленіи себя отъ другихъ, не въ стремленіи искусственными мѣрами поддержать свои преимущества, не въ безплодныхъ воспоминаніяхъ объ утратившихъ свое значеніе служилыхъ обязанностяхъ, а въ ясномъ пониманіи своего положенія и въ умѣніи приспособляться къ новымъ условіямъ жизни, созданнымъ общегражданской свободою и современнымъ экономическимъ строемъ, состоитъ настоящая его задача. Оно должно образовать ядро для класса независимыхъ землевладѣльцевъ, управляющихъ мѣстными дѣлами и черезъ это вліяющихъ и на общій ходъ государственной жизни.

Такой классъ нуженъ всегда и вездѣ. Вся сила общества состоитъ въ заключающихся въ ней независимыхъ элементахъ: они одни могутъ служить прочною опорою государственнаго порядка. И къ числу такихъ элементовъ принадлежитъ прежде всего землевладѣніе, обезпечивающее хозяина. Вся крѣпость сложившагося вѣками общественнаго строя Англіи состоитъ въ союзѣ крупнаго землевладѣнія съ городскимъ капиталомъ. Во Франціи, напротивъ, разрывъ этихъ двухъ элементовъ повелъ къ продолжающейся до нынѣ шаткости политическаго быта. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, на смѣну утратившаго свое значеніе дворянства выступило богатое и образованное среднее-сословіе, которое и сдѣлалось главною движущею силою обновленной Франціи. Въ Россіи же этотъ элементъ составляетъ, можно сказать, каплю въ морѣ. У насъ сколько-нибудь зажиточное и образованное купечество можно найти только въ

столицахъ и немногихъ большихъ городахъ. Все остальное громадное пространство земли состоитъ исключительно подъ вліяніемъ землевладѣнія. Поэтому въ Россіи классъ независимыхъ, обезпеченныхъ и образованныхъ землевладѣльцевъ составляетъ первую и самую насущную потребность. Этой потребности удовлетворяло русское дворянство настолько, насколько это было возможно при существующемъ матеріальномъ и умственномъ уровнѣ русскаго общества. Поэтому и разореніе русскаго дворянства нельзя не считать бѣдствіемъ для страны. Когда по этому поводу изъ демократическаго лагеря слышится нѣкоторое злорадство, то нельзя не сказать, что такое чувство идетъ наперекоръ истинной любви къ отечеству. Оно объясняется лишь теоретическимъ легкомысліемъ или сословною завистью, отчасти—и не всегда красивыми явленіями, поражающими особенно въ столицахъ, гдѣ нерѣдко въ высшихъ слояхъ выставляются напоказъ притязанія, далеко не соотвѣтствующія умственному содержанію и нравственному уровню.

Само дворянство не должно однако подавать повода къ проявленію такого рода непріязненныхъ чувствъ. А это оно дѣлаетъ, когда хлопочетъ о разныхъ льготахъ и стремится обособиться отъ другихъ. Единственное достойное его поведеніе состоитъ въ томъ, чтобы стараться собственными силами справиться съ труднымъ матеріальнымъ положеніемъ. Не сокрушаться о прошломъ, не жаловаться на настоящее, а смѣло глядѣть въ будущее: таково должно быть настроеніе сословія, которое не считаетъ свое историческое призваніе оконченнымъ. Правительство оно можетъ просить лишь о томъ, чтобы оно не обременяло его черезъ мѣру, сравнительно съ другими; въ остальномъ оно должно полагаться на себя. Безъ сомнѣнія, многіе подутъ въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями жизни; *но останется здоровое ядро,—тѣ, которые въ состояніи устоять на своихъ ногахъ, а это именно то, что требуется для государства и отечества.* Съ водвореніемъ общей гражданской свободы разложеніе

сословнаго строя составляетъ только вопросъ времени. Оно можетъ быть устроено экономическими невзгодами, и въ этомъ отношеніи современный хозяйственный кризисъ составляетъ историческое событіе, существенно вліяющее на ходъ неотразимаго процесса. Но изъ этого разложенія должна выйти новая жизнь. Она явится только тогда, когда здоровые элементы, скинувъ съ себя старыя путы, рѣшительно вступятъ на новую дорогу. Въ этомъ заключается надежда Россіи.

Еще нѣсколько словъ о современномъ положеніи русскаго дворянства.

(Отвѣтъ князю П. Н. Трубецкому.)

Статья моя о современномъ положеніи русскаго дворянства, напечатанная въ № 28 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», повидимому, возбудила весьма разнообразные толки и недоразумѣнія. Одинъ изъ видныхъ представителей русскаго дворянства, московскій губернскій предводитель, князь П. Н. Трубецкой, взялъ на себя трудъ представить противъ нея нѣкоторыя возраженія. Онъ говоритъ, что она производитъ двойственное впечатлѣніе: недоумѣваютъ, писана ли она *за* или *противъ* дворянства. Въ ней выражается какъ будто неясная или недосказанная мысль.

Высокое положеніе автора, какъ представителя своего сословія, то искреннее и горячее участіе, которое онъ принимаетъ въ его судьбахъ, побуждаютъ и меня снова взяться за перо. Постараюсь, сколько могу, разъяснить, въ чемъ состоитъ моя точка зрѣнія и къ чему клонится моя рѣчь.

Въ современномъ положеніи дворянства есть двѣ стороны, которыя слѣдуетъ различать: вопросъ экономическій и вопросъ сословный.

На счетъ общаго экономическаго вопроса мы легко сойдемся; разногласіе будетъ только относительно спосо-

бовъ дѣйствія. Князь Трубецкой убѣжденъ, такъ же какъ и я, что современный экономическій кризисъ, тяготѣющій надъ землевладѣніемъ, усугубляется политикой, поставляющей себѣ задачею покровительствовать обработывающей промышленности въ ущербъ земледѣлію. Намъ сулятъ великія блага въ будущемъ, но это служитъ малымъ утѣшеніемъ для тѣхъ, которые разоряются въ настоящемъ. Если бы дворянство единодушно ходатайствовало объ облегченіи этой лежащей на землевладѣніи тяжести, я не только не думалъ бы противъ этого возражать, а напротивъ, сказалъ бы, что оно понимаетъ истинные свои интересы. Можно полагать, что и правительство, которое всегда прислушивается къ голосу первенствующаго сословія, обратило бы на это вниманіе. Невыгодное для земледѣлія повышеніе таможенныхъ пошлинъ произошло въ значительной степени вслѣдствіе настойчивыхъ и дружныхъ представленій фабрикантовъ и заводчиковъ, которые понимаютъ свои выгоды гораздо лучше, нежели мы, и имѣютъ въ руководящихъ сферахъ своихъ оффиціальныхъ заступниковъ. Что же дѣлало въ это время дворянство? Еще недавно оно, въ пылу патріотическаго увлеченія, рукоплескало таможенной войнѣ съ Германіей, которая имѣла цѣлью именно сохраненіе высокаго тарифа. Хотѣли вынудить у Германіи уступки съ возможно меньшимъ пониженіемъ собственныхъ пошлинъ. И русскіе землевладѣльцы распинались за такую политику, за которую они должны были расплачиваться изъ своего кармана. Правительство имѣло полное основаніе думать, что покровительственная система встрѣчаетъ поддержку всего русскаго общества. Только въ самое послѣднее время среди дворянства пробуждается болѣе ясное пониманіе своихъ нуждъ. Князь Трубецкой говоритъ, что собранные въ прошедшемъ году губернскіе предводители представляли правительству о возможномъ облегченіи протекціонной системы, объ удешевленіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ, объ уничтоженіи залежей на станціяхъ и т. п. Очень пріятно слышать, что представители русскаго дворянства вступили наконецъ на этотъ

путь; но доселѣ въ адресахъ и ходатайствахъ дворянскихъ собраній мы видѣли совсѣмъ другое. Ходатайствовали не объ общихъ экономическихъ мѣрахъ, а о дарованіи разныхъ милостей и пособій разоряющимся помѣщикамъ. Просили объ уменьшеніи процентовъ по ссудамъ, о всякихъ отсрочкахъ, наконецъ даже о томъ, чтобы дозволено было въ теченіе трехъ лѣтъ вовсе не платить процентовъ по заложеннымъ имѣніямъ!!!

Князь Трубецкой и такого рода ходатайства находитъ вполнѣ естественными и законными. Онъ говоритъ, что ходатайства передъ правительствомъ о своихъ нуждахъ практикуются издревле и что въ этомъ нѣтъ ничего несогласнаго съ понятіями чести и достоинства. Тутъ уже мы съ нимъ никакъ не сойдемся. У меня признаюсь на этотъ счетъ совершенно противоположное мнѣніе. Вмѣстѣ со многими другими я полагалъ и полагаю, что съ этими понятіями несогласны выпрашиваніе милостей и жалобы на разоренія. Я привыкъ думать, что вообще первый признакъ сословнаго достоинства состоитъ въ сохраненіи своей нравственной независимости. Кто имъ дорожитъ, тотъ не вопіетъ о пособіяхъ, не раболѣпствуетъ передъ властью въ надеждѣ на полученіе отъ нея выгодъ. Если на него обрушиваются тяжелыя обстоятельства, онъ старается справиться съ ними самъ, собственнымъ трудомъ, примѣняясь къ измѣнившимся условіямъ, соразмѣряя свои расходы съ доходами. Не отказываясь отъ помощи, когда она предлагается ему съ искреннимъ чувствомъ, онъ свое достоинство полагаетъ въ томъ, чтобы зарабатывать свой хлѣбъ самому, а не быть предметомъ общественнаго призрѣнія. Въ этомъ состоитъ и настоящая польза государства, ибо въ этомъ обнаруживаются тѣ здоровыя силы, которыя однѣ могутъ служить ему опорой. Это и есть тотъ исходъ изъ настоящаго кризиса, на который я хотѣлъ указать. Меня спрашиваютъ: что же дѣлать? вы не предлагаете никакихъ мѣръ. Отвѣчаю: моя мысль состоитъ именно въ томъ, что тутъ дѣло не въ государственныхъ мѣрахъ, а въ самодѣятельности частныхъ лицъ. Къ пра-

вительству можно обращаться лишь съ просьбами не стѣснять этой самодѣятельности, не подвергать ея несправедливымъ тяжестямъ, устранять препятствія, проистекающія отъ административнаго произвола и безпорядковъ; во всемъ остальномъ надо полагаться на самихъ себя. Каждый долженъ стараться самъ устроить свои дѣла, сводить концы съ концами и устоять противъ невзгодъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ. Только этимъ онъ можетъ принести пользу и себѣ и отечеству. Обращать же дворянство въ благотворительное учрежденіе, выпрашивать себѣ всякаго рода милости, наконецъ, налагать на тѣхъ, которые кое-какъ справляются со своими дѣлами, новыя тяжести въ пользу тѣхъ, которые разоряются, это—такая политика, которая можетъ вести лишь къ вящему униженію и разоренію всего дворянскаго сословія.

Можетъ быть, мои требованія слишкомъ идеальны для современнаго реалистическаго поколѣнія: готовъ признать, что я въ этомъ отношеніи отсталъ. Извиняюсь тѣмъ, что я смолоду привыкъ соединять съ представленіемъ благороднаго сословія самыя возвышенныя понятія чести и достоинства. Если они далеко не всегда прилагались на практикѣ, то, по крайней мѣрѣ, они всегда признавались, какъ требованіе. Если же самыя требованія будутъ отвергнуты, если дворянство будетъ смотрѣть на нихъ съ равнодушнымъ пренебреженіемъ, то какое же останется въ немъ нравственное содержаніе? Тогда старикамъ, у которыхъ не заглохли еще идеальныя стремленія прежняго времени, останется только съ безмолвною скорбью смотрѣть на матеріальное и нравственное разложеніе своего сословія.

Къ счастью, до этого дѣло еще не дошло. Въ средѣ самого дворянства обозначаются два противоположныя направленія: одно, обращенное назадъ, другое—смотрящее впередъ, одно—всего ожидающее отъ правительственныхъ милостей, другое—старающееся въ себѣ самомъ найти силы для своего обновленія. Эти различныя направленія связаны съ различнымъ пониманіемъ сословнаго вопроса.

За разногласіемъ насчетъ способовъ дѣйствія скрывается болѣе глубокое и несравненно болѣе важное разномысліе насчетъ настоящаго значенія и будущности дворянскаго сословія.

Въ своей статьѣ я упомянулъ о томъ, что тридцать пять лѣтъ тому назадъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, въ то время какъ всѣ ополчались противъ дворянства, какъ привилегированнаго сословія, я стоялъ за сохраненіе его правъ и его положенія, признавая, однако, уже тогда, что для утвержденія его среди новыхъ условій нужно открыть въ него широкій доступъ другимъ элементамъ. Князь Трубецкой спрашиваетъ: что же произошло съ тѣхъ поръ такого, что бы могло измѣнить мой взглядъ?

Произошло то, что жизнь переработала многое, что тогда было только въ зародышѣ, и разрушила многое, что въ то время стояло крѣпко. Вспомнимъ положеніе дѣлъ при освобожденіи крестьянъ. Этимъ великимъ актомъ разомъ измѣнялся весь гражданскій порядокъ, даже весь частный бытъ. Одновременно приготовлялись и другія крупныя реформы, судебная, земская. Всѣ отношенія, общественныя и частныя, были сдвинуты съ мѣста и перепутались. Общество, вовсе не привыкшее къ самодѣятельности, должно было все это осилить, переварить данную ему пищу, войти въ совершенно новый для него жизненный строй. При такихъ условіяхъ, корпоративныя связи, созданныя вѣками, имѣли существенное значеніе. Онѣ служили твердыми жизненными центрами для группировки общественныхъ силъ. Посягать на нихъ было тѣмъ менѣе повода, что это не вызывалось никакими жизненными потребностями, ибо старыя силы, со свойственною имъ эластичностью, легко приспособлялись къ новымъ отношеніямъ. Когда самые видные журналисты, какъ Катковъ и Аксаковъ, выступали съ подобными требованіями, то это доказывало только, до какой степени чуждо было имъ пониманіе истинныхъ государственныхъ и общественныхъ нуждъ. Но съ тѣхъ поръ все измѣнилось. Новый порядокъ упрочился; онъ вошелъ въ наши привычки

и нравы, можно сказать, въ плоть и кровь русскаго общества. Теперь вопросъ идетъ не о взращеніи посѣянныхъ сѣмянъ, а о томъ, чтобы они принесли настоящій плодъ. Надобно изъ началъ, положенныхъ великими преобразованіями, вывести дальнѣйшія ихъ послѣдствія, устранить сохранившіяся отъ прежняго времени или воздвигнутыя вновь препятствія, сдѣлать новые шаги въ указанномъ направленіи, которое сдѣлалось движущею пружиной всего развитія русской жизни.

А между тѣмъ, старыя корпоративныя связи въ значительной степени расшатались. Землевладѣніе, составляющее матеріальную основу всего дворянскаго быта, подверглось разложенію. Значительная доля дворянскихъ имѣній перешла въ другія руки; остальнымъ грозитъ разореніе. Чѣмъ болѣе дворянство взываетъ о помощи, тѣмъ болѣе оно признаетъ свою несостоятельность. О такомъ положеніи дѣлъ можно скорбѣть, но нельзя съ нимъ не считаться и закрывать глаза на дѣйствительность. Тѣ, которые, какъ я, сочувствуя дворянству, видятъ въ немъ не жалкій предметъ благотворительности, подобный отжившему свой вѣкъ старику, котораго надо пристроить въ богадѣльню, а живую общественную силу и опору государственнаго порядка, должны спросить себя: что же можно спасти изъ этого крушенія, и какому преобразованію должно подвергнуться дворянское сословіе для того, чтобы остаться полезнымъ отечеству? Когда же мнѣ возражаютъ указаніемъ на Арсеньевскій капиталъ и на спасеніе нѣсколькихъ десятковъ имѣній отъ публичныхъ торговъ, я отвѣчаю: вы говорите не какъ государственные дѣятели, а какъ члены попечительства о бѣдныхъ. Это очень почтенно, но ставитъ вопросъ на совершенно ложную почву и въ суммѣ можетъ породить только большій вредъ. Тѣ имѣнія, которыхъ спасаются съ помощью благотворительныхъ капиталовъ или милостей правительства, запутываются все въ большіе долги. Вмѣсто того, чтобы разомъ покончить съ положеніемъ, съ которымъ они не могутъ справиться, и стараться изъ него что-нибудь спасти, какъ пособіе при

отысканіи новыхъ жизненныхъ путей, они остаются въ неопредѣленномъ ожиданіи невѣдомыхъ благъ, пока, наконецъ, не лишатся всего и не сдѣлаются совершенно нищими. Та жалость, которою руководится такого рода благотворители, похожа на жалость недальновидныхъ родственниковъ, которые обрекаютъ больного на смерть, чтобъ избавить его отъ своевременной операціи. Это относится, какъ къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и къ цѣлому сословію. Такими лѣкарствами достигается не оздоровленіе зараженной среды, какъ думаетъ князь Трубецкой, а напротивъ, полное ея разложеніе.

Но этимъ не ограничиваются тѣ защитники дворянства, которые не хотятъ знать измѣнившихся условій жизни. Они не только стараются всѣми мѣрами сохранить прежній его составъ, но они стремятся оградить и даже усилить привилегированное его положеніе. Серіозно толкуютъ о томъ, какой чинъ: дѣйствительнаго статскаго или тайнаго совѣтника, долженъ открывать доступъ въ дворянство путемъ государственной службы? Слѣдуетъ ли сохранить преимущества, сопряженныя съ Владимірскимъ крестомъ? Спорятъ о большей или меньшей продолжительности искуса, черезъ который долженъ пройти землевладѣлецъ изъ другихъ сословій, прежде, нежели онъ можетъ быть принятъ въ число дворянъ. Но вѣдь объ этомъ можно было говорить въ тѣ времена, когда дворянство стояло еще незыблемо, а не теперь, когда оно всюду расшаталось и взываетъ о помощи. Въ этомъ обнаруживается полное непониманіе настоящаго положенія. Право дворянства принимать постороннихъ лицъ въ свою среду, не было присвоено ему даже въ самую цвѣтущую его пору, именно потому, что оно никогда не составляло закрытаго сословія. При настоящихъ условіяхъ, когда столько элементовъ отъ него отпадаютъ, можно помышлять о томъ, чтобы еще шире растворить двери и обновить его свѣжими силами. Вмѣсто того хотятъ воздвигнуть китайскія стѣны, оставивъ маленькую калитку для пропуска лицъ, угодныхъ сословію, которое желаетъ оградить себя отъ всякаго вѣянія

свѣжаго воздуха. Когда же вопросъ идетъ не объ утратившихъ смыслъ привилегіяхъ, а о существенныхъ правахъ, которыя дарованы мѣстнымъ помѣщикамъ въ составѣ земства, взамѣнъ того, чего они лишились, и которыми утверждается мѣстное ихъ вліяніе, то въ этомъ отношеніи оказывается поразительное равнодушіе. Въ первой своей статьѣ я указалъ на то умаленіе правъ дворянскаго элемента, которое произошло вслѣдствіе уничтоженія выборныхъ мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ. Какъ же отнеслись къ этому высшіе представители дворянства, собранные на общее совѣщаніе для заявленій о дворянскихъ нуждахъ? Было ли имп указано это больное мѣсто нашего мѣстнаго управленія, пытались ли они разъяснить истинное существо дѣла, которое, повидимому, не ясно сознавалось самимъ правительствомъ, или, напротивъ, они стояли горой за умаленіе правъ мѣстнаго землевладѣнія, за господство бюрократіи, за замѣну законнаго порядка административнымъ усмотрѣніемъ, чтобы не употреблять болѣе сильнаго термина? Князю Трубецкому это должно быть хорошо извѣстно. Пусть онъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ, тогда обнаружится истинный характеръ того направленія, которое онъ защищаетъ.

И къ чему оно можетъ насъ привести? Въ состояніи ли оно спасти сословный порядокъ отъ грозящего ему разрушенія? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ исторія. Сословный строй не составляетъ особенной принадлежности Россіи. Онъ былъ господствующимъ явленіемъ во всѣхъ европейскихъ странахъ, и вездѣ онъ уступилъ мѣсто общегражданскому порядку, основанному на признаніи общей свободы и равенства всѣхъ передъ закономъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ онъ выдѣлилъ изъ себя политическую аристократію, но уже не какъ гражданское сословіе, а какъ элементъ верховной власти. Сословный же порядокъ вездѣ рушился. И это совершилось не вслѣдствіе ложнаго направленія человѣческой мысли и не дѣйствіемъ переворотовъ, вызванныхъ односторонними ученіями. Напротивъ, односторонніе ученія пріобрѣли силу, и перевороты совершились

вслѣдствіе того, что было задержано естественное движеніе жизни, которое выдвигало новые элементы и выступало во имя требованія справедливости. Изъято-ли наше отечество отъ этого процесса? На это отвѣчаютъ великія преобразованія царствованія Александра Втораго. Они возвратили у насъ тѣ самыя начала общегражданскаго порядка, на которыхъ зиждется весь новый европейскій строй. Нашъ старый сословный бытъ основанъ былъ на крѣпостномъ правѣ. Оно давало дворянству не только почти неограниченную власть надъ двадцатью милліонами людей, но прочное имущественное положеніе, не допуская перехода населенныхъ имѣній въ руки лицъ, не принадлежащихъ къ высшему сословію. Съ отмѣной этой привилегіи процессъ разложенія начался съ неудержимою силой; экономическій кризисъ его ускорилъ. Рядомъ съ дворянскимъ землевладѣніемъ образовался многочисленный классъ землевладѣльцевъ, обладающихъ капиталомъ и умѣніемъ вести сельскохозяйственное дѣло, не разоряясь, а сохраняя землю въ своихъ рукахъ. Спрашивается: въ какое же отношеніе станетъ дворянство къ этимъ новымъ элементамъ? Образуетъ ли оно ядро для новыхъ формацій или оно останется въ своемъ обособленіи, стараясь искусственными подпорками удержать разрушающійся сословный порядокъ?

Держаться послѣдняго направленія значитъ идти наперекоръ не только всему историческому развитію государственной жизни, но и существующему у насъ общественному строю, установленному эпохою преобразованій. Въ общегражданскомъ порядкѣ, основанномъ на всеобщей свободѣ, невозможно сохранять тѣ перегородки, которыя были умѣстны при крѣпостномъ правѣ. Тутъ и условія и отношенія совершенно иныя; почва, на который стояло старое зданіе, исчезла. Паденіе его можетъ произойти не вдругъ, что было бы вовсе даже нежелательно, но оно неизбѣжно. Потому тѣ, которые смотрятъ на вещи не съ узкой точки зрѣнія привилегированныхъ лицъ, желающихъ сохранить свое положеніе, а съ той высоты, откуда обозрѣваются общій ходъ исторіи и совокупные интересы отечества, могутъ придержи-

ваться только перваго воззрѣнія. Оно есть и единственное согласное не только съ здравою политикой, но и съистиннымъ призваніемъ дворянства и тѣмъ мѣстомъ, которое оно занимаетъ въ государственномъ строѣ. Было время, когда дворянство было служилымъ сословіемъ, но эта пора давно миновала. Правда, встрѣчаются еще государственные люди, которые видятъ въ немъ поставщика служилыхъ людей. Въ самой статьѣ князя Трубецкого говорится о несеніи какой-то *помѣстной службы*, какъ будто мы живемъ еще въ XVII-мъ вѣкѣ, когда дворянъ верстали помѣстьями, съ которыхъ они обязаны были нести службу государству. Все это не болѣе, какъ анахронизмы. Жалованными грамотами дворянство было избавлено отъ обязательной службы; въ служебныхъ правахъ оно уравнено съ лицами всѣхъ сословій, прошедшими гимназіи и университеты. Утвержденіемъ за нимъ вотчинныхъ правъ и предоставленіемъ ему широкаго участія въ мѣстномъ управленіи оно было самимъ закономъ поставлено въ положеніе независимыхъ землевладѣльцевъ, пользующихся преобладающимъ мѣстнымъ вліяніемъ. При существованіи крѣпостнаго права это положеніе принадлежало ему исключительно; оно составляло привилегію дворянства. Съ освобожденіемъ крестьянъ, съ переходомъ многихъ дворянскихъ земель въ другія руки эта исключительность сама собою исчезла. То вліятельное положеніе, которое по существу дѣла принадлежитъ крупному землевладѣнію, распространяется на лица всѣхъ сословій, владѣющихъ землей. Отдѣлять отъ нихъ дворянство нѣтъ никакого повода, ибо интересы у нихъ общіе. И это сліяніе не есть нѣчто новое, имѣющее совершиться въ будущемъ; это—форма, установленная самимъ русскимъ законодательствомъ въ земскихъ учрежденіяхъ прежняго устройства. Въ нихъ выборы представителей отъ личнаго землевладѣнія производились не дворянствомъ и не купечествомъ, а классомъ личныхъ землевладѣльцевъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали. Въ теченіе цѣлой четверти вѣка эта организація дѣйствовала успѣшно, давая въ огромномъ большинствѣ случаевъ

фактическое преобладаніе мѣстному дворянству, въ рукахъ котораго находилась значительная доля земель. Случайныя столкновенія, вызванныя большею частью членами дворянскаго сословія, не мѣшали дружной дѣятельности на общую пользу. Возстановленіе въ этой области сословныхъ перегородокъ произошло именно подъ вліяніемъ тѣхъ стремленій, которыя желаютъ огородить себя китайскими стѣнами отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Оно можетъ породить только вовсе нежелательную сословную рознь, между тѣмъ какъ, не отдѣляясь отъ другихъ, дворянство, даже если оно остается въ меньшинствѣ, можетъ своимъ образованіемъ, своимъ общественнымъ духомъ, своимъ нравственнымъ вліяніемъ на крестьянъ и на землевладѣльцевъ сохранить руководящую роль въ этихъ учрежденіяхъ, на которыхъ покоится вся будущность русскаго земскаго строя. Но пусть эта роль будетъ свободно признанная, а не навязанная.

Не въ обособленіи, а въ живомъ единеніи съ другими классами общества заключается настоящее призваніе русскаго дворянства. На почвѣ общегражданской свободы искусственное воздвиганіе сословныхъ перегородокъ есть предпріятіе, не имѣющее ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ. Это хорошо понимаютъ тѣ здоровые элементы русскаго дворянства, которые обращаются не къ прошлому, а къ будущему. Не отрекаясь отъ себя, а напротивъ сознавая истинное свое назначеніе въ развитіи русской государственной жизни, они ищутъ спасенія не въ устарѣлыхъ привилегіяхъ и не въ правительственныхъ пособіяхъ, а въ собственной дѣятельности, общественной и частной. На всѣ явленія такого рода въ средѣ дворянскаго сословія нельзя смотрѣть иначе, какъ съ глубокимъ сочувствіемъ. Къ такимъ явленіямъ принадлежитъ рѣчь, обращенная къ черниговскимъ губернскимъ гласнымъ недавно избраннымъ молодымъ губернскимъ предводителемъ дворянства, княземъ Н. Д. Долгорукимъ, нынѣ, къ сожалѣнію умершаго. Тѣмъ же духомъ проникнутъ и адресъ тамбовскаго дворянства, за который на почтенныхъ его представителей обрушились реакціонныя газеты. Я не могъ присутствовать на

собраніи, на которомъ онъ обсуждался, но вполнѣ присоединяюсь къ выраженному въ адресѣ направленію.

Стремленіе къ единенію съ другими классами на почвѣ общихъ интересовъ не означаетъ, однако, отказа дворянства отъ собственной организаціи и отъ всѣхъ сословныхъ связей. Я, по крайней мѣрѣ, считаю возбужденіе такого вопроса совершенно преждевременнымъ. Оно не вызывается никакими дѣйствительными потребностями. Консервативное направленіе, къ которому я принадлежу, и которое я считаю самымъ крѣпкимъ оплотомъ государственнаго порядка, воспрещаетъ всякую безполезную, а тѣмъ болѣе вредную ломку. Оно равно отдалено, и отъ узкой ревакціи, пытающейся остановить естественный ходъ вещей, и отъ стремленія впередъ, отрывающагося отъ почвы въ преслѣдованіи теоретическихъ цѣлей. Ему одинаково противны упорное стараніе удержать то, что потеряло жизненную силу, и посягательство на то, что еще заключаетъ въ себѣ внутреннюю крѣпость и можетъ служить полезнымъ элементомъ общественнаго строя. Его задача состоитъ въ томъ, чтобы внимательно слѣдить за ходомъ жизни и дѣлать только тѣ измѣненія, которыя вызываются насущными ея потребностями. Завѣщанная прошлымъ корпоративная организація дворянства, если она не обращается въ орудіе борьбы и въ средство для полученія разныхъ выгодъ, никому не мѣшаетъ, а приноситъ, напротивъ, существенную пользу. Въ теченіе четверти вѣка, какъ сказано, дворянство на земскихъ выборахъ и въ земскихъ собраніяхъ сливалось съ остальными землевладѣльцами и дѣйствовало съ ними заодно, не поступаясь своими корпоративными правами, а оставаясь тѣмъ, чѣмъ его сдѣлала исторія. Въ нашей сословной организаціи есть, въ особенности, одно учрежденіе, которое оказало и оказываетъ не мало услугъ и къ которому нельзя относиться иначе, какъ съ величайшимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Это—учрежденіе уѣздныхъ и губернскихъ предводителей. Безвозмездная общественная служба въ различныхъ ея формахъ составляетъ принадлежность необходимаго во всякомъ обществѣ аристо-

кратическаго элемента и самое надежное средство мѣстнаго вліянія. Исчезновеніе этой должности при настоящихъ условіяхъ повело бы только къ вовсе нежелательному господству бюрократіи.

Нѣтъ ни малѣйшей причины, почему бы эти двѣ организаціи—старая и новая, дворянская и земская,—не могли уживаться рядомъ, какъ онѣ уживались при прежнемъ типѣ земскихъ учрежденій, какъ уживаются старое и новое поколѣнія, которыя при нормальныхъ отношеніяхъ не враждуютъ другъ съ другомъ, а дѣйствуютъ вмѣстѣ на общую пользу. Старики знаютъ, что имъ суждено вымирать, но изъ этого не слѣдуетъ, что ихъ надобно всѣхъ перерѣзать или отправить въ богадѣльню. Надобно, напротивъ, пользоваться ихъ опытностью и тѣми силами, которыя у нихъ остаются. Пусть старая и сословная организація съ выборными предводителями сохраняется, пока она нужна и можетъ приносить пользу. Не слѣдуетъ только подкрѣплять ее гнилыми подпорками и стараться во что бы то ни стало сохранять въ ней тѣ же элементы, которые сами требуютъ поддержки, а потому составляютъ источникъ не силы, а слабости. Оставаясь при своей корпоративной организаціи, дворянство тѣмъ менѣе можетъ скорбѣть объ умаленіи прежняго его значенія, что передъ нимъ открыто новое широкое поприще въ земскихъ учрежденіяхъ, гдѣ оно, сливаясь съ другими сословіями, образуетъ ядро для новыхъ формацій и можетъ сохранить преобладающее вліяніе въ мѣстномъ управленіи. Туда естественнымъ ходомъ вещей переносится центръ тяжести общественной жизни, и это можетъ совершиться и совершается безъ всякой ломки, безъ переворотовъ, а просто свободнымъ передвиженіемъ силъ. Дворянство можетъ остаться руководящимъ элементовъ въ этомъ процессѣ, но для этого надобно выяснить себѣ настоящее свое положеніе, не предъявлять неумѣстныхъ притязаній и знать, куда идешь.

Конечно, никто не можетъ предсказать заранѣе, что выйдетъ изъ этихъ новыхъ теченій, къ чему приведетъ насъ ускользающій отъ человѣческихъ опредѣленій ходъ

не только внутренней жизни, но и міровыхъ событій, какія силы сохранятся и какія исчезнутъ въ историческомъ процессѣ. Въ значительной степени это зависитъ отъ самыхъ свойствъ и дѣятельности этихъ силъ. Сохранятся тѣ, которыя въ состояніи стоять на своихъ ногахъ и примѣняться къ измѣняющимся условіямъ; исчезнутъ тѣ, которыя надѣются на внѣшнюю помощь и стремятся оградить себя искусственными подпорками. Поэтому-то я и счелъ своимъ долгомъ указать на самодѣятельность, какъ на единственное средство удержать свое положеніе, и старался выяснить тотъ вредъ, который проистекаетъ изъ ложно понятыхъ сословныхъ интересовъ, какъ для самого сословія, такъ и для государства.

Полагаю, что этимъ разрѣшается недоумѣніе: стою ли я за или противъ дворянства? Я стою *противъ* того направленія среди русскаго дворянства, которое обращено назадъ и ищетъ спасенія въ расточаемыхъ сверху милостяхъ и въ обставленіи себя всякаго рода преградами; я стою *за* то направленіе, которое бодро глядитъ впередъ, не отчаявается въ собственныхъ силахъ и стремится къ единенію съ другими классами народа на почвѣ общихъ интересовъ.

Весьма вѣроятно, что тѣ изъ дворянъ, которые дорожатъ мишурнымъ блескомъ и преходящими частными выгодами болѣе, нежели прочною сплою и вліяніемъ, усмотрятъ въ этомъ взглядѣ отрицательное отношеніе къ своему сословію. При томъ хаосѣ понятій, который у насъ существуетъ, при томъ полномъ невѣжествѣ, которое господствуетъ на счетъ характера и свойствъ различныхъ политическихъ направленій, меня, пожалуй, заклеймятъ обычнымъ для всѣхъ независимыхъ людей названіемъ *краснаго*. Ко всѣмъ сужденіямъ такого рода я могу оставаться совершенно равнодушнымъ, въ сознаніи, что мною руководитъ не враждебное отношеніе къ своему сословію, а, напротивъ, искреннее желаніе ему пользы, не затмеваемое предразсудками, а освященное добросовѣстнымъ изученіемъ какъ прошедшей жизни, такъ и настоящаго состоянія дорогаго для всѣхъ отечества.

Московское земство въ вопросѣ о всеобщемъ обученіи.

Вопросъ о введеніи у насъ всеобщаго обученія привлекаетъ къ себѣ въ настоящее время общее вниманіе русскихъ общественныхъ дѣятелей. Однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ этого движенія было Московское губернское земство: оно давно уже занималось разработкой этого вопроса. Въ апрѣльскую сессію прошлаго 1896 года губернскою управой былъ представленъ объ этомъ обстоятельный докладъ, котораго основанія были одобрены земскимъ собраніемъ. Все это, въ видѣ матеріаловъ, вошло въ составъ сборника, напечатаннаго для общаго свѣдѣнія.

Вопросы, затронутые какъ докладомъ управы, такъ и рѣшеніями собранія, до такой степени важны, они имѣютъ такое принципіальное значеніе для всей постановки земскаго дѣла, что не могутъ не обратить на себя вниманія всѣхъ, кто принимаетъ къ сердцу интересы русскаго земства. Въ видахъ разъясненія дѣла желательно обсужденіе его съ разныхъ точекъ зрѣнія. Это тѣмъ необходимѣе, что разногласія по этому вопросу могутъ быть весьма значительны. Въ Тамбовскомъ губернскомъ собраніи, къ которому я имѣю честь принадлежать, въ теченіе двухъ сессій происходили объ этомъ ожесточенные споры. Въ 1895 году предложеніе принять

на губернскій счетъ часть расходовъ по уѣзднымъ школамъ было отклонено. Въ 1896 г., напротивъ, оно было принято; но постановленіе собранія было кассировано губернскимъ присутствіемъ. Земское дѣло есть дѣло общее, которое прежде всего требуетъ гласности. Поэтому печатное обсужденіе вопросовъ, возникающихъ въ одной губерніи, гласными, принадлежащими къ другимъ, не можетъ считаться неумѣстнымъ. По народному образованію въ особенности Московское земство ставитъ вопросъ на такую почву, которая требуетъ всесторонняго освѣщенія. Постараюсь высказать свой взглядъ, пользуясь матеріалами, собранными Московскою губернскою управой.

Два пункта въ докладѣ Московской губернской управы требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія: 1) значеніе выработанной ею сѣти училищъ; 2) средства, которыми должны покрываться расходы.

Губернскимъ земствомъ проектирована сѣть училищъ для цѣлой губерніи. Управа признаетъ, что эта сѣть имѣетъ значеніе только примѣрнаго разсчета, съ которымъ должны сообразоваться уѣзды, если они хотятъ получать пособія изъ губернскихъ суммъ. Изъ доклада оказывается, однако, что изъ 13 уѣздовъ на пособіе могутъ разсчитывать только 6, впослѣдствіи еще 2, остальнымъ же 5 въ пособіяхъ отказывается. Слѣдовательно, губернское земство дѣлаетъ постановленіе, условно обязательное для половины губерніи и не имѣющее никакого значенія для другой. Такого рода постановленія нельзя признать согласными ни съ закономъ, ни съ самымъ духомъ земскихъ учрежденій. Губерніи принадлежитъ право дѣлать постановленія условно или безусловно обязательныя только для всѣхъ, а не исключительно для нѣкоторыхъ мѣстностей. Изданіе мѣстныхъ постановленій есть дѣло уѣзда, а не губерніи. Уѣздъ составляетъ самостоятельную единицу, которой принадлежитъ право завѣдывать своими дѣлами въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. Уѣзду ближе извѣстны какъ условія, такъ и потребности мѣстности. Вслѣдствіе этого Московскій уѣздъ отклонилъ губерн-

скую сѣть и постановилъ придерживаться сѣти, выработанной имъ самимъ.

Такое поползновеніе губернскаго земства вмѣшиваться въ уѣздныя дѣла и брать уѣздъ подъ свою опеку тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе губернское земство склонно употреблять средства одного уѣзда на расходы другихъ. А это именно оказывается по вопросу о средствахъ, которыми должны покрываться нужды образованія въ Московской губерніи. Въ этомъ отношеніи въ докладѣ губернской управы высказываются такія положенія, которыя идутъ прямо въ разрѣзъ не только съ закономъ, устанавливающимъ отношенія губернскихъ учрежденій къ уѣзднымъ, но вообще съ правильными понятіями о государственной и общественной жизни. Указавъ на то, что «причиною неравномѣрнаго распредѣленія имуществъ по губерніи является большее или меньшее удобство сбыта въ Москву произведеній труда и промышленности, то есть условія, отъ земства не зависящія и не могущія быть имъ измѣненными», управа говоритъ: «регуляторомъ въ этомъ отношеніи должно быть губернское земство, которое одно можетъ внести въ это дѣло нѣкоторое равновѣсіе и хотя нѣсколько возстановить нарушенную сложившимися историческими условіями жизни справедливость. Въ этомъ губернская управа видитъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ губернскихъ земскихъ учрежденій, цѣль ихъ существованія въ качествѣ отдѣльныхъ земскихъ единицъ». Въ доказательство управа ссылается на то, что къ предметамъ вѣдомства губернскихъ земскихъ учрежденій самимъ закономъ отнесены такія обязанности, которыя имѣютъ въ виду именно уравненіе между уѣздами различныхъ сборовъ, какъ-то: раздѣленія на губернскія и уѣздныя земскихъ зданій, сооруженій, путей сообщенія, повинностей, раскладка государственныхъ и другихъ сборовъ и т. п.

Надо полагать, что губернская управа не дала себѣ яснаго отчета ни въ томъ началѣ, которое она признала руководящимъ правиломъ земской дѣятельности, ни въ тѣхъ обязанностяхъ, которыя закономъ возлагаются на

земство. Въ дѣйствительности, не только губернское земство, но и государство не призвано уравнивать естественно сложившіяся имущественныя отношенія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ мѣстностей. Намъ неизвѣстно, чтобы когда-либо русское правительство задавалось мыслью регулировать имущественныя отношенія и возстановить нарушенную, будто бы, справедливость, напримѣръ, между Архангельскою губерніею, покрытою тундрами, и Малороссіей, имѣющей тучную почву и благословенный климатъ. Имущественное уравненіе не есть требованіе справедливости, а соціалистическое начало, идущее наперекоръ требованіямъ справедливости. Послѣдняя состоитъ въ томъ, чтобы каждому воздавать то, что ему принадлежитъ, а не въ томъ, чтобы всѣхъ класть на одно ложе, вытягивая однихъ и укорачивая другихъ, наподобіе миѳическаго разбойника Прокруста. Богатый можетъ помогать бѣдному по долгу христіанской любви; но это не есть справедливость, а благотворительность, то есть—нравственное начало, а не юридическое. Въ какой мѣрѣ государство можетъ и должно вступаться въ эту область, это—вопросъ весьма сложный и спорный, требующій обширныхъ изслѣдованій и обсужденій, въ которыя здѣсь не мѣсто пускаться; во всякомъ случаѣ невозможно поставить это начало въ основаніе всей государственной дѣятельности. Государство не есть нравственный союзъ, какъ церковь, а союзъ принудительный; коренное же начало, на которомъ зиждется всякая принудительная организація, есть не самопожертвованіе, которое, по существу своему, добровольно, а *право*. Основное же начало права есть *правда*, или справедливость, которая, въ приложеніи къ общественнымъ союзамъ, состоитъ въ равномѣрномъ распредѣленіи какъ общественныхъ тягостей, такъ и выгодъ, доставляемыхъ членамъ на общія средства. Только соціалисты подъ именемъ справедливости разумѣютъ обираніе имущихъ въ пользу неимущихъ.

Еще менѣе, нежели государство, призвано губернское земство быть уравнителемъ имущественныхъ положеній. Тѣ

законы, на которые ссылается Московская губернская управа въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ, доказываютъ совершенно противное. Раздѣленіе зданій, сооруженій, путей сообщенія, повинностей, на губернскія и уѣздныя имѣетъ въ виду вовсе не уравненіе имущественныхъ положеній, а отдѣленіе мѣстныхъ дѣлъ, принадлежащихъ уѣздамъ, отъ общихъ дѣлъ, принадлежащихъ губерніи. Въ вѣдѣніи послѣдней находятся дороги, имѣющія значеніе для всей губерніи или, по крайней мѣрѣ, для нѣсколькихъ уѣздовъ, взаимное страхованіе, дома умалишенныхъ и т. п. Съ этой точки зрѣнія сельскія школы должны находиться въ вѣдѣніи уѣздовъ, а губернія должна вѣдать школы, имѣющія общее значеніе какъ-то: учительскія семинаріи, фельдшерскія школы и т. п. Раздѣлить же школы такъ, что въ однихъ уѣздахъ всѣ школы будутъ вѣдаться уѣздами, а въ другихъ значительная часть школъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, будетъ находиться въ вѣдѣніи губерніи, нельзя иначе, какъ вступивъ въ прямое противорѣчіе съ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, которое требуетъ уравнительности не въ смыслѣ платы имущихъ за неимущихъ, а въ смыслѣ равномѣрнаго распространенія, какъ средствъ, такъ и тягостей на всѣхъ. И не надо забывать, что давать деньги значитъ принимать на себя контроль и даже руководство. При такой системѣ одни уѣзды будутъ управлять своими школами самостоятельно подъ контролемъ государства, а другіе, относительно народнаго образованія, будутъ состоять подъ контролемъ и руководствомъ губерніи. Естьли въ этотъ какое-нибудь законное основаніе и даже какой-нибудь смыслъ?

Столь же мало говоритъ въ пользу теоріи управы представленіе губернскому земству раскладки по уѣздамъ государственныхъ и другихъ сборовъ. И тутъ имѣется въ виду вовсе не уравненіе имущественныхъ отношеній, а *справедливое*, то-есть, *равномѣрное* распредѣленіе тягостей между плательщиками. Начало справедливости въ податной системѣ состоитъ въ томъ, что каждый долженъ нести общественныя тягости *пропорціонально* своему доходу.

На практикѣ осуществленіе этого начала весьма трудно достижимо, но законодательства образованныхъ странъ стремятся въ большей или меньшей степени къ нему приблизиться. Обыкновенный способъ состоитъ въ томъ, что опѣниваются доходы, съ которыхъ взимается извѣстный процентъ; затѣмъ итогъ этихъ платежей образуетъ общую сумму сбора. Но государство можетъ идти и обратнымъ порядкомъ: оно сперва назначаетъ общую сумму, которую требуется получить, и затѣмъ предоставляетъ мѣстнымъ учрежденіямъ раскладывать ее по платежнымъ единицамъ, сообразно съ цѣнностью и доходностью ихъ имуществъ. Въ этомъ состоитъ раскладочная система. Видѣть въ ней способъ уравненія имуществъ значитъ смѣшивать совершенно разнородныя понятія и цѣли.

Но не только по русскому закону, а и по самому своему значенію въ системѣ государственныхъ учрежденій, губернское земство вовсе не призвано производить такое уравненіе. Уподобленіе земства обществу взаимной помощи, къ которому прибѣгаютъ иногда послѣдователи этой теоріи, совершенно неумѣстно. Въ общество взаимной помощи каждый вступаетъ добровольно, вноситъ, сколько ему угодно, и получаетъ соотвѣтственныя выгоды. Его не заставляютъ насильно платить въ пользу другихъ. Земство не есть частное товарищество, а государственное учрежденіе, имѣющее принудительный характеръ, и притомъ учрежденіе особеннаго рода, не правительственное, а общественное, что придаетъ ему спеціальныя свойства. Въ государственной жизни, по самой ея природѣ, происходитъ двоякое теченіе: одно—сверху, другое—снизу. Первое исходитъ отъ правительства и, черезъ посредство іерархически устроенной бюрократіи, распространяется на народъ; второе исходитъ отъ общества и постепенно восходитъ къ правительству. Послѣднее представляетъ начало земское. Здѣсь, по самому его свойству, краеугольнымъ камнемъ всего зданія и главнымъ центромъ общественной жизни служатъ мелкія земскія единицы. Болѣе крупныя единицы призваны лишь восполнять ихъ тамъ, гдѣ рождаются потребности

общія для цѣлой мѣстности, а потому требующія совокупнаго управленія; но ни въ какомъ случаѣ онѣ не должны нарушать самостоятельности первыхъ и вторгаться въ область ихъ дѣйствія. Въ такомъ именно положеніи находится губернское земство относительно уѣздовъ. Оно вѣдаетъ дѣла, общія всѣмъ уѣздамъ. Если же, вмѣсто того, оно стремится навязывать имъ свои взгляды, если оно беретъ ихъ въ опеку, въ особенности же если оно старается произвести между ними уравненіе, заставляя однихъ платить въ пользу другихъ, то оно тѣмъ самымъ подрываетъ земское начало; оно дѣйствуетъ не какъ земство, а какъ бюрократія, и притомъ, какъ бюрократія, проникнутая соціалистическими тенденціями, то-есть, самая вредная и опасная. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Московская губернская управа, одушевленная самыми благими намѣреніями, никогда не думала разыгрывать такой ролп. Но не выяснивъ себѣ надлежащимъ образомъ значенія и правъ земства, смѣшивая высокія нравственныя стремленія съ принудительною организаціею права, она невольно становится въ такое положеніе.

Подобная система, очевидно, должна вести къ нескончаемымъ раздорамъ и пререканіямъ. Тѣ, которые облагаются въ пользу другихъ, естественно будутъ вопіять о несправедливости, о беззаконіи. Такъ и случилось въ Московскомъ земствѣ, когда губернская управа предложила употребить на народное образованіе сборы съ фабрикъ, которые находятся только въ нѣкоторыхъ, черезъ то самое болѣе богатыхъ, уѣздахъ и не существуютъ въ другихъ. Тутъ произошло любопытное явленіе. Тѣ уѣзды, въ которыхъ нѣтъ фабрикъ, нашли, что эта система вполнѣ удовлетворительна. Дѣйствительно, очень пріятно получать деньги и строить школы на чужой счетъ. Но уѣзды, пользующіеся сборами съ фабрикъ, подняли крикъ. Московское уѣздное земство прямо заявило, что такая мѣра: 1) не согласна со значеніемъ земскихъ сборовъ, какъ въ точномъ смыслѣ мѣстныхъ; 2) нарушаетъ самостоятельность уѣздныхъ земствъ; 3) противна закону; 4) поведетъ къ по-

стоянной борьбѣ и полному несогласію между уѣздами и губернскимъ земствомъ. Губернская управа должна была взять назадъ свое предложеніе. Она догадалась, что дѣло можно устроить гораздо проще, не возбуждая противъ себя уѣздовъ. Для этого достаточно взять новый расходъ просто на губернскій счетъ, безъ указанія источниковъ, изъ которыхъ они должны покрываться. И точно, на этотъ разъ уѣзды не оказали сопротивленія. Почему? Потому что съ нихъ взимается лишь малая часть губернскихъ сборовъ, а три четверти оплачиваются городомъ Москвою. Правда, Москва, черезъ своихъ представителей, могла поднять вопль; это она и сдѣлала. Но на протесты Москвы давнымъ-давно привыкли не обращать ни малѣйшаго вниманія. Представители ея въ губернскомъ собраніи находятся въ меньшинствѣ, а уѣздамъ весьма выгодно получать съ нея деньги и устраивать у себя всякаго рода полезныя заведенія на чужой счетъ, не давая ничего взамѣнъ.

Для прикрытія этой вопіющей несправедливости, за недостаткомъ аргументовъ прибѣгаютъ, какъ водится, къ сравненіямъ съ совершенно разнородными предметами. Говорятъ, что Москва столь же мало можетъ отказываться отъ платежа на общія нужды земства, какъ крупный землевладѣлецъ могъ бы отказаться платить, напримѣръ, на школы или больницы, которыми онъ лично не пользуется. Какъ будто частное лицо, подчиняющееся общему закону, можно поставить въ одну категорію съ общественною единицей первой величины! Тутъ вопросъ идетъ не о томъ, слѣдуетъ ли подчиняться общему закону, а о томъ, слѣдуетъ ли Москву просто приравнивать къ остальнымъ уѣздамъ или разсматривать, какъ самостоятельную единицу, имѣющую свои особенныя условія, а потому требующую особенныхъ юридическихъ опредѣленій? Самые способы пользованія общественными учрежденіями въ обоихъ случаяхъ—совершенно разные. Частный владѣлецъ можетъ не пользоваться народными школами, но ими пользуются находящіеся у него въ услуженіи, а это для него весьма

важно; самъ онъ пользуется гимназіями и университетами, которыя государство устраиваетъ преимущественно для потребностей образованныхъ классовъ. Онъ не ложится въ земскія больницы, но пользуется земскими докторами: по дорогамъ онъ ѣздитъ наравнѣ со всѣми и даже предъявляетъ къ нимъ большія требованія. Для Москвы же губернское земство не дѣлаетъ *ровно ничего*. Ни однимъ изъ учрежденій, содержимыхъ на губернскій счетъ, Москва не пользуется, а сама содержитъ свои, безъ всякаго пособія отъ губернскаго земства. Даже на домъ умалишенныхъ, который, по существу своему, составляетъ общую потребность губерніи, уѣзды до послѣднихъ лѣтъ не платили ни копейки, и только настойчивыя требованія представителей города заставили ихъ, наконецъ, приступить къ устройству своей собственной больницы, отдѣльной отъ городскихъ. Самыя губернскія дороги, по которымъ ѣздятъ столичные жители, содержатся большею частью на счетъ суммъ, получаемыхъ отъ казны.

Въ настоящемъ случаѣ эти совершенно ненормальныя отношенія выказываются особенно ярко. Губернская управа проектировала сѣть школъ, которая, по идеѣ, должна распространяться на всю губернію; но Москва изъ этого плана исключена. При этомъ для всѣхъ уѣздовъ сдѣланъ подробный разсчетъ тѣхъ доходовъ, которые они получаютъ, и того, что они могутъ тратить на народное образованіе; на основаніи этихъ цифръ губернская управа признаетъ, что одни уѣзды могутъ сами, на свой собственный счетъ, исполнить предположенную сѣть, а въ другихъ надобно новые расходы взять на губернскій счетъ. Но во всемъ этомъ Москва блистаетъ своимъ отсутствіемъ,—точно будто бы она не существовала! Когда съ нея надобно брать деньги, она, по закону, приравнивается къ уѣздамъ, а когда на нее нужно тратить деньги, она просто обходится молчаніемъ! Между тѣмъ Московскому земству должно быть извѣстно, что Москва собственными средствами не въ состояніи удовлетворять потребностямъ народнаго образованія; она содержитъ гораздо менѣе школъ, нежели нужно, потому

что доходы ея ограничены и денегъ не хватаетъ. Почему же, вмѣсто того чтобы прилачивать ей на основаніи правила, которымъ руководится Московское губернское земство, на нее еще накладывается добавочный налогъ въ 65 тыс. руб. въ пользу уѣздныхъ школъ? Такой фактъ говоритъ самъ за себя; онъ обнаруживаетъ всю неправильность отношеній, установившихся въ Московскомъ земствѣ, и тѣхъ началъ, которыя оно приняло въ руководство.

Источникъ этихъ неправильностей лежитъ въ самомъ законѣ, который приравнялъ столицу къ простому уѣзду, между тѣмъ какъ бюджетъ ея далеко превосходитъ бюджетъ всей губерніи совокупно съ уѣздами, а хозяйство ея составляетъ самостоятельное и самодовлѣющее цѣлое, находящееся въ полномъ вѣдѣніи городскаго управленія и не имѣющее ничего общаго съ хозяйствомъ уѣздовъ. Въ Англіи большіе города не входятъ въ составъ графствъ, а составляютъ самостоятельныя, автономныя единицы, почему они могутъ достигать высокой степени процвѣтанія. Москва, по своему значенію и по своему бюджету, должна относиться къ губернскому земству не какъ подчиненный членъ, а какъ равный къ равному. Общія имъ дѣла должны рѣшаться общимъ совѣщаніемъ, а не губернскимъ собраніемъ, въ которомъ гласные отъ города присутствуютъ лишь затѣмъ, чтобы толковать объ уѣздныхъ дѣлахъ, которыя ихъ вовсе не касаются, и протестовать противъ расходовъ, въ которымъ привлекаютъ ихъ насильно, безъ малѣйшаго соображенія съ городскими нуждами и средствами. Измѣненіе закона въ этомъ смыслѣ составляетъ насущную потребность столицы.

Такія неправильныя отношенія ставятъ само земство въ совершенно ложное положеніе. Это пріучаетъ его жить на чужой счетъ, между тѣмъ какъ первое основаніе всего земскаго хозяйства и самыхъ земскихъ учрежденій состоитъ въ томъ, что люди облагаютъ сами себя для удовлетворенія общихъ потребностей, которыми они сами завѣдуютъ. Это ложное положеніе именно и ведетъ къ тому, что руководящими правилами земской дѣятельности ставятся

начала, кореннымъ образомъ противорѣчащія здравымъ основаніямъ общественной жизни. Вмѣсто самоуправляющейся единицы земство становится благотворительнымъ учрежденіемъ, въ которомъ одни насильственно облагаются въ пользу другихъ, и жизнь на чужой счетъ дѣлается общею нормой. При такихъ условіяхъ, конечно, весьма легко сочинять обширные планы всеобщаго обученія и получать за это восторженныя похвалы газетъ. Но люди, понимающіе дѣло и дорожащіе земскими учрежденіями, не могутъ смотрѣть на подобныя явленія иначе, какъ съ глубокою скорбью. Московское земство, которое должно было бы подавать примѣръ другимъ, подаетъ только примѣръ того, чего слѣдуетъ избѣгать. Народное образованіе въ нашемъ отечествѣ, безспорно, есть дѣло, заслуживающее глубочайшаго сочувствія. Когда противниковъ губернскаго обложенія выставляютъ какими-то обскурантами, врагами народной школы, то это—одна изъ тѣхъ клеветъ, къ которымъ прибѣгаютъ, къ сожалѣнію, не въ однихъ газетахъ. Но лучше идти медленно и твердо, соображаясь со своими средствами и съ недостаточностью учительскаго персонала, нежели, подчиняясь модному теченію, двигать вопросъ способами, идущими наперекоръ основнымъ началамъ всего государственнаго и общественнаго строя.

Объ историческомъ значеніи русскаго дворянства.

Въ одной изъ моихъ статей о современномъ положеніи русскаго дворянства я сослался на исторію въ доказательство, что сословный строй, характеризующій извѣстную эпоху общественнаго развитія, уступаетъ мѣсто иному гражданскому порядку, основанному на общей свободѣ и на равенствѣ всѣхъ передъ закономъ. Мнѣ возражаютъ, что чужая исторія намъ не указъ, что мы идемъ своимъ путемъ, руководясь національными началами, неизвѣстными западному міру.

Это возраженіе не ново. Оно предъявлялось всякій разъ, какъ затрогивалось какое-нибудь устарѣлое учрежденіе, которое нужно было замѣнить инымъ, болѣе согласнымъ съ требованіями образованнаго быта. Постоянно эти отжившія свой вѣкъ учрежденія выдавались за чисто русскія, которыя непремѣнно слѣдуетъ сохранить. Но всякій разъ оказывалось, что то, что при незнаніи выставлялось своеобразнымъ произведеніемъ русской жизни, въ дѣйствительности давно было извѣстно другимъ и представляетъ только низшую ступень общественнаго развитія.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, именно съ такимъ аргументомъ выступилъ г. Бланкъ, который пріобрѣлъ черезъ это громкую извѣстность. Онъ утверждалъ, что за-

падные народы знали только рабство, заимствованное ими изъ римскаго права, которое приравнивало раба къ вещи; крѣпостное же состояніе, съ его патріархальными отношеніями, создано русскою жизнью, а потому должно оставаться вѣчною принадлежностью русскаго народа. Не трудно было доказать, что это воззрѣніе основано было только на совершенномъ незнакомствѣ какъ съ западною, такъ и съ русскою исторіей. Своеобразною чертою нашего крѣпостнаго состоянія можно считать развѣ только то полное безправіе, до котораго доведено было нѣкогда свободное населеніе и которое продолжалось вплоть до преобразованій Александра Втораго.

Точно такъ же и общинное владѣніе считалось нѣкогда національнымъ русскимъ учрежденіемъ, которымъ разрѣшаются всѣ соціальные вопросы, волнующіе Западъ. Въ этомъ смыслѣ была написана знаменитая книга барона Гакстгаузена, который, наслушавшись въ Москвѣ славянофильскихъ мечтаній, принялъ ихъ за достовѣрную истину. Послѣдующія изысканія доказали, однако, неопровержимымъ образомъ, что общинное владѣніе существовало вездѣ, какъ низшая форма общественнаго быта, но что именно въ древней Россіи, при бродячемъ свободномъ населеніи, эта первобытная форма исчезла и возродилась только вслѣдствіе крѣпостнаго состоянія, доведшаго крестьянство до полнаго безправія. Мы знаемъ, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ сохранялись еще древніе свободные крестьяне, правительство, въ XVIII и даже въ XIX вѣкѣ, отбирало у нихъ наслѣдственные и купленные участки и надѣляло ими поголовно крестьянскія общины. Въ межевыхъ инструкціяхъ это было возведено въ общее правило. Въ настоящее время говорить объ общинномъ владѣніи, какъ объ исконно русскомъ учрежденіи, могутъ только тѣ, которые никогда не прикасались къ исторіи русскаго права или намѣренно закрываютъ глаза на достовѣрные факты. Соціалистамъ это воззрѣніе, конечно, на руку: на Западѣ они именно въ деревняхъ, среди личныхъ поземельныхъ собственниковъ, находятъ наиболѣе противодѣйствія, а тутъ

все громадное сельское населеніе подчиняется тѣмъ началамъ, которыя они проповѣдуютъ. Но кто нѣсколько знакомъ съ исторіей, тому взглядъ на личную поземельную собственность, какъ на спеціальное произведеніе римскаго права, которое поэтому къ Россіи не приложимо, представляется столь же основательнымъ, какъ и доводы г. Бланка.

Къ тому же разряду принадлежитъ и начало единогласія, на которое указываетъ новый защитникъ дворянскихъ привилегій, г. Ромеръ, въ доказательство своеобразности нашего общественнаго строя. Мірское единогласіе, искаженное, по его мнѣнію, новѣйшимъ законодательствомъ, онъ противополагаетъ господствующей на Западѣ тираніи большинства. Выставляя это высокое начало, какъ особенность русскаго народа, онъ признаетъ, однако, что въ Польшѣ оно привело къ весьма безобразнымъ явленіямъ. Ошибка его состоитъ лишь въ томъ, что онъ это безобразіе считаетъ чисто славянскимъ. Въ началѣ нынѣшняго вѣка нѣмецкіе романтики, и даже юристы, признавали единогласіе спеціальною принадлежностью германскаго духа. Въ дѣйствительности оно составляло характеристическую черту средневѣковаго порядка, когда личная воля человѣка была для него высшимъ началомъ; съ развитіемъ гражданскихъ отношеній оно должно было исчезнуть. Въ Англіи оно сохранилось въ судѣ присяжныхъ, какъ высшая гарантія для подсудимаго; если нѣтъ единогласнаго приговора, онъ остается свободнымъ. Но никакого административнаго дѣла нельзя вести при такомъ правилѣ; нельзя даже произвести ни одного выбора, иначе какъ при остракизмѣ. Не только общественныя учрежденія, но и промышленныя компаніи не могутъ существовать при такомъ порядкѣ. У насъ единогласіе крестьянскаго міра есть не болѣе, какъ фикція, которая могла сложиться опять же только вслѣдствіе полнаго безправія крестьянскаго населенія. Люди, находящіеся въ крѣпостномъ состояніи, привыкли молчать, и это считается знакомъ согласія. Вслѣдствіе этого самыя безобразныя постановленія міра не встрѣчаютъ прекословія, если

нѣтъ сильной партіи, готовой стоять за себя. Крестьянинъ, который несогласенъ съ большинствомъ, предпочитаетъ уйти со схода. Онъ знаетъ, что если онъ осмѣлится поднять голосъ, его заѣдятъ.

Порожденное историческими условіями безправіе составляетъ своеобразную черту и въ исторіи русскаго дворянства. Оно такъ же, какъ и западное, вышло изъ княжеской дружины. Первоначально это были вольные слуги, которые переѣзжали отъ одного князя къ другому и вступали съ ними въ договорныя отношенія. Возрастающая власть московскихъ государей и, въ особенности, тиранія Іоанна Грознаго превратили эти свободныя отношенія въ крѣпостныя. Они сложились по тому типу, который наложило на всю древнерусскую жизнь татарское завоеваніе. Самые знатные бояре стали холопами государя. Обращаясь къ нему, нѣкогда владѣтельные князья подписывались: «холопъ твой, Сенька, Ѳедька» и т. д. Воспитатель Петра Великаго, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, какъ можно прочесть въ исторіи Соловьева, подписывался: «холопъ твой Борька, хотя и пьяный». Только водвореніе европейскихъ началъ и развитіе европейскихъ понятій измѣнили эти унизительныя отношенія. Они измѣнили и самое положеніе дворянства. Старое служилое сословіе обратилось въ классъ свободныхъ землевладѣльцевъ, пользующихся весьма широкими правами. Однако и понынѣ еще въ нашихъ нравахъ и понятіяхъ звучатъ отголоски отжившей старины. Они слышатся, напримѣръ, въ сравненіи дворянства съ промотавшимся сынкомъ, который приходитъ просить денегъ у отца, оправдываясь тѣмъ, что папаша далъ ему дурное воспитаніе, и обѣщая, что это уже въ послѣдній разъ, что впредь онъ просить денегъ не будетъ. И это пишутъ не въ видахъ униженія благороднаго сословія, а для вящаго его возвеличенія!

Такимъ же анахронизмомъ звучитъ и признаніе государственной службы истиннымъ назначеніемъ дворянства. На этомъ защитники сословныхъ привилегій строятъ свои требованія государственной помощи. Уважаемый г. Ромеръ

рисуетъ намъ такую же идиллическую картину состоящаго изъ дворянъ чиновничества, какъ и мірского единогласія. Намъ, жившимъ въ до-реформенное время, при такихъ заманчивыхъ изображеніяхъ, невольно припоминаются стихи одного изъ умнѣйшихъ русскихъ литераторовъ, обращенные къ тогдашнему суровому Московскому генералъ-губернатору:

Ужъ не мечтаешь ли, гордыней ослѣпленъ,
Воровъ перевести и посягнуть на взятки?
За это не берись: остынетъ грозный пылъ
И сокрушится власть, подобно хрупкой стали;
Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ,
Вѣдь это на груди мы матери сосали.

И это не было нѣчто, навѣянное западною цивилизаціей; это была старая язва русскаго общества. Когда Петръ Великій повѣсилъ князя Матвѣя Гагарина за превосходящія всякую мѣру вымогательства, Ягужинскій говорилъ ему, что если онъ такъ будетъ поступать со взяточниками, то ему придется перевѣшать всѣхъ своихъ подданныхъ. Это опять одна изъ тѣхъ вытекшихъ изъ народной жизни чертъ, сохраненіе которыхъ вовсе не желательно. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, преобразованія Александра Втораго значительно очистили воздухъ. Они сняли съ русскаго общества то пятно, которое издревле на немъ лежало.

Но уже и въ до-реформенное время дворянство отличалось отъ чиновничества. Въ чемъ состоитъ истинное призваніе сословія, это опредѣляется самимъ закономъ, тѣми правами и обязанностями, которыя ему присвоиваются. Въ чемъ же состоятъ служебныя права русскаго дворянства? Когда-то они существовали, но уже давнымъ-давно дворяне въ этомъ отношеніи уравнены со всѣми лицами, прошедшими черезъ высшія учебныя заведенія. По русскому закону служебныя права даются не рожденію, а образованію. Существенныя права остались за дворянствомъ только въ мѣстномъ корпоративномъ устройствѣ, которое даетъ ему болѣе или менѣе значительное вліяніе на мѣстное управленіе. Этимъ самымъ опредѣляется, въ чемъ состоитъ

истинное его назначеніе. Оно заключается въ мѣстномъ вліяніи, въ качествѣ независимыхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ первенствующее участіе въ мѣстныхъ дѣлахъ. Какъ самостоятельная общественная сила, дворянство стоитъ во главѣ общества и можетъ служить опорою власти. При существованіи крѣпостнаго права это положеніе принадлежало ему исключительно; съ освобожденіемъ крестьянъ и съ переходомъ многихъ дворянскихъ земель въ другія руки, часть этого вліянія естественно перешла и на другихъ землевладѣльцевъ. Центромъ тяжести мѣстнаго управленія, а потому и главнымъ поприщемъ мѣстнаго вліянія сдѣлались новыя земскія учрежденія, на которыя, вслѣдствіе того, устремилось вниманіе и участіе всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы какъ русскаго дворянства, такъ и всего русскаго общества. Но именно эта сторона вопроса всего менѣе озабочиваетъ тѣхъ, которые все значеніе дворянства полагаютъ не въ томъ, что утверждаетъ вліяніе, а въ томъ, что его подрываетъ, въ обособленіи отъ другихъ, и въ почетныхъ и денежныхъ привилегіяхъ. Князю Цертелеву указаніе на земскія учрежденія кажется даже шуткой,— заявленіе, весьма характерное для защитниковъ дворянства, которые пробавляются миражами отжившихъ порядковъ и стоятъ спиной къ современности. То, что дѣйствительно серьезно,—мѣстное вліяніе, представляется имъ шуткой, а серьезное значеніе имѣютъ чины и кресты, дающіе дворянство и выпрашиваніе денежныхъ пособій отъ правительства!

При такомъ взглядѣ не мудрено, что кн. Цертелевъ пренебрежительно относится къ «эгалитарно-конституціонной политикѣ шестидесятыхъ годовъ». То, что онъ обзываетъ этимъ именемъ, долженствующимъ въ его устахъ означать презрѣніе, это—освобожденіе крестьянъ, введеніе независимаго и гласнаго суда, земскія учрежденія, преобразованіе войска, отмѣна цензуры, однимъ словомъ—все то, что утвердило Россію на новыхъ основахъ и водворило въ ней условія истинно человѣческой жизни. Несмотря на воззрѣніе князя Цертелева, мы позволяемъ себѣ остаться при своемъ мнѣніи, что на преобразованіяхъ Александра Вто-

раго зиждется вся будущность русскаго народа. Какъ бы ни вздыхали и ни волновались поклонники дореформенныхъ порядковъ, этого шага не воротишь. Отмѣна крѣпостнаго права знаменуетъ историческій переломъ въ народной жизни, конецъ стараго и начало совершенно новаго порядка вещей, который надобно уразумѣть въ его основаніяхъ и его послѣдствіяхъ и который возлагаетъ на гражданъ новыя обязанности. Къ счастію, русское дворянство это поняло. То горячее участіе, которое оно приняло въ великихъ преобразованіяхъ,—и въ качествѣ мировыхъ посредниковъ, и въ земскихъ учрежденіяхъ, и какъ судьи, и, наконецъ, въ лицѣ своихъ предводителей,—свидѣтельствуетъ о томъ, что оно и при новыхъ условіяхъ способно исполнять истинное свое историческое призваніе—стоять во главѣ русскаго общества на пути общественнаго развитія. Жалобные вопли о разореніи и запоздалые голоса защитниковъ старины не должны вводить насъ въ заблужденіе на счетъ тѣхъ здоровыхъ элементовъ, которые русское дворянство заключаетъ въ своей средѣ. На это я указалъ уже въ первой своей статьѣ. А потому я не могу принять на себя остроумнаго замѣчанія кн. Друцкаго, что намъ, старикамъ, надлежитъ внимательнѣе относиться къ возгласу на ектеніи, испрашивающему безболѣзненной, непостыдной и мирной кончины. Вымираютъ только старыя формы; къ нимъ относилось мое сравненіе. Но подъ обломками разливающагося пропілаго таится воспитанное имъ здоровое ядро, которое, какъ я сказалъ, можетъ служить центральнымъ элементомъ для новыхъ формацій. Жизнь обновляется безпрерывно; въ умѣніи приспособляться къ измѣняющимся ея потребностямъ обнаруживаются сила и живучесть присущихъ ей общественныхъ элементовъ. Русское дворянство никогда не отличалось ни узкостью взглядовъ, ни устарѣлыми предразсудками, а потому можно твердо надѣяться на то, что оно сумѣетъ исполнить свои новыя задачи, не отдѣляясь отъ другихъ сословій, а протянувъ имъ руку для общаго дѣла. Эта надежда не угасла и у стариковъ, хотя имъ и не придется видѣть новую жатву.

Пересмотръ законодательства о крестьянахъ.

Пересмотръ законодательства о крестьянахъ составляетъ давно наболѣвшую потребность русскаго народа. Положеніе 19 февраля даровало имъ свободу, но занятое исключительно разрѣшеніемъ вѣковыхъ узъ, оно оставило нетронутыми многія черты прежняго быта. Еще менѣе думало оно подробно регламентировать новыя отношенія. Все это благоразумно предоставлялось дальнѣйшему движенію жизни и законодательства. Но время шло, отношенія осложнялись, вопросы накоплялись во множествѣ, неопредѣленность правъ настойчиво требовала установленія юридическихъ нормъ, а законодательство не только не удовлетворяло насущной потребности, но въ своихъ отрывочныхъ постановленіяхъ какъ будто шло не впередъ, а назадъ, и вносило новыя замѣшательства въ этотъ міръ, еще не вышедшій изъ хаотическаго состоянія.

Никто не знаетъ, какого направленія слѣдуетъ держаться. Наконецъ, само правительство почувствовало необходимость внести въ эту область свѣтъ и порядокъ. Учреждена коммиссія для пересмотра законодательства о крестьянахъ. По губерніямъ разосланъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые отвѣты должны были дать созванныя губернаторами уѣздныя и губернскія совѣщанія. Передъ нами лежатъ опубликованные во всеобщее свѣдѣ-

ніе три толстыхъ тома этихъ отвѣтовъ. По нимъ можно судить, насколько въ общественномъ сознаніи подвинулось впередъ возможное разрѣшеніе предстоящихъ задачъ.

Къ сожалѣнію, изученіе этого матеріала не даетъ намъ права надѣяться на удовлетворительный исходъ этихъ работъ. Конечно, въ немъ встрѣчаются весьма вѣскія указанія, которыми мы воспользуемся, но они теряются въ массѣ. Отвѣты составлены, главнымъ образомъ, на основаніи показаній земскихъ начальниковъ. Какъ лица, которымъ непосредственно ввѣрено крестьянское управленіе, они считаются первыми знатоками этого дѣла. Изъ отвѣтовъ видно, что земскіе начальники очень довольны своимъ положеніемъ и считаютъ себя спасителями крестьянъ отъ всевозможныхъ золъ. И внесеніе порядка въ управленіе, и опредѣленіе правъ, и устройство быта,—все это можно спокойно ввѣрить ихъ заботливому попеченію. Настоящее положеніе крестьянства представляется въ весьма непривлекательномъ видѣ: на сходахъ господствуютъ горланы и міроѣды, въ должности выбираются люди, совершенно къ нимъ непригодные, права не обезпечены, твердыхъ правилъ нѣтъ, многое совершается вопреки закону. Но существуетъ благодѣтельный земскій начальникъ, и все можетъ придти въ надлежащій порядокъ. Нужно только предоставить ему достаточныя для этого полномочія. Та оборотная сторона ихъ дѣятельности, которая иногда проскальзываетъ въ печать и которая хорошо извѣстна мѣстнымъ жителямъ, конечно, не могла быть выяснена въ совѣщаніяхъ.

Едвали однако такой взглядъ способенъ удовлетворить тѣхъ, которые ищутъ въ крестьянскомъ быту не одного только внѣшняго порядка. Тутъ требуется прежде всего выясненіе и утвержденіе права, находящагося въ состояніи полной неопредѣленности; усиленіе бюрократической опеки всего менѣе можетъ этому содѣйствовать.

Самыя воззрѣнія на крестьянство, выражающіяся въ отвѣтахъ, частью подъ вліяніемъ новѣйшаго законодательства, отзываются понятіями дореформеннаго времени.

При господствѣ крѣпостнаго права на крестьянъ смотрѣли, какъ на сословіе, призванное нести повинности въ пользу государства и помѣщиковъ. Какъ извѣстно, повинности лежали на душахъ, а у помѣщиковъ на тяглахъ. Въ видахъ исправнаго ихъ отбыванія каждую душу или тягло надѣляли землею. Этимъ обезпечивалась платежная сила. Положеніе 19 февраля не разрушило разомъ всего воздвигнутаго на этихъ началахъ жизненнаго строя, но оно указало изъ него выходъ. Составители его ясно понимали, что даровать свободу человѣку значитъ дать ему право располагать своимъ лицомъ и имуществомъ по своему изволенію. Надѣляя крестьянъ землею, они не думали сдѣлать изъ нея неотъемлемую принадлежность крестьянскаго сословія. Напротивъ, положеніе вполнѣ допускало свободное передвиженіе собственности и смѣненіе сословій. Новѣйшее законодательство, напротивъ, а съ нимъ вмѣстѣ и общественное настроеніе, выражающееся въ отвѣтахъ совѣщаній, возвращаются къ дореформенному взгляду. На крестьянъ опять смотрятъ, какъ на сословіе, призванное отбывать повинности, съ каковою цѣлью оно обезпечивается землею. Воспрещается всякое отчужденіе ея въ сторонніе руки. Стараются положить предѣлъ вторженію въ крестьянскую среду какихъ бы то ни было сторонніхъ элементовъ. Крестьянство закупоривается въ общину, всякое вѣяніе свѣжаго воздуха заботливо отъ него отдаляется. Съ тѣмъ вмѣстѣ личныя права, дарованныя Положеніемъ 19 февраля, стѣсняются или уничтожаются. Лицо всецѣло отдается въ жертву мелкому союзу, къ которому хотятъ его прикрѣпить. При такомъ взглядѣ, очевидно, ни о какомъ выясненіи или утвержденіи права не можетъ быть рѣчи. Онъ представляетъ шагъ назадъ къ эпохѣ крѣпостнаго состоянія.

Кореннымъ вопросомъ является здѣсь роковое наслѣдіе крѣпостнаго права—общинное владѣніе. Тамъ, гдѣ оно существуетъ, напрасно ожидать выясненія и утвержденія гражданскихъ правъ крестьянскаго населенія. Надѣлъ составляетъ главное имущество крестьянина, а именно этимъ

имуществомъ онъ не можетъ располагать. Оно принадлежитъ ему совмѣстно съ другими, и распоряженіе зависитъ отъ чужой воли. Онъ не знаетъ, что онъ можетъ дѣлать и чего не можетъ. Конечно, крестьяне къ этому привыкли; но именно эта привычка составляетъ главный источникъ зла. Она проистекаетъ изъ прежняго полнаго безправія, которое замѣнилось только полною неопредѣленностью права.

Воображать, что общинное владѣніе составляетъ исконную принадлежность русскаго народа, драгоцѣнное наслѣдіе предковъ, которое мы должны беречь, какъ завѣщанное намъ сокровище, спасающее отъ всѣхъ золъ, могутъ только тѣ, которые не знаютъ или не хотятъ знать исторіи. Неопровержимые документы доказываютъ, что до укрѣпленія крестьяне селились на отдѣльные участки разной величины, по личному договору. Своими тяглыми землями они располагали по усмотрѣнію: дѣлили ихъ между дѣтьми, продавали постороннимъ, отдавали даже по душѣ въ монастыри, подъ условіемъ несенія государственнаго тягла. Съ введеніемъ крѣпостнаго права все это измѣнилось. На крестьянъ стали смотрѣть, какъ на сословіе, обязанное отбывать повинности, и которое, въ этихъ видахъ, надѣлялось землею. Всякое право у нихъ исчезло. У крестьянъ, владѣвшихъ тяглыми землями, стали отбирать потомственные и купленные участки, которые пускались въ общій надѣлъ, по установленому закономъ количеству десятинъ на душу. Въ Олонецкой губерніи это совершилось во второй половинѣ XVIII вѣка, въ силу межевыхъ инструкцій, а въ Архангельской губерніи даже во второй четверти нынѣшняго столѣтія, по учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ. Крестьяне противились этому, сколько могли, цѣпляясь за свое исконное право, но они были безсильны противъ всемогущей власти, которая послѣдовательно проводила свою систему.

Крестьяне съ нею сжились, тѣмъ болѣе, что она вытекала изъ самого положенія прикрѣпленнаго къ мѣсту населенія, призваннаго отбывать повинности своимъ лицомъ и работою. Передѣлы стали общимъ обычаемъ въ велико-

россійскихъ губерніяхъ. Поэтому Положеніе 19 февраля и не коснулось этого установленнаго строя. Ему достаточно было одного дѣла. Но оно не только не думало поддерживать общинное владѣніе, а напротивъ, высказало положенія, прямо его отрицающія. Установляя выкупъ надѣловъ, оно весьма далеко было отъ чудовищной мысли, что человѣка можно заставить покупать землю не для себя, а для другихъ. Все право собственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и весь гражданскій порядокъ, основанъ на томъ незыблемомъ правилѣ, что то, что человѣкъ покупаетъ, принадлежитъ ему, а не другому. Если покупка совершается нѣсколькими или многими лицами, то каждому принадлежитъ доля, соотвѣтствующая его взносу. Это прямо высказано въ 36-й статьѣ Общаго Положенія, донынѣ сохраняющей полную силу. Она гласитъ: «каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ, въ частную собственность, участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли». Изъ статьи 37-й явствуетъ, что это относится къ выкупаемымъ надѣламъ, также, какъ и ко всякимъ другимъ землямъ. Статья 165 Положенія о выкупѣ, дающая каждому крестьянину право лично выкупать свой надѣлъ и требовать выдѣла купленнаго участка, составляла только приложеніе этого общаго начала. Этимъ самымъ общинное владѣніе обрекалось на упраздненіе. Съ уничтоженіемъ прежняго безправія, съ признаніемъ личной свободы и связанной съ нею личной собственности оно не могло держаться.

Какъ же отнеслись къ этому крестьяне? Сочли ли они эти положенія противорѣчащими народнымъ понятіямъ о правѣ общины на землю? Напротивъ, и у нихъ на первыхъ порахъ установился совершенно правильный взглядъ, что кто выкупалъ свой надѣлъ, у того нельзя его отнять. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ изъ русскихъ статистиковъ, который не ограничивался кабинетными выкладками, на основаніи офиціальныхъ свѣдѣній, собранныхъ волост-

ными правленіями и часто вовсе не соотвѣтствующихъ дѣйствительности, а самъ ходилъ по деревнямъ, добросовѣстно распрашивалъ крестьянъ и собиралъ возможно точныя свѣдѣнія,—а именно, основатель земской статистики, слишкомъ рано умершій В. И. Орловъ. Онъ приводилъ даже любопытный примѣръ деревни, въ которой одна половина состояла на выкупѣ, а другая, заселенная дворовыми, получила землю даромъ. Въ первой передѣлы всегда происходили по ревизскимъ душамъ, слѣдовательно съ сохраненіемъ первоначальнаго надѣла, не смотря на водворившееся съ теченіемъ времени неравенство, во второй же—земля постоянно передѣлялась по наличнымъ душамъ. Крестьяне объясняли это различіе тѣмъ, что первые выкупаютъ свою землю, а вторые получили ее даромъ, а потому она принадлежитъ всѣмъ наличнымъ членамъ общины безъ различія *). Изъ собранныхъ имъ фактовъ В. И. Орловъ выводилъ, что вслѣдствіе выкупа общинное владѣніе само собой перейдетъ въ подворно-наслѣдственное. Онъ приводилъ примѣръ, что въ то время и начальство держалось того же взгляда. Если бы это воззрѣніе упрочилось, то этимъ самымъ понятіе о собственности незыблемо утвердилось бы въ умахъ крестьянъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ вопросъ о ихъ гражданскихъ правахъ получилъ бы совершенно правильное рѣшеніе.

Къ сожалѣнію, впослѣдствіи возобладали другіе взгляды. На крестьянъ опять стали смотрѣть, какъ на сословіе, надѣляемое землею для отбыванія повинностей. Само законодательство перешло къ точкѣ зрѣнія отрицанія личнаго права. Статья 165 Положенія о выкупѣ была ограничена согласіемъ міра, что было равносильно ея отмѣнѣ, ибо другимъ нѣтъ выгоды въ единичномъ выкупѣ, а скорѣе могутъ опасаться умаленія своей доли при общемъ передѣлѣ. Отвѣты совѣщаній единогласно свидѣтельствуютъ, что таковъ именно былъ результатъ этой мѣры. Такимъ

*) См. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи, т. I, стр. 22—23. 1880 года.

образомъ, право, дарованное крестьянину при освобожденіи и основанное на строгой справедливости, было у него отнято. Въ томъ же духѣ было постановлено, что надѣлы переселяющихся крестьянъ поступаютъ въ распоряженіе общества безъ всякаго вознагражденія, противъ чего возстали даже нѣкоторыя совѣщанія, указывая на несправедливость лишенія крестьянъ земли, которую они выкупали на свои деньги. Но вообще, совѣщанія вполнѣ усвоили себѣ новый взглядъ законодательства. До какой степени они мало выяснили себѣ истинныя начала, лежащія въ основаніи великаго акта освобожденія, и даже самыя явленія, происходящія въ крестьянской средѣ, видно изъ того, что многія изъ нихъ возстаютъ противъ сохранившагося у значительной части крестьянскихъ обществъ обычая передѣлять землю по старымъ ревизскимъ душамъ, утверждая, что онъ потерялъ всякій смыслъ. Между тѣмъ, именно этотъ способъ передѣла имѣетъ настоящій смыслъ: онъ означаетъ, что нельзя отнимать землю у того, кто ее выкупалъ. Хотя при передѣлѣ владѣлецъ получаетъ ее въ другомъ мѣстѣ, но количество остается то же. Передѣлъ же по наличнымъ душамъ есть отрицаніе этого начала. Точно такъ же нѣкоторыя совѣщанія настаиваютъ на томъ, чтобы крестьянъ заставили непремѣнно передѣлить землю по наличнымъ душамъ, между тѣмъ какъ вслѣдствіе закона, ограничивающаго передѣлы двѣнадцатилѣтнимъ срокомъ, во многихъ мѣстахъ они совсѣмъ прекратились. Всѣ мѣры, клонящіяся къ ограниченію правъ лица, называютъ искусственнымъ разрушеніемъ общиннаго землевладѣнія, а лишеніе лица по справедливости и по закону принадлежащихъ ему правъ считаютъ порядкомъ, согласнымъ будто бы съ народными воззрѣніями, тогда какъ, въ сущности, онъ имѣетъ корень въ крѣпостномъ правѣ и поддерживается только теоретическими фантазіями.

Результатомъ этого направленія было то, что всѣ понятія о правѣ собственности у крестьянъ перепутались. Никто не знаетъ, что ему принадлежитъ. Статья 36 Общаго Положенія сохраняетъ свою силу, но всѣ ея послѣдствія

отрицаются. Въ разныхъ случаяхъ даются совершенно противорѣчащія рѣшенія. Самыя усадебныя земли, которыя Положеніе 19 февраля признало неотъемлемою принадлежностью крестьянскихъ дворовъ, нерѣдко подвергаются передѣламъ и даже отобранію. Въ крестьянскомъ быту водворился хаосъ, въ которомъ никто не можетъ разобраться и который ведетъ къ нескончаемымъ внутреннимъ раздорамъ. Крестьяне, которыхъ надѣлъ, вслѣдствіе дробленія семей, уменьшился, естественно желаютъ получить больше земли, а потому настаиваютъ на общихъ передѣлахъ. Къ этому присоединяются, къ сожалѣнію, широко распространенная въ крестьянской средѣ взаимная зависть между членами общины: не хотятъ, чтобы одинъ имѣлъ больше другаго. Голосъ справедливости заглушается горланами; когда же само начальство поддерживаетъ эти стремленія, то немудрено, что передѣлы по наличнымъ душамъ получаютъ все большее и большее распространеніе. Это именно то, чего хотятъ защитники общиннаго владѣнія. Идеалъ ихъ, который прямо высказывается въ совѣщаніяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы всѣ были уравнены. Что такого рода цѣли могутъ ставить себѣ люди, раздѣляющіе соціалистическіе взгляды, это естественно и послѣдовательно. Но трудно понять, какимъ образомъ могутъ держаться этихъ началъ тѣ, которые дорожатъ свободою и гражданственностью. Это можно объяснить развѣ тѣмъ, что на крестьянъ все еще смотрятъ, какъ на людей особой породы, которыхъ назначеніе состоитъ въ отбываніи повинностей и надъ которыми можно дѣлать всякаго рода эксперименты. То, противъ чего помѣщикъ возопилъ бы всѣми силами, если бы такое правило было приложено къ нему, то для крестьянъ считается совершенно пригоднымъ.

Главный доводъ, который приводится въ пользу сохраненія общиннаго владѣнія, состоитъ въ томъ, что оно будто бы избавляетъ насъ отъ главной язвы западныхъ обществъ—отъ пролетаріата. Если бы эта цѣль могла быть достигнута уничтоженіемъ личнаго права, взятіемъ крестьянъ подъ опеку и огражденіемъ ихъ отъ всякихъ сто-

ронныхъ элементовъ, то результатъ былъ бы заплаченъ слишкомъ дорого. Это было бы равносильно сохраненію крѣпостнаго состоянія. Но дѣло въ томъ, что это не болѣе какъ призракъ. Защитники общиннаго владѣнія, которые на совѣщаніяхъ излагали мѣры, необходимыя для упроченія и благосостоянія крестьянъ, согласны въ томъ, что нужно установить наименьшій размѣръ участковъ, способный дать хотя скудное пропитаніе семьѣ. Иначе не обезпечены ни хозяйственный бытъ, ни отбываніе повинностей. Но при возрастаніи населенія, особенно когда люди знаютъ, что состояніе дѣтей обезпечивается не родителями, а обществомъ, а потому не имѣютъ ни малѣйшаго побужденія откладывать свои браки и устраивать судьбу семейства, этотъ предѣлъ скоро будетъ достигнутъ: всѣ равно будутъ на нищенскомъ надѣлѣ. Что же тогда станется съ избыткомъ населенія? Другаго средства не находятъ, какъ переселять излишнія души на казенныя земли. Но если это средство дѣйствительно, то оно въ одинаковой степени приложимо и къ подворному владѣнію. Разница состоитъ лишь въ томъ, что при общинномъ владѣніи надобно сначала всѣхъ уравнять и довести до нищенства, а затѣмъ избытокъ нищихъ переселять на пустопорожнія земли.

Когда хотятъ сравнивать общинное владѣніе съ подворнымъ относительно ихъ дѣйствія на благосостояніе населенія, то надобно прежде всего спросить: что же они даютъ въ настоящемъ? Если слушать доводы защитниковъ общиннаго владѣнія, можно подумать, что крестьяне, которые держатся этой формы земельнаго устройства, находятся въ цвѣтущемъ положеніи, а тѣ, которые состоятъ на подворномъ пользованіи, да еще съ правомъ отчужденія участковъ, должны бѣдствовать. На дѣлѣ, однако, замѣчается совсѣмъ не то. Объ этомъ свидѣтельствуютъ губернскія совѣщанія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ распространены обѣ формы. Такъ Витебское совѣщаніе говоритъ: «въ Витебской губерніи, гдѣ одновременно существуютъ общинное и подворное владѣніе землею, легко можно за-

мѣтить значительную разницу въ благосостояніи крестьянъ, владѣющихъ землею на тѣхъ или другихъ условіяхъ, при чемъ перевѣсъ безусловно на сторонѣ подворныхъ владѣльцевъ; поэтому, въ особенности въ послѣднее время, стало замѣчаться среди крестьянъ, владѣющихъ землею на общинномъ правѣ, нѣкоторое стремленіе къ переходу къ подворно-наслѣдственному пользованію» (№ 2020). Въ докладѣ Харьковскаго совѣщанія читаемъ: «переходъ къ подворно-наслѣдственному пользованію оказываетъ самое благопріятное вліяніе на благосостояніе членовъ общества» (№ 2055). Черниговское совѣщаніе говоритъ: «участки земли при подворно-наслѣдственномъ владѣніи обрабатываются сельскими обывателями съ большимъ вниманіемъ и любовью, чѣмъ при общинномъ пользованіи, ибо крестьянинъ въ этомъ случаѣ знаетъ, что онъ работаетъ для своей семьи, и что его трудами не воспользуется его однообщественникъ» (№ 2057). Вся Малороссія состоитъ на подворно-наслѣдственномъ пользованіи, а между тѣмъ никто не станетъ утверждать, что она бѣднѣе великороссійскихъ губерній. У подворныхъ владѣльцевъ не замѣчается также никакого стремленія къ отчужденію своей земли. Напротивъ, они своими наслѣдственными участками очень дорожатъ. И объ этомъ свидѣтельствуютъ совѣщанія.

Самое средство, на которое указываютъ сторонники общиннаго владѣнія, какъ на способъ отвращенія пролетаріата, именно переселеніе излишнихъ крестьянъ на пустопорожнія земли, едва ли въ состояніи помочь угрожающему злу. Мы знаемъ, что такое переселеніе въ отдаленные пустынные края. Многіе туда стремятся отъ малоземелья, ожидая обрѣсти тамъ несмѣтныя блага; но половина переселенцевъ оттуда бѣгутъ и возвращаются домой, лишившись всего, чистыми пролетаріями. То, чего хотѣли избѣжать, то именно наступаетъ. Что же будетъ, когда удобной земли станетъ еще меньше? Воображать, что можно, при свободномъ населеніи, избѣжать пролетаріата и надѣлять всѣхъ крестьянъ землею, есть ничто

иное, какъ опасная мечта, которая можетъ и правительство, и общество увлечь на совершенно ложную дорогу. Все, къ чему можетъ стремиться государство, это — то, чтобы имѣть болѣе или менѣе значительный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, стоящихъ на своихъ ногахъ. Но для этого первымъ средствомъ служитъ утвержденіе права собственности на прочныхъ основахъ. А этого можно достигнуть только установивши какъ непреложное правило, что кто выкупилъ землю, у того нельзя ее отнять, иначе какъ на общественныя нужды и со справедливымъ вознагражденіемъ. Существующая понынѣ 36 статья Общаго Положенія должна сдѣлаться истинной. Если многое уже опущено, чего не вернешь, то никогда не поздно возвратиться къ опирающимся на всемірный опытъ началамъ гражданскаго порядка, ибо въ нихъ однихъ заключается залогъ прочнаго будущаго. Если будетъ воспрещенъ передѣлъ по наличнымъ душамъ, то можно еще надѣяться, что гражданскія права крестьянъ получатъ прочную основу; если нѣтъ, то мы изъ хаоса не выйдемъ. Туманныя фантазіи о какихъ-то особенныхъ воззрѣніяхъ русскаго народа могутъ только окончательно подорвать всякій разумный порядокъ.

Столь же тщетны стремленія оградить крестьянство отъ сторонніхъ элементовъ и воспрепятствовать переходу крестьянскихъ земель въ чужія руки. Положеніе 19 февраля и тутъ стояло на совершенно правильной точкѣ зрѣнія. Только въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ воспрещалась продажа участковъ не иначе какъ односельцамъ; по истеченіи этого срока разрѣшалась продажа постороннимъ, подъ условіемъ уплаты выкупной ссуды (169 ст. Пол. о вык.). Составители Положенія хорошо понимали, что съ личною свободою связано и свободное распоряженіе собственностью. Ограничить продажу тѣснымъ кругомъ односельцевъ значитъ умалить настоящую цѣну земли. Конечно, сторонніе элементы могутъ быть дурные; но они могутъ быть и хорошіе. По вопросу о переходѣ надѣльныхъ участковъ къ лицамъ другихъ сословій Виленское губернское по кре-

стьянскимъ дѣламъ присутствіе весьма основательно отвѣчало, «что такой переходъ можетъ совершиться лишь съ промышленными цѣлями; существованіе же промышленныхъ заведеній среди сельскаго населенія внесетъ въ него хотя нѣкоторую долю предпріимчивости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дастъ способъ къ сбыту хозяйственныхъ продуктовъ, равно представитъ возможность мѣстныхъ заработковъ, и при такихъ условіяхъ устраненіе постороннихъ лицъ отъ промышленныхъ въ селеніяхъ предпріятій, къ продолженію которыхъ крестьяне не имѣютъ ни средствъ, ни необходимыхъ познаній, служило бы въ ущербъ ихъ интересамъ» (№ 2278). При тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена нынѣ русская земля, при искрещивающихъ ее во всѣ стороны желѣзныхъ дорогахъ, при удобствѣ и живости сношеній, мѣшать смѣшенію сословій вслѣдствіе свободнаго разселенія и перехода собственности изъ рукъ въ руки, стараться каждое изъ нихъ держать въ обособленіи, взявъ его подъ опеку бюрократіи и устраняя отъ него всякія постороннія вліянія, значитъ идти наперекоръ естественному ходу вещей и тѣмъ началамъ, которыя положены въ основаніе современнаго нашего гражданскаго быта великимъ актомъ освобожденія крестьянъ. Такая обращенная назадъ политика не остановитъ неудержимаго движенія, но она можетъ породить безчисленныя затрудненія, поселить смуту въ умахъ и, въ концѣ концовъ, вмѣсто правильной и преуспѣвающей гражданственности, привести къ состоянію общаго приниженія и обѣднѣнія.

Это не значитъ, однако, что слѣдуетъ освобожденное населеніе предоставить собственной его судьбѣ, не принимая никакихъ мѣръ для упорядоченія гражданскихъ его отношеній. Напротивъ, именно къ этому должно быть направлено все вниманіе законодательства. Не слѣдуетъ только задаваться ложными цѣлями и несбыточными мечтами. Не отдѣленіе крестьянъ отъ другихъ сословій и не обезпеченіе каждаго крестьянина землею должно быть предметомъ заботы государства, а главнымъ образомъ правильное устройство семейнаго ихъ быта, который, вслѣдствіе

полной неопредѣленности права, находится нынѣ въ состояніи разложенія. Нечего говорить о томъ, что при общинномъ владѣніи эта цѣль недостижима; оно служитъ самымъ сильнымъ разлагающимъ элементомъ семейнаго строя. Пока крестьяне были крѣпостные и земля принадлежала владѣльцу, ни о какихъ правахъ подчиненныхъ членовъ семьи не могло быть рѣчи. Всѣ отношенія опредѣлялись приказаніями начальства; каждаго работника надѣляли землею въ видѣ повинности; внутри же семьи полновластіе отца семейства было полное. Но какъ скоро крестьяне стали свободны и имъ присвоено было право на землю, такъ отношенія измѣнились. Въ силу общиннаго владѣнія сынъ получаетъ надѣлъ не по волѣ отца и не по семейному положенію, а по собственному праву: община надѣляетъ его какъ полноправнаго члена. Когда же отецъ состарѣлся и пересталъ лично отбывать повинности, сынъ всецѣло становится на его мѣсто; на старика смотрятъ только какъ на излишнее бремя. Что это дѣйствительно такъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ, знаютъ хорошо тѣ, которые знакомы съ крестьянскимъ бытомъ. То уваженіе, которымъ до конца пользуется глава семьи, какъ собственникъ семейнаго имущества, здѣсь отпадаетъ.

Къ этому присоединяется начало, весьма распространенное въ крестьянской семьѣ и имѣющее справедливое основаніе въ приложеніи ко всякаго рода владѣнію, общинному и подворному, именно—право труда. Крестьянское хозяйство зависитъ не столько отъ землевладѣнія, сколько отъ личнаго труда членовъ семьи; количествомъ работниковъ опредѣляется ея благосостояніе. Каждый изъ нихъ своимъ трудомъ участвуетъ и въ поддержаніи хозяйства, и въ уплатѣ выкупа. Отсюда рождается убѣжденіе, что выкупаемый надѣлъ принадлежитъ не главѣ семьи, а всѣмъ ея членамъ. Онъ составляетъ принадлежность двора какъ единаго цѣлаго.

Однако, это убѣжденіе далеко не всеобщее. Въ мнѣніяхъ губернскихъ совѣщаній встрѣчаются на этотъ счетъ ради-

кально противоположные взгляды. Въ докладѣ Нижегородскаго губернскаго совѣщанія (№ 2317) сказано: «вводить въ законъ толкованіе о принадлежности подворнаго наслѣдственнаго участка цѣлому двору не слѣдуетъ. Такой законъ окончательно уничтожаетъ и безъ того подорванную патріархальную власть родителей, превращая крестьянскую семью въ коммуну». То же говоритъ и Полтавское совѣщаніе (№ 2323): «внесеніе въ законъ толкованія, что подворный участокъ составляетъ собственность какого-то двора, а не главы семьи, противорѣчитъ народному возрѣнію и подрываетъ авторитетъ отцовской власти». Но совершенно иной взглядъ высказываютъ другія совѣщанія, напримѣръ, Вятское: «подворный участокъ, по понятію мѣстнаго населенія, есть собственность не одного домохозяина, а всей семьи, составляющей дворъ». То же мнѣніе высказываетъ Рязанское (№ 2324): «подворный участокъ служитъ обезпеченіемъ быта всей семьи, находящейся во дворѣ, а потому признаніе такого участка принадлежностью всего двора представляется не только желательнымъ, но даже необходимымъ». Самое толкованіе существующаго закона идетъ въ совершенно разныя стороны, смотря по тому, какого взгляда придерживается губернское присутствіе.

Что же будетъ дѣлать законодательство въ виду такихъ разнорѣчащихъ показаній? Возьметъ ли оно на себя регламентировать эти тонкія и часто неуловимыя семейныя отношенія? Законъ 18 марта 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ можетъ служить назидательнымъ предостереженіемъ противъ такого рода попытокъ. По общему отзыву людей, знакомыхъ съ крестьянскимъ бытомъ, семейные раздѣлы составляютъ въ немъ одно изъ величайшихъ золъ; они всего болѣе ведутъ къ обѣднѣнію крестьянства. Внимая этимъ жалобамъ, законодатель хотѣлъ положить предѣлъ разоренію семействъ. Онъ обставилъ раздѣлъ разнаго рода гарантіями: требовалось согласіе домохозяина и міра. Каковъ же былъ результатъ? По общему свидѣтельству губернскихъ совѣщаній, этотъ законъ остался мертвою буквой. Раздѣлы совершаются по прежнему, съ обходомъ закона

и безъ согласія міра. Когда, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, семейная жизнь становится нестерпимой, семья идетъ врозь, и никакія силы ея не удержатъ. «Непзбѣжная вездѣ индивидуализація», говоритъ Пермское совѣщаніе (№ 1231), «разрушаетъ семейные устои и стремится создать бытъ, построенный на обособленности и самостоятельности личности. Противиться этому стремленію, какъ доказала практика, не только безполезно, но и вредно... Всякая попытка искусственно связать то, что въ самой основѣ заключаетъ сѣмена разложенія, распада, приведетъ лишь къ нравственному и матеріальному ущербу тѣхъ, кто будетъ подвергнутъ этому эксперименту». Эти слова, внушенныя прямо явленіями жизни, могли бы заставить призадуматься защитниковъ общиннаго владѣнія, признающихъ личное начало противорѣчащимъ народному духу.

Но если законодателю трудно регламентировать эти отношенія, то, съ другой стороны, существующіе въ крестьянской средѣ обычаи представляютъ для этого слишкомъ шаткую точку опоры. Настоящіе твердые обычаи, предполагающіе неизмѣнный порядокъ жизни, не могли у насъ выработаться при существованіи крѣпостнаго права и прежняго бюрократическаго управленія, которыя во всѣ отношенія вносили произволъ. Изслѣдователи этой стороны крестьянскаго быта слишкомъ часто принимали подмѣченные ими факты за постоянныя правила. Обычай у насъ неопредѣленный, разнообразный, случайный и шаткій. Изъ отвѣтовъ совѣщаній видно, что нерѣдко въ сосѣднихъ мѣстностяхъ установились совершенно различные порядки. Для того, чтобы обычай сложился въ твердую систему, опредѣляющую права и обязанности лицъ, необходимъ постоянный органъ, хранящій преданія и выражающій общія убѣжденія, а именно этого у насъ недостаетъ. Всего менѣе такимъ органомъ можетъ быть мірская сходка. Опять же по свидѣтельству совѣщаній, подтверждающему то, что и такъ достаточно извѣстно, она обыкновенно находится подъ вліяніемъ горлановъ и заправилъ, преслѣдующихъ свои личныя цѣли. Голосъ разумныхъ крестьянъ

всего менѣе принимается во вниманіе. Ея рѣшенія случайны и произвольны; нерѣдко они происходятъ подъ вліяніемъ попойки. Въ большихъ селахъ въ особенности она представляетъ безобразную толпу, въ которой путное обсужденіе дѣлъ становится совершенно невозможнымъ. Упорядоченіе мірской сходки составляетъ одно изъ главныхъ требованій, предъявленныхъ губернскими совѣщаніями. Столь же мало способенъ служить органомъ обычнаго права волостной судъ. Тутъ нѣтъ даже общаго убѣжденія среды, а есть только случайно составленное мнѣніе сошедшихся съ разныхъ сторонъ лицъ; часто приговоръ произносится тоже вслѣдствіе родства или кумовства, или каверзъ волостного писаря, а нерѣдко и подъ вліяніемъ вина. Въ отвѣтахъ совѣщаній мы находимъ свидѣтельства о томъ, что учрежденіе земскихъ начальниковъ внесло нѣкоторый порядокъ въ эту область; но земскій начальникъ—именно такое лицо, которое менѣе всего способно содѣйствовать вырабатыванію началъ обычнаго права. Онъ не юристъ, не судья, а администраторъ. Его дѣло—смотрѣть, чтобы были исполнены приказанія, а не руководить юридическими преніями. Если законодатель имѣетъ въ виду развитіе крестьянскихъ обычаевъ, то первое требованіе состоитъ въ томъ, чтобы устранить отсюда вліяніе земскихъ начальниковъ.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ, когда земствомъ разосланы были разные вопросы насчетъ устройства крестьянскаго управленія, Тамбовскимъ земствомъ предложено было образованіе надъ волостнымъ судомъ апелляціонной инстанціи подъ предсѣдательствомъ существовавшихъ еще тогда мировыхъ судей, съ засѣдателями изъ крестьянъ. Такое учрежденіе могло дѣйствительно служить органомъ, черезъ посредство котораго мѣстные обычаи могли бы постепенно сложиться въ прочную юридическую систему и связаться съ общими нормами русскаго гражданскаго права. Крестьянскіе засѣдатели являлись бы тутъ глашатаями мѣстныхъ воззрѣній, а руководящій ими мировой судья, знакомый съ мѣстною жизнью, былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ проводникомъ общихъ началъ права. Изъ этого со време-

немъ могло бы выработаться что-нибудь. Но мировые судьи уничтожены, и этотъ путь закрытъ; если бы даже они были возстановлены, то уже прежній духъ исчезъ. Ломка, произведенная безъ настоятельной нужды, всегда нежелательна, а иногда она бываетъ непоправима. Назначеніе, вмѣсто прежнихъ мировыхъ судей, коронныхъ юристовъ не поможетъ дѣлу. Человѣкъ, совершенно чуждый средѣ, не знакомый съ мѣстнымъ бытомъ и понятіями крестьянства, не въ состояніи быть руководителемъ именно въ тѣхъ вопросахъ, которые требуютъ прежде всего близкаго знанія среды. Когда же, при этомъ, онъ плохой юристъ, а между тѣмъ исполненъ вѣры въ свое полузнаніе и уваженія къ формальнымъ предписаніямъ закона, то можно предвидѣть, что изъ этого, кромѣ путаницы, ничего не выйдетъ: люди просто не будутъ другъ друга понимать. А что таковъ именно будетъ уровень предполагаемыхъ судей, въ этомъ не могутъ сомнѣваться люди, знающіе условія нашего деревенскаго быта, скудость въ немъ и матеріальныхъ удобствъ, и умственныхъ сношеній, трудность найти въ деревнѣ даже сносное помѣщеніе. Кто изъ образованныхъ юристовъ поѣдетъ въ такую среду? Очевидно, эти мѣста будутъ заняты молодыми людьми, только что сошедшими съ университетской скамьи, слѣдовательно, менѣе всего способными руководить такимъ дѣломъ, которое требуетъ и опыта, и знанія людей, и умѣнія вжиться въ непривычную сферу. Если случайно попадется образованный юристъ, онъ едва-ли удовольствуется такою скромною дѣятельностью и убѣжитъ прежде, нежели успѣетъ освоиться съ совершенно чуждыми ему понятіями и нравами. Вселеніе же въ провинцію сторонніхъ элементовъ, несогласованныхъ съ ея строемъ, можетъ произвести еще большія замѣшательства. Въ настоящее время многіе помѣщики стоятъ за сохраненіе земскихъ начальниковъ единственно изъ опасенія, что ихъ могутъ замѣнить такого рода непризванные судьи.

При такихъ условіяхъ, что же остается дѣлать законодательству для внесенія нѣкотораго свѣта въ гражданскія

отношенія крестьянъ? Думается, что чѣмъ меньше оно будетъ дѣлать, тѣмъ лучше. Когда все находится въ полномъ туманѣ, и нѣтъ даже путныхъ органовъ для дѣйствія, опасно приниматься за такое сложное дѣло. Необходимо только установить нѣкоторыя непреложныя правила, безъ которыхъ никакой гражданскій порядокъ немыслимъ. Къ числу такихъ правилъ принадлежитъ, прежде всего, признаніе, что то, что человѣкъ покупалъ на свои деньги, не можетъ быть у него отнято. Статья 36 Общаго Положенія, какъ сказано, должна стать истиной. Пока это не сдѣлано, объ остальномъ говорить совершенно напрасно; это только пустая трата времени и словъ. Желательно также, чтобы отчужденіе участковъ въ стороннія руки представлялось на утвержденіе уѣздныхъ присутствій, не въ видахъ огражденія правъ общины или даже всего крестьянскаго сословія, а въ видахъ огражденія правъ семьи, которой существенныя интересы могутъ быть принесены въ жертву легкомысленными отчужденіями. Какъ бы ни разрѣшился вопросъ о принадлежности подворныхъ участковъ, такая задержка можетъ быть только полезна. Остальныя же ограниченія должны быть отмѣнены. Наконецъ, 165 статья Положенія о выкупѣ должна быть возстановлена въ полной силѣ, ибо она одна открываетъ правильный исходъ изъ существующаго хаоса. Если коммиссіи, учрежденной для пересмотра законодательства о крестьянахъ, удастся провести эти мѣры, она окажетъ существенную услугу отечеству. Дѣло будетъ, по крайней мѣрѣ, поставлено на правильный путь. Остальное можно предоставить дальнѣйшему ходу жизни.

Бюрократія и земство.

Между земскими людьми распространяются тревожные слухи о томъ, что въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ сферахъ существуетъ, будто бы, предположеніе отнять у земства то участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, которое предоставлено ему закономъ. Не хотѣлось бы этому вѣрить, ибо нѣтъ къ этому ни малѣйшаго повода, и подобная мѣра возбудила бы глубокое неудовольствіе среди русскаго общества.

Какъ извѣстно, законъ возлагаетъ на земство попеченіе о народномъ образованіи преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи. Это было послѣдствіемъ той политики, которая привела къ созданію земскихъ учрежденій. Въ до-реформенное время мѣстные жители принимали самое широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Не только помѣщики распоряжались, какъ хотѣли, своими крѣпостными, но судъ и полиція находились въ рукахъ представителей отъ сословій. Комитеты о земскихъ повинностяхъ, съ отдѣленіями по уѣздамъ, разсматривали смѣты и отчеты, какъ по натуральнымъ, такъ и по денежнымъ повинностямъ, которыя раскладывались ими на населеніе. Предводитель являлся главою уѣзда, и дворянство при участіи другихъ сословій было, можно сказать, полнымъ въ немъ хозяиномъ. Такова была система, созданная Екатериной. Съ освобожденіемъ крестьянъ и всѣми сопровождавшими его преобразованіями, все это значительно сократилось. Не только сельское населеніе

вышло изъ крѣпостной зависимости и получило отдѣльное самоуправленіе, но правительство взяло на себя общій судъ и полицію. Взамѣнъ того введены были земскія учрежденія, которымъ предоставлена была мировая юстиція, а также участіе въ мѣстномъ управленіи крестьянскими дѣлами посредствомъ выбора непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ и губернскихъ присутствій; но, главнымъ образомъ, имъ ввѣрено было попеченіе о хозяйственныхъ нуждахъ мѣстности, которыя въ прежнія времена, за недостаткомъ надлежащихъ органовъ, были, надобно сказать, въ полномъ пренебреженіи. Для дворянства, которое въ мѣстной жизни играло и продолжаетъ играть первенствующую роль, это было весьма небольшое вознагражденіе за все то, что оно теряло. Въ земскихъ учрежденіяхъ, стоя во главѣ другихъ сословій, оно могло хотя отчасти удержать утраченное положеніе. Въ послѣдующее время однако и эта суженная сфера дѣятельности значительно сократилась. У земства былъ отнятъ выборъ мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ. За нимъ оставлена только чисто хозяйственная часть, да и та была поставлена подъ усиленный контроль администраціи. Казалось бы, далѣе идти по этому пути невозможно, не превративши выборныя учежденія въ призракъ; но бюрократическія стремленія на этомъ не останавливаются. Была попытка, до сихъ поръ еще не оставленная, подчинить всю медицинскую часть бюрократическому контролю. А теперь вопросъ идетъ объ отнятіи у земства попеченія о народномъ образованіи. Чѣмъ же заслужило русское земство такое недовѣріе?

Установленное закономъ участіе земскихъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго образованія ограничивается весьма немногимъ. Не имъ принадлежитъ управленіе народными школами. Онѣ находятся въ вѣдѣніи уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, которые состоятъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ членовъ отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ; отъ земства засѣдаютъ въ нихъ всего два члена,

которые не имѣютъ рѣшающаго голоса. Всѣ программы преподаванія издаются министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое, посредствомъ назначаемыхъ имъ инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ, сохраняетъ верховное руководство всѣмъ школьнымъ дѣломъ. Очевидно, такое сравнительно ничтожное участіе земства въ отрасли, ввѣренной его попеченію, составляетъ наименьшее, что можно было ему удѣлить, ибо далеко значительнѣйшая часть содержанія школъ идетъ отъ него: а кто добровольно даетъ деньги на извѣстное дѣло, тому нельзя отказать въ правѣ наблюдать за правильнымъ ихъ расходованіемъ и участвовать въ управленіи. Это—первое правило общественнаго хозяйства. И, несмотря на эту въ высшей степени скромную роль въ этомъ важномъ общественномъ дѣлѣ, земство умѣло воспользоваться предоставленными ему правами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Оно явилось въ немъ иниціаторомъ. По его почину Россія покрылась сѣтью народныхъ школъ, и это движеніе идетъ, все возрастая. Лучшіе люди изъ мѣстныхъ жителей положили на это всю свою душу. Въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи русское общество проявило совершенно несвойственныя ему энергію и постоянство: иногда оно увлекается даже черезъ мѣру, ожидая отъ грамотности какихъ-то чудесъ, которыя она не въ состояніи дать. Русская народная школа есть созданіе земства, и это будетъ составлять вѣчную его заслугу передъ отечествомъ. Это—одна изъ лучшихъ страницъ въ исторіи нашей общественной жизни. И какое же получило оно за это признаніе? Вмѣсто глубочайшей благодарности за такое крупное явленіе общественной иниціативы, за значительныя затраченныя на это дѣло средства и силы, за невидимые подвиги безкорыстнаго самоотверженія, хотятъ это созданіе земства у него отнять и передать другому вѣдомству. Откуда же взялась такая гроза?

Съ перваго взгляда можно было бы предполагать, что этотъ походъ противъ земства является послѣдствіемъ соперничества между земскими и церковно-приходскими

школами. Русское духовенство, какъ извѣстно, въ прежнее время вовсе не заботилось о школахъ. Въ теченіе многовѣковой исторіи оно въ этомъ отношеніи не создало ничего. Безграмотность народа казалась въ порядкѣ вещей. Но какъ скоро возникли земскія школы, такъ у начальствующихъ въ духовномъ вѣдомствѣ лицъ явилось желаніе самимъ устроить что-нибудь въ этомъ родѣ. Рядомъ съ земскими школами стали учреждать церковно-приходскія. Въ сущности къ этому не было ни малѣйшаго повода, ибо у насъ никогда не было и нѣтъ того соперничества между свѣтскимъ и церковнымъ просвѣщеніемъ, какое существуетъ въ другихъ странахъ. У насъ, въ земской школѣ священникъ занимаетъ подобающее ему мѣсто; онъ учитъ закону Божьему, и это все, что онъ, занятый требами, можетъ исполнить. Бо̀льшаго онъ и не домогается, ибо властолюбіе, свойственное католицизму, всегда было чуждо русскому духовенству. Только подъ настойчивымъ давленіемъ сверху оно заводитъ свои особыя школы. Бюрократіи, а не духовенству, всегда нужно чѣмъ-нибудь управлять. Однако и въ этомъ не было бы еще большой бѣды; соревнованіе двухъ вѣдомствъ могло бы даже оказать пользу народной школѣ, если бы оно не сопровождалось искусственно прививаемою враждою къ земской школѣ, которую стараются подорвать прямо и косвенно, съ тѣмъ, чтобы перетянуть средства и вліяніе на свою сторону. Хотятъ присвоить себѣ созданное другими и привить русскому духовенству властолюбивыя стремленія, которыя ему совершенно чужды. Подъ этимъ вліяніемъ и администраторы и даже нѣкоторые общественные дѣятели побуждаютъ земства отречься отъ своего дѣла и передать его въ вѣдѣніе духовенства. И нашлись въ Россіи земскія собранія, которыя до такой степени забыли свое призваніе и свои общественныя обязанности, что они вняли этимъ увѣщаніямъ! Отношеніе земскихъ школъ къ церковно-приходскимъ составляетъ одинъ изъ острыхъ вопросовъ нашей современной общественной жизни.

Едва ли однако онъ могъ бы привести къ какимъ-нибудь серьезнымъ послѣдствіямъ, если бы онъ искусственнымъ образомъ не раздувался извнѣ. Въ этой области размежеваться немудрено и ничто не мѣшаетъ жить въ мирѣ, когда есть на то добрая воля. Между мѣстнымъ духовенствомъ и земствомъ нѣтъ даже никакого соперничества: если бы ихъ оставили въ покоѣ, они никогда бы не враждовали. Соперничество существуетъ не внизу, а наверху, между двумя вѣдомствами, изъ которыхъ каждое стремится расширить по возможности свое управленіе и забрать себѣ какъ можно болѣе дѣлъ. Однако и эта бюрократическая борьба легко можетъ кончиться миромъ: нужно только, чтобы одно вѣдомство не вступалось въ дѣла другаго. Бюрократы всегда сойдутся, ибо интересы ихъ въ сущности тожественны.

Съ своей стороны, министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ ни малѣйшаго повода относиться враждебно къ земству, въ которомъ оно находитъ самаго ревностнаго сотрудника, дающаго и силы и средства для поддержанія школъ, которыя безъ него бы не существовали. Земство создаетъ школы, а министерство ими завѣдываетъ, никогда не встрѣчая препятствій: чего же ему болѣе? Вмѣсто того чтобы выпрашивать каждую копейку у министерства финансовъ и нерѣдко терпѣть отказъ, оно имѣетъ самопроизвольно идущія ему навстрѣчу денежныя средства, оно находитъ людей, готовыхъ самоотверженно ему помогать. Очевидно, его интересъ состоитъ въ томъ, чтобы отстаивать по возможности земскія школы и сохранить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ нынѣ. Только чисто личныя отношенія могутъ заставить его отступить отъ этой совершенно правильной точки зрѣнія.

Но, можетъ быть, министерство финансовъ, считая податное населеніе нѣкоторымъ образомъ себѣ крѣпостнымъ, не можетъ терпѣть, чтобы оно, въ какой бы то ни было мѣрѣ, располагало своими собственными средствами для своихъ собственныхъ нуждъ, ибо настолько умаляется возможность брать съ него деньги? Такая точка

зрѣнія въ бюрократическомъ порядкѣ возможна, однако невѣроятна. Нынѣшнее министерство финансовъ не разъ высказывало болѣе широкіе взгляды на государственныя потребности, а по тому было бы неумѣстно приписывать ему такое не знающее границъ властолюбіе. Ему хорошо извѣстно, что отъ развитія въ обществѣ самодѣятельности зависитъ самое благосостояніе государства.

Скорѣе всего надобно думать, что въ этихъ предложеніяхъ проявляется исконная, хотя и не всегда явно высказывающаяся вражда бюрократіи къ земству. Тутъ вопросъ принимаетъ уже болѣе общій характеръ. Это—явленіе, которое не ограничивается одною Россіей, а повторяется во всѣхъ странахъ, гдѣ бюрократія играетъ первенствующую роль. Оно вытекаетъ изъ самаго ея характера и ея отношеній къ независимымъ общественнымъ силамъ.

Бюрократія, или чиновничество, составляетъ естественную и необходимую принадлежность всякаго государственнаго быта, въ которомъ потребности управленія получаютъ болѣе или менѣе значительное развитіе. Она существуетъ не только въ Европѣ, но и въ Азіи. Китайская имперія представляетъ образецъ чисто бюрократическаго устоя. У новыхъ европейскихъ народовъ, у которыхъ государственный бытъ развивался, главнымъ образомъ, подъ верховнымъ руководствомъ абсолютной монархіи, бюрократія была непосредственнымъ орудіемъ послѣдней въ проведеніи государственныхъ началъ; вслѣдствіе этого она естественно пріобрѣла преобладающее значеніе. Такъ было во всѣхъ почти странахъ европейскаго материка. Въ Англіи, напротивъ, гдѣ общественная жизнь развивалась преимущественно путемъ самоуправленія, бюрократія не могла образоваться; однако и здѣсь потребности управленія мало-по-малу привели къ необходимости подчинить въ нѣкоторой степени мѣстное самоуправленіе контролю и руководству центральной власти. Вслѣдствіе этого въ Англіи въ новѣйшее время централизація и бюрократія получаютъ все большее и большее развитіе. Но такъ какъ

послѣдняя является здѣсь только восполненіемъ самоуправленія, то она сдерживается въ должныхъ границахъ и не проявляетъ тѣхъ свойственныхъ ей недостатковъ, которые выказываются въ полной мѣрѣ тамъ, гдѣ она съ самаго начала получила преобладаніе.

Эти недостатки присущи самой ея природѣ и ея положенію; тутъ есть черты, общія всѣмъ бюрократіямъ въ мірѣ, даже въ наиболѣе образованныхъ странахъ. По самому своему устройству, бюрократія представляетъ весьма сложную организацію, идущую сверху до низу въ іерархическомъ порядкѣ. Тутъ требуется не личная инціатива, а дисциплина и исполнительность. Въ ней господствуетъ механическій строй, а не общественный духъ. Каждое лице, на каждой ступени іерархіи, является колесомъ громадной машины, подавляющей въ немъ всякую самодѣятельность, но развивающей въ высшей мѣрѣ властолюбіе книзу и угодливость кверху. И такъ какъ для совокупнаго дѣйствія все должно идти однообразнымъ, заведеннымъ порядкомъ и самыя мелкія подробности восходятъ до самой вершины, которая всѣмъ руководитъ и все контролируетъ, то отсюда рождается безконечное бумажное дѣлопроизводство, въ которомъ изчезаютъ всякая самостоятельная мысль и всякое живое дѣло. «Они пишутъ, пишутъ, пишутъ въ уединенныхъ, снабженныхъ хорошо запирающимися дверями канцеляріяхъ», говорилъ о прусскихъ чиновникахъ коротко знавшій свойства бюрократіи великій государственный человѣкъ, баронъ Штейнъ, «неизвѣстные, незамѣченные, безславные, и воспитываютъ дѣтей своихъ такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ такія же пишущія машины». При такихъ порядкахъ управленіе, по его же выраженію, «подавляется тяжестью бумажныхъ дѣлъ и утопаетъ въ бочкахъ чернилъ». Рутина и формализмъ охватываютъ все; оффиціальная ложь властвуетъ безгранично. Въ донесеніяхъ все гладко и хорошо, но это не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностію. Не дѣлать дѣла, а отписаться, не приносить пользу, а угодить начальству, а когда можно, и его обмануть, на

этомъ сосредоточены всѣ помыслы. Для этого не нужно способностей; достаточны трудолюбіе и гибкость. «Médiocre et rampant, avec cela on parvient á tout» *), по выраженію Бомарше.

Естественно, что въ такой закупоренной средѣ вліяніе всякаго живаго духа считается вреднымъ. Отъ него стараются огородиться всѣми мѣрами. Бюрократіи ненавистны независимыя силы, полагающія предѣлы ея властолюбію и ея произволу. Отсюда вражда къ земству, составляющая постоянную черту бюрократіи, покоящейся на своемъ величіи и не знающей границъ своей власти. Умаленіе самоуправленія и подчиненіе его бюрократическому контролю—таково стремленіе всякаго истаго чиновника во всѣхъ странахъ міра. Это составляетъ естественное послѣдствіе его положенія и окружающей его среды.

А между тѣмъ, только существованіе земства способно ввести бюрократію въ должныя границы, уменьшить присущіе ей недостатки и сдѣлать ее полезнымъ учрежденіемъ въ государствѣ. Всякія другія сдержки совершенно не состоятельны. Бумажный контроль высшихъ властей есть не болѣе какъ призракъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ бюрократическихъ странъ. Всякое дѣло можно представить въ выгодномъ для себя свѣтѣ, и самый интересъ стоящихъ наверху лицъ состоитъ въ томъ, чтобы все казалось хорошо. Столь же мало значенія имѣетъ контроль суда тамъ, гдѣ бюрократическая машина не встрѣчаетъ инаго отпора. При такомъ порядкѣ самъ судъ превращается въ бюрократическую машину и становится покорнымъ орудіемъ власти. А бюрократы всегда будутъ дѣйствовать заодно. «Рука руку моетъ», гласитъ русская пословица. Только присутствіе независимыхъ общественныхъ силъ, облеченныхъ правомъ голоса, въ состояніи внести сѣмена жизни въ этотъ мертвящій механизмъ. Встрѣчаясь съ ними, приходится по неволѣ выйти изъ тѣсныхъ рамокъ канцелярскаго производства. Тутъ недо-

*) Быть посредственнымъ и ползать—съ этимъ до всего дойдешь.

статочно отписываться, составлять протоколы, постановлять рѣшенія, тутъ приходится имѣть дѣло съ живыми людьми и съ насущными потребностями, которыми нельзя пренебрегать, ибо они вопіютъ о себѣ. И чѣмъ громче ихъ голосъ, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ возможности заявлять объ истинныхъ нуждахъ общества, тѣмъ это полезнѣе для народа и государства. Только согласнымъ дѣйствіемъ правительственныхъ и общественныхъ силъ государство можетъ достигнуть высшаго развитія.

Именно пониманіе этихъ отношеній составляетъ существенное отличіе государственнаго человѣка отъ узкаго бюрократа. Въ средѣ канцелярій могутъ возникать идеалы общественнаго устройства, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ чиновниковъ и подчиненной имъ безмолвной толпы. Эти наивныя мечты неисцѣлимаго бюрократизма берутъ за образецъ китайскую имперію съ ея всемогущимъ мандаринатомъ, или Турцію съ управленіемъ пашей, уподобляющихся верховному падишаху и облеченныхъ полнымъ его довѣріемъ. Но самые эти примѣры могли бы показать, къ чему ведетъ подобный государственный бытъ. Если при контролѣ со стороны независимыхъ общественныхъ силъ, бюрократія можетъ быть полезнымъ органомъ правительственной власти, то безъ такихъ сдержекъ она становится язвою государства.

Устройство этихъ сдержекъ можетъ быть разное. Въ конституціонныхъ правленіяхъ этой цѣли служатъ представительныя собранія. Они въ нѣкоторой степени могутъ восполнить даже недостатокъ мѣстныхъ учрежденій, ибо тутъ общество имѣетъ голосъ и можетъ вліять на правительство. Но гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія одно въ состояніи обуздать бюрократическій произволъ и поддержать въ государствѣ живой общественный духъ, безъ котораго оно превращается въ мертвую машину. Поэтому въ самодержавныхъ государствахъ выборныя мѣстныя учрежденія, облеченныя обширными правами, вдвойнѣ необходимы. Только давая широкій просторъ общественнымъ силамъ, этотъ образъ

правленія можетъ стоять на высотѣ своей задачи и отвѣчать потребностямъ государственнаго благоустройства и народнаго развитія. По глубокому и вѣрному замѣчанію Монтескьё, присутствіе независимыхъ посредствующихъ тѣлъ въ государственномъ строѣ составляетъ существенное отличіе монархіи отъ деспотіи. Только на этомъ можетъ покоиться законный порядокъ. Не преувеличивать своего начала, а смягчать по возможности его недостатки — таково первое правило политики. Поэтому тѣ монархи, которые понимали свое высокое призваніе, всегда искали опоры въ выборныхъ учрежденіяхъ.

Русская исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ яркими чертами. Первымъ дѣломъ московскихъ царей, утвердившихъ самодержавную власть, было то, что они отмѣнили намѣстниковъ и волостелей и предоставили все мѣстное управленіе выборнымъ старостамъ и цѣловальникамъ. Не только хозяйственныя нужды и повинности, но и судъ, полиція, преслѣдованіе и казнь воровъ и разбойниковъ — все возлагалось на нихъ. До конца московскаго періода излюбленные губные старосты и цѣловальники занимали въ мѣстномъ управленіи выдающееся мѣсто. Петръ Великій началъ свое преобразованіе устройствомъ всего управленія городовъ на выборномъ началѣ. Екатерина въ учрежденіи о губерніяхъ утвердила на немъ все мѣстное управленіе. Наконецъ, Александръ II, взявши судъ и полицію въ руки правительства, взамѣнъ того создалъ земскія учрежденія. Въ виду всего этого утверждать, будто съ самодержавною властью не совмѣстно выборное начало, можно только вопреки самымъ твердо установленнымъ политическимъ истинамъ и при странномъ невѣдѣніи исторіи.

Съ другой стороны, та же исторія показываетъ, къ чему ведетъ чисто бюрократическое управленіе. Въ новой Европѣ, типомъ такого государства была Пруссія въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Она сложилась подъ могучею рукою геніальнаго короля, который напрягалъ всѣ силы государства для поддержанія его величія и для утвержде-

нія внутренняго благоустройства. Тутъ было и значительное образованіе, далеко превышавшее то, что мы имѣемъ даже въ настоящее время. Среди чиновничества были преданія честности и трудолюбія, намъ неизвѣстныя. Но всемогущая бюрократическая машина страдала своими, неизбѣжно присущими ей, недостатками, и это привело къ Іенскому погрому. И вотъ явился великій государственный человѣкъ, который самъ провелъ свою жизнь среди бюрократіи, но черезъ то самое созналъ всю ея несостоятельность. Онъ понялъ, что возродить павшее государство можно, только призвавъ къ жизни самостоятельныя общественныя силы, и рядомъ реформъ положилъ основаніе новому порядку вещей. Въ одинъ годъ времени, по его почину, все перевернулось: Пруссія воспрянула на новую высоту, которая и привела ее къ первенствующему положенію не только въ Германіи, но и въ Европѣ. Штейнъ былъ истиннымъ основателемъ нынѣшняго величія Пруссіи. Неисправимые защитники мертвенной рутины и отжившихъ свое время привилегій считали его революціонеромъ; но исторія изрекла надъ нимъ свой приговоръ, и онъ остается благороднѣйшимъ идеаломъ государственнаго человѣка, понимавшаго потребности своего времени и оказавшаго своему отечеству ни съ чѣмъ несравнимыя услуги. И въ позднѣйшее время, когда онъ, удаленный отъ дѣлъ неблагодарностью монарха, который любилъ окружать себя послушными орудіями, жилъ въ деревенской тиши, сѣтуя на возродившееся вліяніе бюрократизма и предсказывая гибельныя отъ этого послѣдствія для государства, исторія опять его оправдала. Революціонныя событія 1848 г. показали, до какой степени онъ былъ правъ въ своихъ опасеніяхъ. Подавленіе общественной самодѣятельности никогда не обходится даромъ. Если въ обществѣ есть живыя силы, то насильственное ихъ стѣсненіе кончается взрывомъ; если же правительству удается окончательно ихъ сокрушить, то и общество, и государство погружаются въ состояніе полнаго отупѣнія, изъ котораго можетъ вывести ихъ только внѣшняя

катастрофа. Таково было для Пруссіи значеніе Іенскаго пораженія, таковъ же былъ для насъ урокъ Крымской кампаніи. Въ то время онъ послужилъ намъ въ пользу; желательно, чтобы мы его не забывали.

Россія болѣе, нежели какое-либо другое государство, нуждается въ бережномъ отношеніи къ общественнымъ силамъ, ибо это—самая слабая ея сторона. Предшествующая исторія, начиная съ татарскаго ига, не развила ихъ въ достаточной мѣрѣ, и это наложило печать на все настроеніе русскаго общества.

Тѣ, которые упрекаютъ земство въ властолюбіи, въ оппозиціонныхъ стремленіяхъ, въ постоянномъ желаніи выйти изъ законной своей сферы и вмѣшиваться не въ свои дѣла,—завѣдомо клевещутъ. Когда земство постоянно заподозриваютъ, когда его стараются всячески урѣзать и поставить подъ опеку, когда хотятъ отнять у него то, чѣмъ оно всего болѣе дорожитъ, когда, наконецъ, самое существованіе земства хотятъ признать несовмѣстнымъ съ самодержавною властью, то подобное направленіе со стороны владычествующей бюрократіи можетъ породить лишь всеобщее неудовольствіе и поселить неисцѣлимую рознь между правительствомъ и обществомъ. Врагамъ государства такая политика идетъ совершенно на руку; но отечеству она сулитъ только смуты и раздоръ. Власть отъ этого ничего не выиграетъ, а, напротивъ, потеряетъ свой нравственный авторитетъ и опору въ общественномъ сознаніи. Если какую-нибудь страну хотятъ превратить въ запертую со всѣхъ сторонъ клѣтку, въ которой невозможно дышать, то для этого нѣтъ лучшаго средства, какъ отдать ее на жертву всеохватывающей и и не знающей никакихъ сдержекъ бюрократіи. Да избавитъ насъ Провидѣніе отъ такого исхода!

Государство и земство.

Есть ли земство государственное или общественное учрежденіе? Этотъ вопросъ имѣетъ существенную важность, какъ для постановки земскаго дѣла, такъ и для опредѣленія отношеній земства къ государству. Отъ рѣшенія его зависитъ, признаемъ ли мы земство самостоятельнымъ учрежденіемъ, состоящимъ подъ контролемъ государственной власти, или будемъ считать его только органомъ послѣдней.

Для установленія правильнаго взгляда на этотъ предметъ, очевидно, необходимо прежде всего точное опредѣленіе понятій. Надобно знать, что такое государство, что такое общество и каковы должны быть ихъ взаимныя отношенія. Практическое дѣло требуетъ теоретическаго разъясненія, которое одно можетъ дать мѣрило для обсужденія жизненныхъ отношеній. Можно сказать даже, что значительная часть невѣрныхъ взглядовъ, господствующихъ въ этой области, происходитъ отъ неясности понятій.

Отношенія государства и общества въ новѣйшее время подвергались весьма обстоятельному обсужденію, которое привело къ совершенно прочнымъ результатамъ. Ни одинъ человѣкъ, имѣющій сколько-нибудь ясныя понятія о самыхъ элементарныхъ началахъ публичнаго и частнаго права, не сомнѣвается въ томъ, что общество есть нѣчто отличное отъ государства. Только соціалисты, мечтающіе о коллективномъ обладаніи всѣми орудіями производства, смѣшива-

ють эти двѣ разнородныя сферы; но это обнаруживаетъ только полное ихъ невѣдѣніе и непониманіе основныхъ началъ общественной жизни.

Государство есть союзъ народа, какъ единое цѣлое, управляемое верховною властью. Ему, поэтому, подчинены всѣ частичныя сферы дѣятельности и всѣ частичныя отношенія, существующія въ его предѣлахъ. Но это не значитъ, что оно поглощаетъ ихъ въ себѣ и дѣлаетъ ихъ органами и орудіями своихъ цѣлей. Государство вѣдаетъ совокупные интересы, которымъ подчиняются частные, но послѣдніе сохраняютъ свою относительную самостоятельность. Люди, входящіе въ составъ государства, остаются свободными лицами, преслѣдующими свои частныя цѣли и имѣющими права, совершенно независимыя отъ тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ имъ въ качествѣ гражданъ. Такъ, они обладаютъ собственностью, размѣръ которой опредѣляется не положеніемъ ихъ въ государствѣ, а ихъ собственною дѣятельностью и ихъ частными отношеніями. Это право регулируется издаваемыми государственною властью законами и, въ случаѣ нужды, уступаетъ требованіямъ государства, которое можетъ обратить частную собственность въ общественную во имя государственной пользы, однако не иначе, какъ съ справедливымъ вознагражденіемъ, то-есть, съ признаніемъ частнаго права, какъ независимаго отъ государственной пользы начала. Государственная собственность, обращенная на удовлетвореніе совокупныхъ потребностей, существуетъ рядомъ съ частною, какъ особая сфера, имѣющая преимущество передъ послѣднею, но отнюдь не поглощающая ее въ себѣ. То же самое относится и ко всѣмъ другимъ частнымъ отношеніямъ, вытекающимъ изъ взаимнодѣйствія лицъ и служащимъ удовлетворенію ихъ потребностей. Отсюда коренное противоположеніе частнаго права и государственнаго; одно имѣетъ въ виду пользу отдѣльныхъ лицъ, другое—интересы цѣлаго. Совокупность этихъ частныхъ отношеній, существующихъ въ предѣлахъ государства и подчиняющихся ему, какъ представителю интересовъ цѣлаго, но образующихъ однако свою самостоя-

тельную сферу дѣятельности, и есть то, что называется *обществомъ*.

Эти отношенія не ограничиваются взаимнодѣйствіемъ отдѣльныхъ лицъ между собою. Это взаимнодѣйствіе само собою ведетъ къ возникновенію многообразныхъ частныхъ союзовъ, которые могутъ имѣть различный характеръ и различное назначеніе, но которые по существу своему являются выраженіемъ не государственныхъ, а личныхъ или общественныхъ потребностей. Эти союзы могутъ учреждаться для какой-нибудь спеціальной цѣли, въ виду удовлетворенія извѣстной потребности, но они могутъ также обнимать совокупную жизнь человѣка, связывая отдѣльныя лица въ болѣе или менѣе прочныя соединенія, въ которыя они входятъ, какъ постоянные члены. Къ числу послѣдняго рода союзовъ принадлежитъ, прежде всего, семейство, которое имѣетъ совершенно частный характеръ, но которое образуетъ самостоятельный органическій союзъ, существующій въ государствѣ и управляемый издаваемыми государствомъ законами, основанный, однако, на чисто личныхъ отношеніяхъ и преслѣдующій свои частныя цѣли независимыя отъ государственной пользы. Есть другіе союзы, которые хотя устанавливаются во имя спеціальной цѣли, но оказываютъ значительное вліяніе на всю человѣческую жизнь: таковы религіозныя общества. Здѣсь люди соединяются во имя общихъ вѣрованій и совокупнаго богослуженія.

И эти союзы, по существу своему, независимы отъ государства; многіе изъ нихъ простираются далеко за предѣлы отдѣльныхъ государствъ, и при этомъ они имѣютъ такую прочность, что существуютъ непоколебимо цѣлыя тысячелѣтія. Находясь въ предѣлахъ государства, они внѣшнею своею стороною подчиняются верховной его власти и издаваемымъ имъ законамъ, но внутреннею, духовною своею стороною они не подлежатъ его велѣніямъ. Религія есть дѣло вѣры, а не государственное установленіе. Поэтому и церковь не есть органъ государства, а самостоятельный союзъ, которому государство даетъ въ своихъ предѣлахъ

то юридическое положеніе, которое соотвѣтствуетъ его цѣлямъ, но который въ своемъ внутреннемъ устроеніи руководится своими собственными началами, истекающими изъ свободнаго отношенія души къ Богу. Всякое посягательство государства на эту область есть религіозное притѣсненіе и насиліе совѣсти.

Такое же самостоятельное значеніе имѣютъ, наконецъ, и многочисленные гражданскіе союзы, возникающіе либо въ виду извѣстной цѣли, либо для удовлетворенія совокупныхъ потребностей извѣстнаго разряда лицъ. Сюда принадлежатъ, прежде всего, разнообразныя частныя товарищества, которыя образуются для разнаго рода экономическихъ и другихъ цѣлей. Когда эти соединенія становятся постоянными, они могутъ быть возведены на степень юридическаго лица, сохраняющагося непрерывно при смѣнѣ членовъ. Такого рода постоянные союзы учреждаются даже для простаго развлеченія. Таковы, напримѣръ, общественные клубы. Но они могутъ имѣть и болѣе возвышенныя цѣли, напримѣръ, ученыя и художественныя общества. Наконецъ, они могутъ имѣть въ виду совокупные интересы извѣстнаго разряда лицъ или извѣстной мѣстности. Таковы сословные и общинные союзы; они образуютъ постоянныя юридическія лица или корпораціи, учреждаемыя въ виду удовлетворенія общихъ потребностей.

Очевидно, что послѣдняго рода союзы соприкасаются уже съ областью государственныхъ интересовъ, ибо совокупные интересы цѣлаго находятъ приложеніе и на мѣстахъ. Однако, изъ этого не слѣдуетъ, что они тѣмъ самымъ становятся органами государственной власти. Они остаются самостоятельными общественными союзами, которые управляются издаваемыми государствомъ законами и состоятъ подъ контролемъ государственной власти, но существуютъ для удовлетворенія особыхъ интересовъ извѣстныхъ лицъ или мѣстностей. «Община, такъ же, какъ семья, предшествуетъ государству», говорилъ Ройе-Колляръ: «оно не создаетъ ее, а находитъ». Это самородный союзъ, возни-

кающій изъ взаимныхъ отношеній поселяющихся вмѣстѣ лицъ. Такое же значеніе имѣетъ и большинство другихъ общественныхъ союзовъ. Когда государство образуетъ изъ нихъ юридически организованныя корпораціи, оно соображается съ указаніями самой жизни и только такія созданія имѣютъ въ себѣ прочность, способны къ развитію.

Ясно однако, что чѣмъ болѣе расширяются объемъ и вѣдомство этихъ союзовъ, тѣмъ болѣе они теряютъ частный характеръ. Такого рода союзы составляютъ переходъ отъ частнаго права къ государственному. Встѣдствіе этого, въ юридической литературѣ возникло мнѣніе, что между частнымъ правомъ и государственнымъ слѣдуетъ признать особую область общественнаго права. Это мнѣніе поддерживалъ человѣкъ съ такимъ высокимъ авторитетомъ, какъ Робертъ Моль. Однако, его теорія не нашла послѣдователей среди юристовъ, ибо существованіе переходныхъ формъ и смежныхъ областей не влечетъ за собою возведенія ихъ въ самостоятельныя сферы, управляемыя своими особенными началами. Достаточно различить, что принадлежитъ къ одной области и что къ другой, и опредѣлить ихъ взаимнодѣйствіе. Надобно, съ одной стороны, включить въ сферу гражданскаго права всѣ тѣ частные союзы, которые сохраняютъ чисто частный характеръ, а съ другой стороны, если нѣкоторые изъ этихъ союзовъ воспринимаются государствомъ и получаютъ въ немъ опредѣленное мѣсто и значеніе, то надобно въ самомъ публичномъ правѣ различить государственный элементъ и общественный. Послѣдній подчиняется первому, но сохраняетъ свою самостоятельность, являясь выраженіемъ не государственныхъ, а общественныхъ интересовъ и потребностей. Въ этомъ состоитъ истинная его природа, и это одно можетъ сдѣлать основанныя на немъ учрежденія полезными органами общественной жизни. Въ нихъ появляется общественная самодѣятельность въ томъ разнообразіи условій и положеній, которое дается самымъ развитіемъ жизни, а это и есть тотъ духъ, который дѣлаетъ изъ государства живое

цѣлое, не дозволяя ему превратиться въ мертвый механизмъ, какимъ оно неизбѣжно становится при исключительномъ господствѣ бюрократіи съ сопровождающей ее безконечной регламентаціей и формализмомъ.

Само государство находитъ въ этихъ союзахъ полезныхъ пособниковъ для проведенія своихъ цѣлей. Съ одной стороны, они избавляютъ его отъ излишняго бремени, исполняя то, что безъ этой помощи легло бы на собственные его органы. По существу дѣла, вмѣшательство государства нужно только тамъ, гдѣ частная и общественная дѣятельность оказываются недостаточными. Съ другой стороны, когда обнаруживается этотъ недостатокъ, государство можетъ, не забирая всего дѣла въ свои руки, приходить на помощь частнымъ союзамъ или же восполнять пробѣлы собственными учрежденіями, не въ видѣ замѣны, а въ видѣ завершенія и усовершенствованія общественной иниціативы. Наконецъ, иногда государство прямо возлагаетъ на эти мелкія союзы собственно ему принадлежащія функціи, обращая ихъ такимъ образомъ въ настоящіе органы государственной власти. Отсюда рождается двойственный характеръ этихъ союзовъ: съ одной стороны, они являются общественными учрежденіями, съ другой стороны, они становятся представителями центральной власти. Административное право строго отличаетъ это двоякаго рода вѣдомство. Такъ, во Франціи, гдѣ понятія административнаго права особенно тонко развиты, различаются *собственныя* функціи мэра, какъ главы общины (fonctions propres), и функціи *препорученныя* (fonctions déléguées), которыя дѣлаютъ его органомъ государственной власти.

Чѣмъ же отличаются эти вѣдомства одно отъ другаго, и по какимъ признакамъ можно судить, что представитель общества получаетъ государственное значеніе? Въ бюрократическихъ сферахъ думаютъ иногда, что нужно только установить всестороннюю регламентацію и строгій контроль, чтобы превратить общественное учрежденіе въ государственное. Воображаютъ даже, что достаточно дать выборнымъ людямъ чины и мундиры, чтобы слѣлать изъ нихъ

настоящихъ чиновниковъ. Тамъ, гдѣ понянія объ административномъ правѣ не ограничиваются внѣшними знаками отличія, это различіе понимается нѣсколько глубже. Оно вытекаетъ изъ самаго свойства поручаемыхъ дѣлъ и сопряженныхъ съ этимъ правъ и обязанностей. Общественное учрежденіе становится носителемъ государственныхъ функцій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и органомъ государства, когда ему дается *власть* для исполненія государственныхъ требованій. Гдѣ этого нѣтъ, оно остается общественнымъ. Такъ во Франціи собственное вѣдомство мэра состоитъ въ управленіи общиннымъ хозяйствомъ и мѣстной полиціей; въ этомъ качествѣ онъ дѣйствуетъ только подъ надзоромъ высшихъ властей. Препорученное же вѣдомство возлагаетъ на него исполненіе всѣхъ распоряженій правительственной власти, а также и общую полицію; тутъ онъ дѣйствуетъ какъ агентъ правительства и по его предписаніямъ. Вслѣдствіе этого онъ является съ двойственнымъ характеромъ: общественнымъ и государственнымъ. Первый не исчезаетъ въ послѣднемъ, но оба соединяются въ одномъ лицѣ. Государство возлагаетъ свою власть на представителя общества и дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за исполненіе. То же самое различіе можетъ существовать и относительно взиманія податей. Государство можетъ возлагать взысканіе своихъ податей на общественныхъ сборщиковъ, или же, наоборотъ, общественные сборы могутъ взыскиваться агентами государства; наконецъ, оба вѣдомства могутъ быть разъединены. Это зависитъ отъ различнаго отношенія государства къ обществу; но во всякомъ случаѣ остается понятіе о существенномъ отличіи того и другаго. Таковы вытекающія изъ самой природы вещей начала административнаго права. Тамъ, гдѣ эти понятія смѣшиваются, тамъ неизбѣжно водворяется неопредѣленность въ самыхъ жизненныхъ отношеніяхъ, изъ чего проистекаютъ безпрерывныя столкновенія и недоразумѣнія. Государство посягаетъ на самостоятельность общества и обвиняетъ послѣднее въ властолюбіи; общество, съ своей стороны, недовольно органами государства и старается по возможности избавиться отъ ихъ опеки. Эту кар-

тину взаимныхъ не удовольствій можно наблюдать въ тѣхъ странахъ, гдѣ отношенія не выяснены надлежащимъ образомъ.

Какъ же прилагаются эти начала къ русскому праву?

Исторія, по извѣстнымъ причинамъ, не выработала у насъ строгаго различенія юридическихъ понятій. Для этого требуется теоретическое образованіе, а также и практическое развитіе права, которыхъ у насъ не было. Тѣмъ не менѣе, здравый смыслъ народа, руководящійся указаніями практики, еще въ до-петровскія времена различалъ общественный элементъ и государственный. «Государево и земское дѣло» было обычнымъ выраженіемъ въ древней Россіи. Государь былъ глава государства; земля же представляла собою общество. Эти понятія сохранились и въ нашей новой юриспруденціи. Сводъ Законовъ отличаетъ государственное и общественное управленіе (см., наприм., III, кн. 2, гл. 2). Однако точныя понятія о существенномъ различіи обоихъ началъ тѣмъ менѣе могли выработаться, что государство, при маломъ развитіи собственныхъ средствъ и при недостаткѣ людей, склонно было возлагать свое вѣдомство на выборныя лица. Въ древней Россіи не только взиманіе податей, но поимка и казнь воровъ и разбойниковъ предоставлялись выборнымъ старостамъ и цѣловальникамъ. И это они должны были дѣлать не по указаніямъ правительства, а «свѣстяся сами промежъ себя». Самые казенные сборы отдавались на вѣру, подъ отвѣтственностью общества. Въ учрежденіяхъ Екатерины общій судъ и полиція ввѣрены были выборнымъ отъ сословій. Выдѣленіе этихъ государственныхъ функцій изъ общественныхъ произошло только съ введеніемъ земскихъ учрежденій. Послѣднимъ предоставлено было мѣстное хозяйство, т.-е. общественное дѣло; общій же судъ и полицію государство взяло себѣ. Земству не было дано власти даже въ собственной его сферѣ. Оно можетъ установлять подати, но не имѣетъ права ихъ взыскивать. Плательщики и общинные сборщики сами вносятъ деньги въ казначейство;

если же оказываются недоимки, земство должно обращаться къ полиціи. Право повѣлевать у него отнято. Эти ограниченія простирались такъ далеко, что все земское дѣло, даже въ судебной практикѣ, признавалось частнымъ *).

Такое отрицаніе не только государственнаго, но и общественнаго значенія земства имѣло для него нѣкоторыя весьма невыгодныя послѣдствія. Будучи лишено возможности взыскивать свои подати, оно въ этомъ самомъ существенномъ своемъ дѣлѣ, на которомъ основано все земское хозяйство, принуждено обращаться къ полиціи, которой весь интересъ состоитъ въ усердномъ взысканіи казенныхъ податей, а не земскихъ. Отсюда страшное накопленіе недоимокъ, составляющее главную язву земскаго хозяйства. Но, съ другой стороны, этотъ взглядъ на земство, какъ на частную сферу дѣятельности, имѣлъ для него и благія послѣдствія. Это дало ему возможность устроивать свое хозяйство сообразно съ указаніями жизни, а не по указкѣ бюрократіи. Въ бюрократическихъ сферахъ склонны считать несовершенствомъ земскихъ учрежденій то, что по всѣмъ ввѣреннымъ имъ отраслямъ не были изданы уставы, подробно ихъ регламентирующіе. А это именно и было для

*) Приведу любопытный примѣръ изъ собственной практики. Въ 1871 году я былъ выбранъ директоромъ Тамбово-Саратовской желѣзной дороги отъ Кирсановскаго земства, которое участвовало въ платежѣ гарантій. Правленіе находилось въ Петербургѣ, и мнѣ необходимо было быть тамъ по происходившимъ тогда весьма важнымъ для земства расчетамъ со строителями. Между тѣмъ, я въ то же время былъ, по жребію, назначенъ присяжнымъ въ Кирсановѣ. Получивъ повѣстку, я поѣхалъ къ предсѣдателю Тамбовскаго Окружнаго суда и представилъ ему свое затруднительное положеніе. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я отозвался необходимостью быть въ Петербургѣ по порученію земства. Такъ я и сдѣлалъ. Однако, засѣдавшее въ Кирсановѣ отдѣленіе Окружнаго суда не сочло этотъ мотивъ достаточнымъ и наложило на меня высшій размѣръ штрафа въ 100 рублей. Я подалъ апелляцію въ Саратовскую судебную палату, но она оставила въ силѣ постановленіе Окружнаго суда на томъ основаніи, что порученіе земства есть дѣло *частное*. Я заплатилъ штрафъ и не повелъ далѣе этого дѣла.

насъ спасеніемъ. Черезъ это земство могло развиться органическимъ ростомъ, руководясь практическими взглядами и примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, а не по однообразной, налагаемой сверху схемѣ. Если хотятъ подрѣзать земство съ самомъ его корнѣ, подавить въ немъ всякую общественную иниціативу и превратить его въ мертвую машину, то нѣтъ лучшаго средства, какъ подвергнуть его всесторонней регламентаціи. Въ настоящее время мѣстные независимые люди продолжаютъ принимать въ немъ живое участіе единственно вслѣдствіе того, что они въ немъ чувствуютъ себя на свободѣ. Но поставьте ихъ въ бюрократическіе тиски, и они всѣ уйдутъ. Есть, конечно, отрасли земскаго вѣдомства, въ которыхъ болѣе точное опредѣленіе правъ и обязанностей необходимо. Таково народное продовольствіе. Но печальное положеніе этого дѣла происходитъ отъ того, что оно отдано въ вѣдѣніе земства, а власти для исполненія ему не дано. Заставлять крестьянъ дѣлать то, что требуетъ законъ, оно не можетъ. Оно опять же должно обращаться къ полиціи или къ земскимъ начальникамъ, то-есть, къ совершенно независимымъ отъ него лицамъ. Вслѣдствіе этого, главное теченіе земской дѣятельности обратилось на тѣ отрасли, гдѣ она можетъ дѣйствовать безпрепятственно. Таковы медицина и частью народное образованіе. Но стоитъ стѣснить его и въ этихъ отношеніяхъ, и все это заглохнетъ. Всякая общественная иниціатива исчезнетъ; останется только широко распространенное неудовольствіе и горькое воспоминаніе о потраченныхъ силахъ и объ оказанной несправедливости.

Такія же печальныя послѣдствія имѣло бы ограниченіе правъ земства извѣстными предѣлами обложенія. Это значило бы положить конецъ всякой возможности улучшеній. Къ этому нѣтъ даже никакого практическаго повода, ибо расходы земства далеко не соотвѣтствуютъ насущнымъ потребностямъ. Нельзя также сказать, что деньги расходуются непроизводительно. Главные предметы издержекъ, медицина и школы, въ высшей степени важны и полезны.

Нѣтъ и неправильнаго обложенія. Правительство могло бы безпокоиться, если бы оно видѣло, что богатые облагаютъ бѣдныхъ или бѣдные богатыхъ на свои собственныя нужды; но въ дѣйствительности болѣе или менѣе зажиточные и образованные классы, которые имѣютъ въ земствѣ значительный перевѣсъ, облагаютъ себя наравнѣ съ другими главнымъ образомъ на нужды крестьянъ, ибо больницы и школы служатъ послѣднимъ гораздо болѣе, нежели первымъ. И при этомъ взвѣшивается каждая копейка, ибо она идетъ изъ своего кармана, и никто не станетъ облагать себя въ излишествѣ на пользу другихъ. Самоотверженіе, вообще, не составляетъ весьма распространеннаго явленія въ человѣческой жизни; на это можно положиться. Это относится въ особенности къ уѣзднымъ земствамъ, которыя облагаютъ себя, а не другихъ, и для которыхъ тяжесть гораздо чувствительнѣе; притомъ, стоя ближе къ дѣлу, они менѣе способны увлекаться теоретическими взглядами, нежели губернскія собранія. Конечно, живущимъ вдали и не имѣющимъ понятія о мѣстныхъ нуждахъ, все можетъ казаться излишнимъ; они предпочли бы ничего не платить. Но тѣ, которые принимаютъ живое участіе въ общественномъ дѣлѣ, охотно несутъ эту тяжесть, которую они сами на себя налагаютъ. Если бы при этомъ оказалась неравномѣрность или несоотвѣтствіе съ средствами плательщиковъ то подобное постановленіе всегда можетъ быть кассировано. Въ настоящее время въ особенности, когда всѣ предметы обложенія подвергаются переоцѣнкѣ и неизвѣстно, какія окажутся средства у земства, установленіе какой-либо нормы представляется въ высшей степени нежелательнымъ. Это—только ничѣмъ не вызванный знакъ недовѣрія. Пускай эти нормы выробатываются самою жизнью, примѣнительно къ мѣстнымъ требованіямъ, а не налагаются сверху, по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ мѣстными условіями.

Вообще можно сказать, что при существующемъ строѣ русской жизни, единственная возможность дальнѣйшаго преуспѣянія состоитъ въ предоставленіи земству возмож-

но широкой свободы дѣйствія и возможно обильныхъ источниковъ дохода. Требуется не ограниченіе, а расширеніе предоставленныхъ ему правъ. Только при этомъ условіи можно ожидать развитія общественнаго благоустройства и благосостоянія, не по однообразному шаблону, а по указаніямъ самой жизни, соотвѣтственно безконечному разнообразію мѣстныхъ силъ и средствъ. Это—одно, чего можетъ желать русскій человѣкъ, имѣющій въ виду не личныя цѣли, а пользу отечества.

Столкновеніе въ Московскомъ земствѣ.

Въ послѣднюю сессію Московскаго губернскаго земскаго собранія произошло столкновеніе, которое имѣетъ принципіальное значеніе для всего русскаго земства. Почтенный и дѣльный предсѣдатель Московской губернской управы, Д. Н. Шиповъ, подалъ въ отставку вслѣдствіе общаго отпора, который встрѣтили его взгляды на земское хозяйство въ представителяхъ уѣздовъ. Выраженіе единодушнаго желанія собранія побудило его взять свою отставку назадъ, и для опредѣленія взаимныхъ отношеній губернскаго и уѣздныхъ земствъ избрана особая коммиссія. Какого рода предложенія выработаетъ эта коммиссія, нельзя заранѣе сказать, но можно съ достаточною увѣренностью предвидѣть, что, какъ бы добросовѣстно она ни работала, изъ ея трудовъ не выйдетъ ничего, что могло бы служить руководствомъ другихъ собраній.

Причина та, что Московское земство находится въ ложномъ положеніи, которое всему губернскому хозяйству даетъ неправильный ходъ и тѣмъ самымъ ведетъ къ безвыходнымъ столкновеніямъ. Это ложное положеніе, на которое я имѣлъ уже случай указать (См. выше стр. 34), состоитъ въ томъ, что въ Московской губерніи лежитъ столица, которая по закону приравнена къ уздамъ, между тѣмъ какъ она имѣетъ бюджетъ, далеко превосходящій бюджетъ всей губерніи и уѣздовъ въ совокупности, и составляетъ самостоятельную единицу, завѣдывающую

своими дѣлами совершенно независимо отъ земства, безъ всякаго участія послѣдняго. Получая отъ столицы значительнѣйшую долю своихъ средствъ, губернское земство, взамѣнъ того, ничего ей не даетъ, и это имѣетъ громадное значеніе для всего земскаго хозяйства, въ которое вносятся начала, противорѣчащія кореннымъ правиламъ мѣстнаго самоуправленія.

Первое и основное начало, на которомъ зиждутся земскія учрежденія, состоитъ въ томъ, что мѣстнымъ жителямъ дано право на собственныя деньги устроивать собственныя общественныя дѣла. Каждый расходъ дѣлается изъ своего кармана, а потому всякій разъ, какъ приходится истратить рубль, плательщики соображаютъ, насколько предполагаемая цѣль вознаграждаетъ издержки. Это же самое побуждаетъ ихъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы деньги расходовались правильно и производительно. Таковъ краеугольный камень всего мѣстнаго самоуправленія. Безъ этого оно теряетъ свой существенный смыслъ. Между тѣмъ, въ Московскомъ земствѣ происходитъ совершенно обратное. Уѣзды на свои надобности тратятъ не свои, а чужія деньги. Они, черезъ посредство губернскаго земства, облагаютъ столицу, и этотъ избытокъ средствъ идетъ на пользу уѣздовъ. Долгое время губернское земство, пользуясь идущими со столицы косвенными налогами, совѣстилось облагать столичное землевладѣніе, но, наконецъ, рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, и Сенатъ призналъ его правильнымъ, ибо, дѣйствительно, законъ приравниваетъ столицу къ уѣздамъ, между тѣмъ какъ по существу дѣла она должна бы былъ быть приравнена къ губерніи. Тщетно гласные отъ города протестовали противъ подобнаго обложенія Москвы на уѣздныя нужды; они въ собраніи находятся въ меньшинствѣ, и голосъ ихъ не имѣетъ никакого значенія. Ни къ чему не привели и попытки путемъ переговоровъ придти къ соглашенію. Кто же станетъ отказываться отъ возможности облагать другихъ на свои надобности и на чужой счетъ улучшать свое состояніе? Это предполагаетъ такое самоотверженіе, которое не

въ человѣческой природѣ. Обыкновенно въ общественныхъ дѣлахъ самоотверженіе требуется только отъ тѣхъ, съ кого берутъ деньги, а не отъ тѣхъ, кто ими пользуется. Одинъ законъ можетъ положить конецъ этому вопіющему злоупотребленію права; но законъ, который преобразовалъ всѣ земскія учрежденія съ цѣлью поставить ихъ подъ ближайшую правительственную опеку, въ этомъ отношеніи все оставилъ по-старому.

Такое положеніе ведетъ къ другому противорѣчащему земскимъ началамъ пріему, а именно къ стремленію губернскаго земства вмѣшиваться въ дѣла уѣздовъ. Деньги со столицы взимаются не уѣзднымъ, а губернскимъ земствомъ; оно эти средства обращаетъ на пользу уѣздовъ, а потому оно естественно должно завѣдывать созидаемыми на эти деньги учрежденіями. Черезъ это въ уѣздахъ установляется двоякое хозяйство, губернское и уѣздное, съ неизбѣжнымъ подчиненіемъ послѣдняго первому. Между тѣмъ, уѣзды дорожатъ своею независимостью, и дорожатъ вполнѣ справедливо, ибо это составляетъ основаніе всего земскаго самоуправленія. Бюрократическая дѣятельность идетъ сверху внизъ, а самоуправленіе идетъ снизу къ верху. Въ основаніи послѣдняго лежатъ самостоятельныя мѣстныя единицы, которыя сами вѣдаютъ свои дѣла, подъ надзоромъ правительственной власти. Таковы уѣзды. Губернія призвана управлять только тѣми учрежденіями, которыя имѣютъ не мѣстное, а общее значеніе. Очевидно, что дома умалишенныхъ, фельдшерскія школы, учительскіе институты, имѣющіе одинакое значеніе для всѣхъ уѣздовъ, могутъ находиться только въ вѣдѣніи губернскаго земства. Но губернія отнюдь не призвана быть опекуномъ уѣздовъ, употреблять средства однихъ на пользу другихъ и такимъ образомъ производить между ними *уравненіе:* мысль, которую почтенный предсѣдатель Московской губернской управы развивалъ нѣкогда на памятномъ Нижегородскомъ съѣздѣ, возбуждая сочувствіе своихъ слушателей. Равенство передъ закономъ есть великое начало современнаго гражданскаго быта, и весьма желательно,

чтобы оно въ нашемъ отечествѣ получило полное приложеніе; но матеріальное уравненіе мѣстностей, такъ же какъ и людей, представляетъ собою соціалистическій принципъ, который неизбѣжно ведетъ къ опекѣ и къ подавленію свободы. Онъ кореннымъ образомъ противорѣчитъ земскому началу, которое состоитъ въ самодѣятельности, на чемъ зиждется все самоуправленіе. Конечно, существуютъ такого рода дѣла, въ которыхъ по самой ихъ природѣ различныя мѣстности являются солидарными. Таково земское страхованіе отъ огня. Но самый этотъ примѣръ показываетъ, къ чему ведетъ юридическая солидарность. Всѣ правила взаимнаго страхованія установляются губернскими собраніями, а не уѣздными.

Въ этомъ дѣлѣ уѣздныя управы являются только исполнителями. Если бы это начало было распространено на всѣ отрасли земскаго хозяйства, то уѣздныя управы сдѣлались бы излишними: нужны были бы только агенты губернской управы. Между тѣмъ, въ уѣздахъ люди несомнѣнно стоятъ ближе къ практическому дѣлу; оно имъ болѣе знакомо, и они дорожатъ именно тѣмъ, что они дѣлаютъ на свои, а не на чужія средства. Безспорно, тутъ есть и слабыя стороны: нерѣдко уѣзды страдаютъ недостаткомъ средствъ и людей, они могутъ подпасть и подъ вліяніе мелкихъ интересовъ, тормозящихъ общественнное дѣло или стремящихся обратить его на свою пользу. Но это—зло, неизбѣжно присущее всякой самодѣятельности. Если людямъ предоставлена возможность самимъ устроивать свои дѣла и они дѣлаютъ это не всегда такъ, какъ было бы желательно, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что ихъ надобно взять подъ опеку. Пускай они пострадаютъ за свои ошибки и научатся опытомъ искать лучшаго порядка! Примѣръ другихъ и соревнованіе возьмутъ наконецъ свое. Лучше идти медленнѣе, но твердо, не отступая отъ тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется вся общественная дѣятельность. Довольно съ насъ бюрократической опеки. Если къ этому прибавится опека губерній надъ уѣздами и стремленіе первой распространить

свою власть на всѣ мѣстныя дѣла, то земскія учрежденія получатъ совершенно ложную постановку. Самоуправленіе обратится въ призракъ, подъ которымъ будутъ скрываться бюрократическія привычки и замашки.

Онѣ и теперь уже проявляются во многихъ мѣстахъ. Вездѣ губернскія управы стремятся расширить свое вѣдомство на счетъ уѣздовъ, часто путемъ субсидій, а нерѣдко и въ видѣ самостоятельныхъ учрежденій. Рядомъ съ уѣздными школами и больницами возникаютъ губернскія; сочиняются междуѣздныя школы и больницы, и для приманки уѣздныхъ земствъ имъ представляютъ, что для нихъ будетъ выгодно имѣть учрежденія, содержимыя на чужой счетъ. Канцелярское дѣлопроизводство разрастается безмѣрно; при губернскихъ управахъ заводятся разнаго рода агенты, техническіе, агрономическіе, медицинскіе, и даже цѣлыя бюро, которымъ нужно создать какое-нибудь вѣдомство. Таковъ весьма обыкновенный бюрократическій пріемъ. Когда гдѣ-либо замѣчается стремленіе къ расширенію вѣдомства, всегда надобно спросить: кому нужно чѣмъ-нибудь управлять? И часто оказывается присутствіе какого-нибудь второстепеннаго лица, которое хочетъ пріобрѣсти подвластное ему вѣдомство, съ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ подчиненныхъ. Или же является какое-нибудь модное теченіе, и тогда уже гласный, закрывъ глаза, неудержимо стремится навязать свои взгляды другимъ, въ надеждѣ на поддержку—такъ называемаго, общественнаго мнѣнія, т.-е. газетъ, и невзирая уже ни на какія другія соображенія. Оно побудило Тамбовское земство взять на себя часть расходовъ по уѣзднымъ школамъ, постановленіе, которое было кассировано губернскимъ присутствіемъ, какъ несогласное съ закономъ. Взамѣнъ того было учреждено цѣлое бюро (!!) для собиранія статистическихъ свѣдѣній по народному образованію—истинное чиновничье учрежденіе. Харьковское губернское земство пошло еще далѣе. Оно хотѣло все народное образованіе взять въ свои руки и ассигновало на это огромную сумму. И это постановленіе было кассировано гу-

бернскимъ присутствіемъ. Неизвѣстно, какъ посмотритъ на это дѣло Сенатъ; но во всякомъ случаѣ, такая постановка вопроса представляетъ полное извращеніе земскихъ началъ. Неуваженіе къ правамъ уѣздовъ есть неуваженіе къ самому принципу самоуправленія. Тутъ нельзя ссылаться на то, что народное образованіе составляетъ такой же интересъ губерніи, какъ и уѣздовъ. Учрежденія, существующія не въ центрѣ, а на мѣстахъ, представляютъ гораздо болѣе близкій интересъ для уѣздовъ, нежели для губерніи. Предоставьте же уѣздамъ самимъ судить о своихъ интересахъ, а не вызывайте ихъ мнѣнія сверху, какъ дѣлаютъ бюрократы и якобинцы.

Такое стремленіе губернскаго земства къ расширенію своего вѣдомства можетъ породить только нескончаемую рознь какъ между губерніей и уѣздами, такъ и уѣздовъ между собою. Вообще, уѣзды держатся двоякаго правила: во-первыхъ, они хотятъ сами управлять своими дѣлами, а не быть только исполнителями предписаній губерніи и не подлежать ея опекѣ; во-вторыхъ, они не хотятъ тратить свои средства на чужія нужды, когда ихъ собственныя далеко не удовлетворены, и они должны разсчитывать каждую копейку, которую они берутъ съ населенія для общественныхъ потребностей. На этихъ началахъ покоится всякое самоуправленіе. Только при этомъ возможно правильно вести свое хозяйство и разсчитывать свои средства. Вслѣдствіе этого, какъ скоро въ губерніи возникаетъ вопросъ, касающійся суммъ, расходуемыхъ по уѣздамъ, такъ поднимаются самыя горячія пререканія. Каждый уѣздъ стремится получить какъ можно болѣе для себя и дать какъ можно менѣе другимъ. Большинство составляется на основаніи корыстныхъ расчетовъ, при чемъ слабѣйшіе всегда остаются въ накладѣ, что неизбѣжно оставляетъ въ нихъ горькое чувство, хотя часто они сами подаютъ къ тому поводъ. Обыкновенно дѣло начинается съ того, что бѣдный уѣздъ проситъ отъ губерніи пособіе, не подозрѣвая въ своей невинности, что онъ этимъ самымъ возбуждаетъ аппетиты болѣе богатыхъ, которые тоже хотятъ

получить кусокъ изъ губернскихъ средствъ и имѣютъ болѣе возможности достигнуть своей цѣли. Такимъ образомъ, вмѣсто согласнаго дѣйствія, которое должно быть животворнымъ духомъ земскихъ учрежденій и которое одно можетъ дать имъ силу, водворяется пагубная внутренняя рознь. Большинство, иногда совершенно случайное, побѣдоносно проводитъ свои взгляды, но въ результатѣ оказывается взаимное неудовольствіе, извращеніе земской дѣятельности, а нерѣдко и даромъ брошенныя деньги. Хорошо еще, когда губернское земство, увидѣвъ свою ошибку, возвратится на правильный путь, какъ случилось, напримѣръ, съ Тамбовскимъ губернскимъ земствомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Оно завело у себя губернскую агрономію, несмотря на протестъ почти цѣлой половины гласныхъ, которые стояли на томъ, чтобы каждому уѣзду предоставлено было право самому,—на собственныя, а не на чужія средства,—производить какіе угодно агрономическіе опыты. Послѣ двухлѣтняго существованія такого порядка, самые тѣ уѣзды, которые сильнѣе всего настаивали на губернской организаціи, отказались отъ своихъ затѣй: десятки тысячъ взимаемыхъ съ населенія средствъ были истрачены даромъ, и окончательно дѣло свелось почти на ничто.

Та же рознь проявилась и въ Москвѣ, несмотря на то, что здѣсь расширеніе губернской дѣятельности выгодно для уѣздовъ, ибо средства берутся со столицы. Губернское земство есть насосъ, посредствомъ котораго вода выкачивается изъ обширнаго резервуара и изливается на окрестныя поля. Но въ результатѣ выходитъ все такъ, что относительно употребленія этихъ средствъ уѣздъ долженъ подчиниться губерніи. Или же возникаютъ рядомъ однородныя учрежденія, управляемыя разнородными началами, что ведетъ къ большимъ неудобствамъ; ихъ нужно согласить, опять же подчиняя мѣстныя постановленія общимъ. Между тѣмъ, уѣзды естественно хотятъ своими дѣлами управлять сами, а не состоятъ подъ опекою. Въ этомъ проявляется здоровое чувство и вѣрная мысль, хотя при ложномъ положеніи, созданномъ самимъ закономъ, вопросъ

получаетъ неправильную постановку. Какъ изъ этихъ затрудненій выпутается учрежденная Московскимъ земствомъ коммиссія, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ результатъ ея работъ не можетъ служить примѣромъ для другихъ земствъ. Какъ общее правило, въ основаніи всей земской дѣятельности должно лежать признаніе самостоятельности уѣздовъ. Губернія является восполненіемъ, а не замѣною мѣстнаго самоуправленія. Только на этой почвѣ можетъ установиться внутреннее согласіе, которое составляетъ первое условіе силы и правильнаго развитія.

О взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ.

Уважаемый предсѣдатель Московской губернской управы, Д. Н. Шиповъ, на-дняхъ напечаталъ брошюру объ отношеніяхъ губернскаго замства къ уѣзднымъ. въ которой, излагая свои взгляды, онъ возражаетъ противъ мыслей, высказанныхъ мною въ статьѣ, напечатанной въ «С.-Петерб. Вѣдом.» два года тому назадъ. Этотъ вопросъ имѣетъ такую существенную важность для всего хода дѣлъ въ земскихъ учрежденіяхъ, что обсужденіе его въ печати людьми, близко стоящими къ земству, представляется настоятельною общественною потребностью. Необходимо, чтобы высказались противоположныя воззрѣнія; если даже изъ этого обмѣна мыслей не выработаются какія-либо твердыя начала, то все же это будетъ служить къ выясненію вопроса. Съ Д. Н. Шиповымъ пріятно вести пренія. Это—не одинъ изъ тѣхъ непавистниковъ земства, которые съ злорадствомъ указываютъ на каждую его проруху и, преувеличивая или извращая факты, стараются набросить тѣнь на всякое свободное проявленіе жизни. Съ этими господами нечего терять словъ! Мы съ почтеннымъ предсѣдателемъ Московской губернской управы стоимъ на одной почвѣ. Мы оба—земскіе люди, душою преданные общественному дѣлу и не имѣющіе въ виду ничего, кромѣ возможнаго его преуспѣянія. Наше разно-

гласіе проистекаетъ изъ весьма естественныхъ причинъ. Тамъ, гдѣ въ какомъ-либо учрежденіи сочетаются разные элементы, всегда найдутся люди, склонные дать перевѣсъ тому или другому. Это въ порядкѣ вещей. Но такъ какъ цѣль состоитъ въ ихъ соглашеніи, то желательно было бы столковаться. Въ настоящее время въ особенности, когда подъ земство подкапываются со всѣхъ сторонъ и стремятся ограничить и безъ того тѣсныя его права такъ, чтобы ему нельзя было дохнуть, дружное дѣйствіе земскихъ людей вдвойнѣ необходимо. Къ сожалѣнію, наше разногласіе съ такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ предсѣдатель Московской губернской управы, касаются самыхъ основныхъ началъ земскаго самоуправленія. Тѣмъ необходимѣе ихъ выяснить.

«Земское хозяйство, говоритъ г. Шиповъ, будетъ правильнѣе и успѣшнѣе развиваться и мѣропріятія земства будутъ вѣрнѣе достигать цѣли, при меньшей затратѣ силъ и средствъ, если земская дѣятельность въ каждой своей отрасли будетъ руководиться опредѣленной системой, твердо установленными правилами. Поэтому необходимо, прежде чѣмъ организовать тѣ и другія практическія мѣропріятія, подвергнуть предварительно вопросъ о нихъ всесторонней разработкѣ». Эта предварительная разработка «по существу и характеру своему должна составлять обязанность губернскаго земства». Оно вырабатываетъ руководящія начала и правила; оно установляетъ порядокъ, въ силу котораго уѣзды получаютъ пособія изъ губернской кассы, подъ условіемъ подчиненія принятымъ требованіямъ. Оно же вырабатываетъ финансовый планъ для осуществленія проектируемыхъ мѣропріятій, не допуская ни малѣйшаго отъ него уклоненія. Цѣль этого плана заключается въ томъ, чтобы потребности всего населенія губерніи были равномѣрно удовлетворены. Въ этихъ видахъ средства губерніи обращаются главнымъ образомъ на тѣ уѣзды, въ которыхъ оказывается недостатокъ мѣстныхъ доходовъ. Такимъ образомъ, губернское земство является руководителемъ всей земской дѣятельности и ре-

гуляторомъ всѣхъ денежныхъ средствъ, которыя направляются къ возможному смягченію неравенства жизненныхъ условій.

Таковъ взглядъ, который проводитъ г. предсѣдатель Московской губернской управы. Очевидно, онъ представляетъ полное развитіе теоріи бюрократическаго управленія. Въ этомъ именно состоитъ различіе между регламентаціей и самодѣятельностью, что первая дѣйствуетъ сверху, по общему плану, подводя все разнообразіе жизни къ одному уровню и сглаживая по возможности всѣ неравенства; вторая же идетъ снизу, дѣйствуетъ по собственной иниціативѣ, сообразно съ нарождающимися потребностями, при чемъ сохраняется все разнообразіе жизненныхъ условій и отношеній. Наше коренное разногласіе съ Д. Н. Шиповымъ заключается именно въ томъ, что онъ держится перваго взгляда, а я крѣпко стою за второй.

Не спорю, что бюрократическая регламентація имѣетъ свои выгодныя стороны. Государство, какъ общій союзъ народа, не можетъ даже дѣйствовать иначе. Оно управляетъ сверху, посредствомъ бюрократіи, которая является органомъ центральной власти. Но именно громадные недостатки этой системы ведутъ къ необходимости, въ видахъ общественнаго благоустройства, предоставить широкій просторъ самодѣятельности и самоуправленію. Въ этомъ и состоитъ задача земства. Если же и земство будетъ дѣйствовать бюрократическимъ путемъ, регламентируя всѣ свои отношенія, то что же останется для самодѣятельности? Она будетъ изгнана изъ общественной жизни. Къ несчастью, въ русской исторіи начало самоуправленія получило весьма слабое развитіе. Все происходило дѣйствіемъ сверху, чрезъ посредство чиновничества, которое вслѣдствіе этого сдѣлалось всемогущимъ. Отсюда страшныя язвы, которыя особенно въ дореформенное время разъѣдали русское общество, и доселѣ на немъ отзываются: масса бумажнаго дѣлопроизводства, крючкотворство, взяточничество, произволъ, законодательство, оторванное отъ жизни, исполненіе, состоящее въ отпискѣ, наконецъ, ложь, проникающая всѣ

отношенія. Великія преобразованія Александра II положили предѣлъ этому порядку вещей и открыли просторъ общественной самодѣятельности. Но вкоренившіяся вѣками привычки изглаживаются не легко, да и жизнь не выработала иныхъ пріемовъ, кромѣ бюрократическихъ. Вслѣдствіе этого всякій русскій сколько-нибудь интеллигентный человѣкъ стремится непремѣнно быть чиновникомъ; поэтому и земство инстиктивно слѣдуетъ тѣмъ примѣрамъ, которые у него предъ глазами.

Въ этомъ отношеніи у насъ происходитъ то же, что во Франціи. И тамъ старая монархія развила типъ бюрократическаго управленія, которое наложило свою печать на всю послѣдующую жизнь. Монархія пала, на смѣну ея явились якобинцы, одушевленные совершенно иными началами; но и они съ неистовствомъ принялись все уравнивать и все регламентировать. Якобинцевъ смѣнилъ Наполеонъ, но и при немъ продолжалась та же система, которая господствуетъ и доселѣ. Современные Французы горько жалуются на то, что чиновничій духъ вошелъ у нихъ въ плоть и кровь: каждый стремится на государственную службу, а самоуправленіе, несмотря на почти анархическую свободу, прозябаетъ только въ слабыхъ зачаткахъ.

Слѣдуетъ, однако, признать, что земская бюрократія имѣетъ нѣкоторыя значительныя преимущества предъ правительственною. Тѣ, которые приравниваютъ одну къ другой, или вовсе не понимаютъ дѣла, или не хотятъ его видѣть. Земство, по существу своему, стоитъ гораздо ближе къ населенію; гласные выходятъ изъ его среды и являются его представителями. Общія мѣры принимаются при участіи и подъ контролемъ всѣхъ. Всякій имѣетъ право поднять свой голосъ и указывать недостатки принятой или предлагаемой системы, и это—голосъ не сторонняго человѣка, на котораго можно не обращать вниманія, а участника въ рѣшеніи. Поэтому здѣсь нѣтъ той полной оторванности почвы, которая такъ часто замѣчается въ бюрократическихъ мѣропріятіяхъ.

Но если въ этомъ отношеніи эта форма имѣетъ суще-

ственныя выгоды то, съ другой стороны, ей присущи и свойственные ей недостатки. Они заключаются въ томъ, что именно дѣятельность губернскаго земства порождаетъ нескончаемые раздоры, и чѣмъ болѣе эта дѣятельность расширяется, тѣмъ болѣе обостряются отношенія. Особенно если земство задаетъ себѣ цѣлью вытягивать деньги изъ богатыхъ уѣздовъ съ тѣмъ, чтобы одаривать ими бѣдныхъ, то подобное дѣйствіе регулятора рѣдко обходится безъ протеста. Въ дѣйствительности всякій, кто принималъ участіе въ губернскихъ собраніяхъ, знаетъ, что при обсужденіи общихъ мѣръ первый вопросъ, который ставитъ себѣ большинство гласныхъ, состоитъ въ томъ: будетъ ли это выгодно или невыгодно для уѣзда? Такова человѣческая природа, съ которою надобно считаться. А у гласныхъ это естественное стремленіе находитъ нравственную поддержку въ той мысли, что они—представители своего уѣзда, а потому обязаны защищать его интересы. Я имѣю право жертвовать своими деньгами, но не деньгами своихъ довѣрителей. Г. предсѣдателю Московской губернской управы все это хорошо извѣстно изъ собственнаго опыта. Въ своей брошюркѣ онъ, между прочимъ, высказываетъ мысль, что налоги съ фабрикъ должны взиматься въ пользу губернскаго земства, которое затѣмъ можетъ обратить эти суммы на нужды народнаго образованія по всей губерніи. Но, конечно, онъ помнитъ тотъ протестъ, который вызвало это предложеніе со стороны уѣздовъ, имѣющихъ у себя фабрики; пришлось отказаться отъ этой мѣры. Весьма памятны также протесты Московскихъ городскихъ гласныхъ противъ обложенія столицы въ пользу уѣздовъ. Въ послѣднемъ случаѣ уѣзды всегда дѣйствуютъ съ полнымъ единодушіемъ, потому что приходится брать, а не давать деньги. Но тѣмъ плачевнѣе положеніе гласныхъ отъ города Москвы, которыхъ протесты раздаются втунѣ, такъ какъ они всегда обрѣтаются въ меньшинствѣ. Тѣ, которымъ доводилось занимать эту должность, не могли этого не чувствовать. Д. Н. Шиповъ ссылается на то, что меньшинство должно подчиняться большинству. Но извѣстно,

что деспотизмъ большинства бываетъ однимъ изъ самыхъ несправедливыхъ и невыносимыхъ. Огражденіе меньшинства составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ задачъ законодательства, и это—именно то, что всего чаще вызываетъ правительственную опеку. Тѣ, которые желаютъ избѣжать подобнаго исхода, должны щадить меньшинство, а для этого надобно прежде всего воздерживаться отъ тѣхъ мѣръ, которыми его интересы приносятся въ жертву чужимъ.

Уважаемому предсѣдателю Московской губернской управы хорошо извѣстна и другая причина розни, проистекающая изъ бюрократическихъ стремленій губернскаго земства. Она состоитъ въ томъ, что уѣзды весьма неохотно подчиняются опекѣ. Не такъ давно еще всѣ уѣзды Московской губерніи взбунтовались противъ губернской управы; пришлось поставить министерскій вопросъ. Д. Н. Шиповъ отнѣкивается отъ всякихъ поползновеній къ опекѣ. Возражая противъ высказанныхъ мною мыслей объ этомъ предметѣ, онъ утверждаетъ, что я не представилъ никакого фактическаго доказательства своихъ взглядовъ. Но что такое вся предлагаемая имъ система, какъ не опека? Что такое руководитель и регуляторъ, какъ не опекунъ? При такихъ порядкахъ самостоятельность уѣздовъ, которую самъ Д. Н. Шиповъ признаетъ «необходимымъ условіемъ и главнымъ залогомъ успѣшнаго развитія общественной самодѣятельности», остается пустымъ звукомъ, лишеннымъ всякаго содержанія. Почтенный авторъ постоянно говоритъ о совмѣстной работѣ, о взаимнодѣйствіи губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Но взаимнодѣйствіемъ обыкновенно называется отношеніе независимыхъ и равныхъ силъ, а тутъ нѣтъ ни того, ни другаго: уѣздъ не можетъ приказывать губерніи, какъ губернія уѣзду. Тутъ не взаимнодѣйствіе, а руководство и подчиненіе. Губернія предписываетъ правила, даетъ порученія, принудительно взимаетъ деньги съ уѣзда; а уѣздъ исполняетъ и платитъ, и если онъ получаетъ деньги изъ губернской кассы, то лишь подъ условіемъ подчиненія установленныхъ помимо его

правиламъ и съ обязанностью представлять отчетъ. Можно возразить, что деньги уѣздъ получаетъ добровольно: онъ въ правѣ отъ нихъ отказаться. Но тогда каково будетъ его положеніе? Съ него все-таки будутъ брать подати на нужды другихъ уѣздовъ, а самъ онъ не будетъ получать ничего. Волею и неволею онъ принужденъ подчиниться.

Иначе отношенія, кромѣ опеки, при той системѣ, которую предлагаетъ Д. Н. Шиповъ, даже быть не можетъ. Какъ скоро даются чужія деньги, такъ непремѣнно требуется строгій отчетъ и контроль надъ распоряженіемъ. На этомъ зиждется все земское хозяйство. Когда представители населенія ввѣряютъ уѣздной управѣ взимаемыя съ него деньги, они требуютъ отъ нея отчета и контролируютъ ея дѣйствія. То же самое происходитъ и въ губернскомъ собраніи. Поэтому, когда губернское земство дастъ одному уѣзду деньги, взимаемыя съ другихъ, оно не въ правѣ дѣлать это иначе, какъ подъ условіемъ контроля и отчетности. Если оно упускаетъ это изъ вида, оно пренебрегаетъ своими обязанностями. Предполагать, что уѣздъ можетъ чужими деньгами распоряжаться самостоятельно, какъ своими, есть административный абсурдъ. Всякое пользованіе чужими деньгами влечетъ за собою большую или меньшую зависимость; это—правило, которое въ общественныхъ дѣлахъ должно строго соблюдаться, ибо общественныя деньги не суть частное достояніе, которое владѣлецъ можетъ дарить кому угодно, по собственному изволенію. Самостоятельно уѣздъ можетъ распоряжаться только тѣми суммами, которыя онъ самъ съ себя сбираетъ и самъ употребляетъ на свои нужды.

Самостоятельность уѣздовъ можетъ быть ограждена лишь однимъ способомъ: предоставленіемъ уѣздному земству самостоятельной сферы дѣятельности, то-есть, раздѣленіемъ дѣлъ на губернскія и уѣздныя. Но это—именно то, противъ чего Д. Н. Шиповъ возстаетъ всѣми силами. Онъ утверждаетъ, что въ нашихъ законахъ нѣтъ никакого основанія для такого раздѣленія. Хотя въ статьѣ 3 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ сказано, что «къ вѣдѣнію

губернскихъ земскихъ учрежденій относятся тѣ изъ дѣлъ поименованныхъ въ статьѣ 2, которыя касаются всей губерніи или нѣсколькихъ ея уѣздовъ, а къ вѣдѣнію уѣздныхъ земскихъ учрежденій тѣ изъ означенныхъ дѣлъ, которыя касаются каждаго отдѣльнаго уѣзда и не предоставлены статьею 63 вѣдѣнію губернскихъ земскихъ учрежденій», однако, это постановленіе закона, по мнѣнію г. Шипова, надобно толковать совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, который явствуетъ изъ самыхъ словъ, а совершенно особеннымъ образомъ. Если бы законодатель, говоритъ г. Шиповъ, имѣлъ въ виду установить раздѣленіе губернскихъ дѣлъ и уѣздныхъ, то онъ указалъ бы опредѣленныя основанія и порядокъ для раздѣленія всѣхъ предоставленныхъ земству дѣлъ; но такія основанія и порядокъ указаны лишь для небольшаго числа дѣлъ, поименованныхъ въ статьѣ 63, для остальныхъ же нѣтъ никакихъ указаній. Между тѣмъ, статья 3 прямо говоритъ, что за исключеніемъ дѣлъ, поименованныхъ въ статьѣ 63, изъ остальныхъ губернскому земству подлежатъ тѣ, которыя касаются всей губерніи или нѣсколькихъ уѣздовъ, а уѣздамъ тѣ, которыя касаются каждаго уѣзда въ особенности. Слѣдовательно, указаніе для раздѣленія дѣлъ есть, и совершенно ясное; если же мы не хотимъ его знать или толкуемъ его такъ, что оно лишается всякаго значенія, то въ этомъ виноватъ уже не законодатель, а стремленіе губернскаго земства захватить всѣ дѣла въ свои руки и такимъ образомъ сдѣлаться руководителемъ уѣздовъ и регуляторомъ всѣхъ отношеній, что ему по закону не предоставлено. Не мудрено, что уѣзды возстаютъ противъ такихъ притязаній. Довольно имъ и правительственной опеки, безъ прибавленія земской.

Д. Н. Шиповъ старается подкрѣпить свое толкованіе также и ссылкою на 2-й пунктъ 64 статьи, въ которомъ сказано, что къ вѣдомству уѣздныхъ земскихъ собраній относится, между прочимъ, «представленіе свѣдѣній и заключеній по предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій». Изъ этихъ словъ онъ выводитъ, что губернскому земству

предоставляется вѣдать всѣ земскія дѣла, а уѣзды обязаны давать ему всѣ требуемыя имъ свѣдѣнія и заключенія. Едва ли нужно распространяться о томъ, что ничего подобнаго въ этомъ невинномъ пунктѣ не заключается. Такія натяжки сами себя опровергаютъ.

Столь же несостоятельно и толкованіе въ этомъ смыслѣ 10 пункта 63 статьи, по которому губернскому собранію подлежитъ «разсмотрѣніе постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній, вносимыхъ по свойству дѣлъ въ губернское земское собраніе». Выраженіе: *по свойству дѣлъ*, означаетъ дѣла, вносимыя туда по закону, а отнюдь не уполномочиваетъ губернское собраніе требовать всякаго рода дѣла къ своему разсмотрѣнію, какъ толкуетъ г. предсѣдатель Московской губернской управы.

Не имѣя законной почвы подъ ногами, Д. Н. Шиповъ прибѣгаетъ къ теоретическому построенію, на которомъ онъ думаетъ основать свою систему. Губернское земство, говоритъ онъ, не есть только союзъ уѣздныхъ земскихъ учрежденій для завѣдыванія дѣлами, требующими совокупнаго управленія; это—союзъ всего населенія губерніи, такъ же, какъ уѣзды суть союзы населенія отдѣльныхъ уѣздовъ. Поэтому ихъ цѣли и интересы совершенно тождественны. Разница состоитъ лишь въ томъ, что уѣздное земство заботится объ удовлетвореніи потребностей своего уѣзда, а губернское земство, какъ болѣе крупная единица, имѣетъ задачей справедливое, то-есть, равномѣрное удовлетвореніе потребностей населенія всей губерніи, въ виду чего оно производитъ нужное уравненіе, обращая средства, взимаемыя съ болѣе богатыхъ уѣздовъ; на нужды болѣе бѣдныхъ.

Замѣтимъ, что авторъ, вмѣсто *уравненія*, вездѣ употребляетъ неточное слово *равновѣсіе*, которое не такъ ярко выставляетъ уравнительныя стремленія губернскаго земства.

Такова теорія, которую воздвигаетъ г. предсѣдатель Московской губернской управы. Какъ видно, онъ прилагаетъ къ губерніи ту схему, которою въ государственномъ пра-

вѣ опредѣляется противоположность союзнаго государства и союза государствъ. Послѣдній, какъ извѣстно, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ населенію, а дѣйствуетъ только чрезъ отдѣльные штаты или государства; первый же представляетъ союзъ народа, какъ единаго цѣлаго, вслѣдствіе чего представительное собраніе избирается въ немъ непосредственно населеніемъ. Но Д. Н. Шиповъ идетъ гораздо далѣе союзнаго государства. Въ послѣднемъ самостоятельность отдѣльныхъ членовъ ограждается строгимъ разграниченіемъ вѣдомства центральныхъ и мѣстныхъ властей. Въ Соединенныхъ Штатахъ установлено даже верховное судилище, призванное разрѣшать эти вопросы. Напротивъ, Д. Н. Шиповъ отвергаетъ всякое разграниченіе вѣдомства. Задача одна—удовлетвореніе потребностей населенія, а потому никакого разграниченія вѣдомства быть не должно. Губернское земство, какъ высшій союзъ, призвано регулировать эти отношенія, заботясь объ удовлетвореніи всѣхъ и направляя, въ этихъ видахъ, средства болѣе богатыхъ уѣздовъ на нужды болѣе бѣдныхъ. Объ огражденіи самостоятельности уѣздовъ нѣтъ и помину; отъ нея не остается и тѣни.

Юристу эта теорія съ перваго взгляда представляется крайне шаткою. Какъ же прилагается она къ дѣйствительности? Установляется ли русскими законами непосредственное отношеніе губернскаго земства къ населенію? Ничуть не бывало. Губернскіе гласные выбираются не населеніемъ губерніи, а уѣздными земскими собраніями. Подати получаются изъ уѣздныхъ кассъ, и, когда губернскому земству приходится дѣйствовать на населеніе, какъ, напримѣръ, при взаимномъ земскомъ страхованіи, оно опять прибѣгаетъ къ посредству уѣздовъ. Въ виду этихъ закономъ установленныхъ и фактически существующихъ отношеній, что же остается отъ построенія г. предсѣдателя Московскаго губернскаго земства? Ничего, кромѣ туманнаго призрака, который можетъ увлечь неопытныхъ гласныхъ, но который для людей, знакомыхъ съ дѣломъ, представляетъ только миражъ.

Напрасно Д. Н. Шиповъ для подкрѣпленія своихъ взглядовъ указываетъ на предполагаемое учрежденіе мелкихъ земскихъ единицъ, которыя, играя роль посредствующаго звена между уѣзднымъ земствомъ и населеніемъ, должны стать къ первому въ такія же отношенія, въ какихъ оно состоитъ къ губерніи. Если бы вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы организовать дѣйствительно существующія самородныя и жизнеспособныя общественныя единицы, то, безъ сомнѣнія, первая задача заключалась бы въ томъ, чтобы строго разграничить предметы вѣдомства и дать имъ самостоятельную сферу дѣятельности. Иначе это опять будетъ одинъ призракъ. Но дѣло обстоитъ гораздо проще. Требуются вовсе не самостоятельныя общественныя единицы, которыя еще болѣе осложнятъ и безъ того уже сложное управленіе, а подчиненные агенты, исполняющіе на мѣстахъ порученія уѣздныхъ управъ. И вотъ учреждаются комиссіи, и люди ломаютъ себѣ головы, какъ бы сочинить такого рода невинные союзы, которые бы никому не мѣшали, а служили бы удобными орудіями какъ для земской, такъ и для правительственной бюрократіи. Что выходитъ изъ такого рода работъ, мы могли видѣть на опытѣ. Истинные друзья земства могутъ только желать, чтобы Провидѣніе избавило насъ отъ этихъ канцелярскихъ измышленій.

Уважаемый предсѣдатель Московской губернской управы не довольствуется созданіемъ общественно-юридическихъ теорій: онъ идетъ гораздо выше; онъ восходитъ къ основнымъ началамъ права. По его мнѣнію, наше разногласіе коренится въ томъ, что я раздѣляю области дѣйствія права и нравственнаго закона; между тѣмъ, „живое чувство дѣйствительности говоритъ намъ, что рядомъ съ положительнымъ правомъ всегда и вездѣ мы находимъ какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ людскихъ обществахъ ничѣмъ неискоренимую вѣру въ то, что существуетъ еще высшее право, независимое отъ установляемаго человѣческою волею положительнаго права, и что послѣднее есть ничто иное, какъ осуществленіе въ дѣйствитель-

ности правды и справедливости, мыслимыхъ человѣчествомъ и сознаваемыхъ имъ, какъ нравственный законъ... Какъ отдѣльные люди, такъ и общественные союзы", продолжаетъ г. Шиповъ", подчиняясь требованіямъ положительнаго права, не могутъ никогда считать себя свободными отъ сознаваемыхъ ими требованій вѣчнаго закона правды и любви. Нельзя раздѣлить живой организмъ на двѣ отдѣльныя другъ отъ друга половины, нравственную и гражданскую. Жизнь и дѣятельность людей не могутъ опредѣляться въ одной своей части только положительнымъ правомъ, а въ другой—сознаніемъ исповѣдуемыхъ ими вѣрованій и убѣжденій. Оба эти фактора дѣйствуютъ всегда одновременно; но для каждаго человѣка законъ, заключающійся въ его совѣсти, долженъ имѣть первенствующее значеніе". Осуществленіе этихъ высокихъ истинъ г. Шиповъ ставитъ задачею земства. „Земская идея", говоритъ, онъ „по существу своему есть идея нравственная, и потому-то земское дѣло является всегда живымъ и воспитываетъ въ людяхъ желаніе работать для другихъ и вѣру въ торжество альтруистическихъ идей. Только сознаніе людьми требованій нравственнаго закона можетъ служить надежнымъ основаніемъ для единенія людей и соединить ихъ въ крѣпчайшіе союзы".

Все это весьма хорошо сказано; но возраженіе г. Шипова, очевидно, основано на недоразумѣніи. Онъ не выяснилъ себѣ, что такое право, а потому понялъ мои слова вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ я ихъ разумѣлъ. Для него нѣтъ инаго права, кромѣ положительнаго, а я, говоря объ отношеніи права къ нравственности, имѣлъ въ виду не противоположеніе положительнаго закона высшимъ требованіямъ правды, которыя составляютъ философское основаніе права, а отношеніе послѣднихъ къ закону любви. Менѣе, нежели кто-либо, я склоненъ считать право только выраженіемъ интереса; напротивъ, я вижу въ немъ осуществленіе вѣчныхъ началъ правды, которыя должны служить руководствомъ и для законодателя, и для юриста. Мнѣ не разъ приходилось высказываться по

этому предмету. Я считаю смѣшеніе закона правды, требующей воздавать каждому свое, съ закономъ любви, предписывающимъ человѣку жертвовать собой на пользу ближняго, однимъ изъ самыхъ роковыхъ для человѣка заблужденій. Только во имя правды онъ можетъ чего-либо требовать отъ другихъ; поэтому только право подлежитъ принужденію. Любви же вынудить нельзя; это дѣло свободной человѣческой совѣсти. Какъ скоро законъ любви становится принудительнымъ, такъ свобода совѣсти исчезаетъ, и, вмѣсто любви, установляется самое невыносимое притѣсненіе. Объ этомъ исторія свидѣтельствуетъ въ самыхъ яркихъ чертахъ. Поэтому, когда хотятъ законъ любви дѣлать руководящимъ началомъ общественной дѣятельности, которая вся основана на принужденіи, то это можетъ вести къ самымъ вопіющимъ послѣдствіямъ. Принудительная нравственность есть высшая безнравственность.

„Нельзя“, говоритъ г. Шиповъ, „раздѣлить живой организмъ на двѣ отдѣльныя другъ отъ друга половины, нравственную и гражданскую“. Напротивъ, можно и должно, ибо безъ этого исчезаетъ человѣческая свобода. Теорія смѣшенія этихъ двухъ областей имѣла свою великую и многозначительную исторію. Она породила борьбу средневѣковыхъ императоровъ съ папами. Во имя нравственнаго закона папы требовали, чтобы все, что въ гражданской области соприкасается съ нравственностью, подлежало ихъ верховному суду. Это дѣлало ихъ владыками земли. И только во имя раздѣленія этихъ двухъ областей можно было дать отпоръ этимъ притязаніямъ. Исторія рѣшила этотъ вопросъ безповоротно. Донынѣ самостоятельность гражданской области составляетъ главный оплотъ человѣческой свободы.

Существуетъ и другое, болѣе современное ученіе, которое точно такъ же исходитъ отъ смѣшенія юридическаго начала съ нравственнымъ и приходитъ къ еще болѣе чудовищнымъ выводамъ. Это ученіе—коммунизмъ. Начало и конецъ этой теоріи есть братство людей; во имя братства

она требуетъ общенія имуществъ. Съ нравственной точки зрѣнія противъ этого ничего нельзя сказать. Если люди, одушевленные братскимъ чувствомъ, сносятъ все свое имущество въ общую кассу и живутъ, какъ равные, то въ этомъ можно видѣть только высокій нравственный подвигъ. Такъ жили первые христіане. Безобразіе начинается только тогда, когда людей хотятъ къ этому принудить, то есть, когда нравственное начало превращается въ юридическое. Самоотверженіе есть дѣло совѣсти, а не принудительнаго закона. Какъ же скоро послѣдній, выступая во имя нравственныхъ требованій, хочетъ замѣнить рѣшеніе совѣсти, такъ онъ становится источникомъ самаго невыносимаго притѣсненія. Коммунизмъ есть полное отрицаніе человѣческой свободы, а потому нѣтъ ученія, болѣе противорѣчащаго достоинству человѣка. Выставляется знамя всеобщаго братства, а въ результатѣ выходитъ всеобщее порабощеніе. Изъ этого видно, какъ осторожно слѣдуетъ обращаться съ проведеніемъ нравственныхъ началъ въ общественной жизни. Въ неопытныхъ рукахъ и при недостаточномъ анализѣ явленій, эти высокія начала какъ разъ могутъ превратиться въ совершенно противоположное.

Д. Н. Шиповъ негодуетъ на меня за то, что я, говоря объ его стремленіяхъ къ уравненію матеріальныхъ условій жизни путемъ обложенія богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, назвалъ это соціалистическимъ началомъ. Дѣло въ томъ, что у насъ соціализмъ извѣстенъ больше по наслышкѣ; несмотря на значительное распространеніе этого ученія, мало кто знаетъ, въ чемъ состоитъ истинная его сущность. Поэтому многіе проповѣдуютъ соціалистическія начала, сами того не подозрѣвая. Надобно, впрочемъ, сказать, что и въ Западной Европѣ замѣчается подобное явленіе, хотя и въ болѣе сознательной формѣ. Европа выработала великія начала гражданской жизни, и въ этомъ состоитъ безсмертная ея заслуга предъ человѣчествомъ. Но вслѣдствіе причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, сознаніе права затмилось въ современномъ поколѣніи. Съ одной стороны, оно низводится на степень инте-

реса, съ другой стороны, оно смѣшивается съ нравственностью, что ведетъ къ обращенію дѣйствій, вытекающихъ изъ свободы, въ принудительныя отношенія. Этимъ смѣшеніемъ понятій объясняется страшное развитіе соціализма, особенно въ Германіи. Этимъ пользуется и достигшая преобладанія демократія для того, чтобы обращать на свои нужды средства зажиточныхъ классовъ. При всеобщемъ избирательномъ правѣ ей это сдѣлать легко, ибо неимущіе составляютъ большинство, которое имѣетъ власть въ своихъ рукахъ. Съ своей стороны, зажиточные классы идутъ навстрѣчу этимъ стремленіямъ съ тѣмъ, чтобы задобрить избирателей, и, привлекая къ себѣ массу изливаемыми на нее благодѣяніями, сохранить до нѣкоторой степени свое возвышенное положеніе. При такихъ условіяхъ ссылаться на примѣры современной Европы слѣдуетъ съ большой осмотрительностью. Надобно знать, до какой степени эти явленія согласуются съ истинными началами гражданской жизни.

Природа человѣка такова, что сплошь и рядомъ самыя возвышенныя начала служатъ только прикрытіемъ стремленій къ собственной выгодѣ. Когда же эти два интереса, нравственный и матеріальный, приходятъ въ столкновеніе, первый нерѣдко отодвигается въ туманную даль, а послѣдній, прикрываясь разными благовидными предлогами, является торжествующимъ. Часто это дѣлается даже совершенно безсознательно. При борьбѣ различныхъ воззрѣній, темный инстинктъ склоняетъ вѣсы въ пользу того, которое болѣе соотвѣтствуетъ нашимъ выгодамъ.

Примѣръ такого рода столкновеній представляютъ отношенія Московскаго губернскаго земства къ входящей въ составъ его столицѣ. Въ статьѣ, противъ которой возражаетъ Д. Н. Шиповъ, я указалъ на то, что уѣзды облагаютъ городъ на свои нужды и получаютъ съ него значительную часть своихъ средствъ, не давая взамѣнъ ровно ничего. Я назвалъ это вопіющимъ злоупотребленіемъ права. Д. Н. Шиповъ возстаетъ противъ такого взгляда; но въ своихъ возраженіяхъ онъ прибѣгаетъ къ такимъ

аргументамъ, которые могутъ служить назидательною иллюстраціей отношенія теорій къ практикѣ въ Московскомъ губернскомъ земствѣ.

Прежде всего, почтенный предсѣдатель Московской губернской управы ставитъ вопросъ вовсе не такъ, какъ онъ былъ мною поставленъ. „Хотя здѣсь говорится не только о Москвѣ“, замѣчаетъ онъ, „но такъ какъ Москва, очевидно, не можетъ составлять исключенія, то надо полагать, что Б. Н. Чичеринъ вообще не находитъ справедливымъ участіе городовъ въ расходахъ земствъ“. Между тѣмъ, самый законъ ставитъ Москву въ исключительное положеніе, приравнивая ее такъ же, какъ Петербургъ и Одессу, не къ другимъ городамъ, а къ уѣздамъ. Моя же тема состояла въ томъ, что Москва, со своимъ многомилліоннымъ бюджетомъ, значительно превосходящимъ совокупность бюджетовъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, не можетъ, по существу дѣла и по справедливости, быть приравнена къ уѣзду, а должна составлять самостоятельную единицу, относящуюся къ губерніи, какъ равный къ равному. Наши губернскіе и уѣздные города платятъ налоги въ пользу земства, но взамѣнъ того они пользуются содержимыми земствомъ учрежденіями, какъ-то больницами и домами умалишенныхъ; Москва же всѣ свои учрежденія содержитъ на свой собственный счетъ и, сверхъ того, выплачиваетъ въ пользу земства значительныя суммы. Все это было ясно высказано мною: зачѣмъ же нужно было ставить вопросъ на совершенно другую почву и опровергать то, чего я не говорилъ? Этимъ подрывается довѣріе къ защищаемому дѣлу.

Но Д. Н. Шиповъ отвергаетъ и тотъ очевидный фактъ, что земство не дѣлаетъ для города Москвы ровно ничего. Онъ указываетъ на то, что „губернское земство для удовлетворенія земскихъ потребностей города Москвы передаетъ ежегодно въ городскую кассу болѣе третьей части изъ отчисляемаго въ пользу земства процентнаго сбора съ торговыхъ свидѣтельствъ, патентовъ и билетовъ“. Читая эти строки, можно подумать, что земство изъ собственныхъ сбо-

ровъ великодушно удѣляетъ нѣкоторую часть Москвѣ для удовлетворенія тѣхъ земскихъ потребностей, которыя лежатъ на городѣ. Въ дѣйствительности же это отчисленіе дѣлается по закону, а земство является тутъ только исполнителемъ. Основаніемъ этого распредѣленія служитъ то, что значительнѣйшая часть означенныхъ сборовъ идетъ съ города Москвы, при чемъ та доля, которая изъ нихъ возвращается столицѣ, гораздо меньше той, которая обращается въ пользу земства. Слѣдовательно, не уѣзды даютъ городу часть своихъ собственныхъ средствъ, а, наоборотъ, значительная часть сборовъ съ городскихъ жителей обращается на нужды уѣздовъ. Но послѣдніе, не довольствуясь этою предоставленною имъ закономъ львиною долею, которая простирается до 300,000 рублей, облагаютъ еще городъ особымъ налогомъ свыше 500,000, которые точно такъ же идутъ на ихъ собственныя нужды. Очевидно, аргументъ, на который опирается г. предсѣдатель Московской губернской управы, доказываетъ совершенно противоположное тому, что онъ хотѣлъ доказать. Думается, что лучше было бы отъ него воздержаться и бросить покровъ на эти денежные расчеты, которые представляютъ отношенія Московскаго земства къ столицѣ въ несовсѣмъ выгодномъ для него свѣтѣ.

Столь же мало основательны и другіе доводы Д. Н. Шипова. Онъ указываетъ на сѣть шоссейныхъ дорогъ, содержимыхъ земствомъ и имѣющихъ, какъ онъ говоритъ, выдающееся значеніе для интересовъ города. Но вѣдь городъ, съ своей стороны, содержитъ свои мостовыя, которыми пользуются пріѣзжающіе въ городъ жители уѣздовъ такъ же, какъ жители города пользуются шоссейными дорогами. А между тѣмъ никогда городскому управленію не приходило въ голову требовать на содержаніе ихъ какого-либо участія земства. Разница между этими двумя статьями расхода заключается лишь въ томъ, что на содержаніе мостовыхъ городъ не получаетъ никакихъ субсидій, а на содержаніе главныхъ шоссейныхъ линій, имѣющихъ интересъ для города, губернское земство получаетъ такія значительныя казенныя пособія, что на остатки отъ

этихъ суммъ оно построило цѣлую сѣть дорогъ, имѣющихъ значеніе исключительно для уѣздовъ. Читатель можетъ судить, насколько возможно ссылаться на этотъ фактъ для обложенія столицы налогами въ пользу земства.

Но всего неожиданнѣе указаніе г. предсѣдателя Московской губернской управы на то, что губернское земство устроило на свой счетъ психіатрическую больницу для уѣздовъ, между тѣмъ какъ обязанность лѣчить уѣздныхъ больныхъ лежала на городѣ вслѣдствіе передачи ему капиталовъ Приказа общественнаго призрѣнія. Такой аргументъ выставляется впервые. Я имѣлъ честь засѣдать въ Московскомъ губернскомъ собраніи въ то время, какъ въ немъ происходили пренія объ учрежденіи земской психіатрической больницы. Всѣ участвовавшіе въ этихъ засѣданіяхъ помнятъ, какихъ неимовѣрныхъ усилій стоило подвинуть на это дѣло бывшаго предсѣдателя Московской губернской управы, который всячески старался устранить отъ земства это очевидное требованіе справедливости. Однако и онъ въ то время не думалъ прибѣгать къ тому доводу, который нынѣ выдвигается Д. Н. Шиповымъ. Онъ зналъ, что передача городу заведеній Приказа легла на него тяжелымъ бременемъ. Это не то, что полученіе казенныхъ шоссе съ субсидіями, изъ остатковъ которыхъ можно построить цѣлую сѣть. При самомъ пріемѣ заведеній городъ принужденъ былъ ассигновать свыше 285.000 р. изъ собственныхъ средствъ на ихъ содержаніе. Въ другихъ мѣстахъ эти заведенія были переданы губернскому земству, а тутъ все это легло на столицу. При этомъ значительная часть переданныхъ капиталовъ имѣла спеціальное назначеніе. Если бы Д. Н. Шиповъ прежде, нежели отважиться на свое указаніе, потрудился справиться съ цифрами, то онъ увидѣлъ бы, что собственные капиталы Преображенской больницы для умалишенныхъ составли всего 19,140 р. $6^1/_4$ коп. *). При такихъ условіяхъ говорить объ учрежденіи

*) См. „Общественное хозяйство города Москвы въ 1883—87 годахъ". М. П. Щепкина; часть I, вып. 2, стр. 698. 1890.

психіатрической больницы для жителей уѣздовъ, какъ о жертвѣ въ пользу города, по меньшей мѣрѣ опрометчиво.

И это еще не все. Стараясь опереться на болѣе, чѣмъ шаткіе доводы для оправданія способа дѣйствія Московскаго губернскаго земства въ отношеніи къ столицѣ, онъ осторожно умалчиваетъ объ одномъ обстоятельствѣ, на которое было мною указано и которое объяснить довольно трудно. Альтруистическая теорія г. Шипова,—въ силу которой задача земства заключается въ томъ, чтобы брать съ имущихъ и давать неимущимъ,—именно въ настоящемъ случаѣ не находитъ себѣ приложеній. Я разсказалъ въ упомянутой статьѣ, какъ Московское губернское земство, въ похвальномъ усердіи къ народному образованію, проектировало цѣлую сѣть училищъ и ассигновало на это 90,000 рублей, изъ которыхъ 65,000 должны были взиматься съ города. При этомъ были тщательно исчислены доходы и расходы каждаго уѣзда и деньги распредѣлены такъ, что приплачивалось именно тѣмъ, которые не въ состояніи были содержать требуемое число училищъ на свой счетъ. Но, несмотря на то, что Москва приравнена закономъ къ уѣздамъ и на этомъ основаніи облагается губернскимъ сборомъ, о ней совершенно умалчивалось, хотя всѣмъ было извѣстно, что тогда, такъ же, какъ и доселѣ, она не имѣла средствъ содержать достаточное количество училищъ для удовлетворенія потребностей городскаго населенія. По системѣ г. Шипова, ей слѣдовало бы приплачивать изъ губернскихъ суммъ, а вмѣсто того съ нея взималась значительная сумма для удовлетворенія потребностей уѣздовъ. Какъ же назвать такой способъ дѣйствія, какъ не вопіющимъ злоупотребленіемъ права? И не имѣлъ ли я основанія сказать, что Московское губернское земство есть насосъ, посредствомъ котораго уѣзды Московской губерніи выкачиваютъ деньги изъ столицы на собственныя потребности, не давая ей ничего взамѣнъ? Брать чужія деньги и употреблять ихъ на свои нужды, вотъ къ чему на практикѣ сводятся альтруистическія стремленія Московскаго губернскаго земства. Этимъ путемъ легко проводить самыя популярныя мѣры.

Знаю, что источникъ этихъ ненормальныхъ отношеній лежитъ въ законѣ, который приравниваетъ столицу къ уѣздамъ и сохраняетъ это положеніе, несмотря на всѣ проистекающія отсюда несообразности. Но именно потому, что г. предсѣдатель Московской губернской управы поставленъ самимъ закономъ въ ложное положеніе, онъ при всей искренности своихъ взглядовъ не можетъ правильно смотрѣть на вещи. Вслѣдствіе этого онъ строитъ теоріи, неприложимыя къ общественнымъ отношеніямъ и находящіяся въ вопіющемъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Но онъ жестоко ошибается, если онъ думаетъ, что этотъ способъ дѣйствія въ состояніи воспитать въ русскомъ обществѣ вѣру въ торжество альтруистическихъ идей. Скорѣе онъ можетъ утвердить въ людяхъ вѣру въ торжество совершенно иныхъ началъ, которыя стоятъ гораздо ближе къ обыкновенной природѣ человѣка и всегда ищутъ благовидныхъ предлоговъ для достиженія своихъ цѣлей. Философа же онъ наводитъ на печальныя размышленія о томъ, какъ въ человѣческой душѣ самыя возвышенныя стремленія сочетаются съ самою жалкою практикой.

Русское земство не можетъ и не должно идти по этому пути. Не принудительный альтруизмъ, состоящій въ правѣ обирать однихъ на пользу другихъ, а справедливость, воздающая каждому свое, составляетъ истинное основаніе благоустроеннаго гражданскаго порядка. Въ земствѣ каждый, кто дастъ копейку на общественныя нужды, долженъ знать, что онъ беретъ ее изъ своего кармана, а не изъ чужаго. Только при этихъ условіяхъ возможно согласное дѣйствіе земскихъ силъ на пользу отечества. Теорія же, которую проповѣдуетъ уважаемый предсѣдатель Московской губернской управы, способна породить лишь нескончаемые раздоры. На этой почвѣ мудрено столковаться.

Еще о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ.

Московскому губернскому земскому собранію, въ нынѣшнюю его сессію, былъ представленъ докладъ о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Онъ вызванъ былъ вопросами, возбужденными въ прошедшемъ году предсѣдателемъ Московской губернской управы, Д. Н. Шиповымъ, изложенными въ напечатанной имъ брошюрѣ. Для разсмотрѣнія ихъ была выбрана коммиссія, которая и внесла въ собраніе результаты своихъ совѣщаній. Въ самый день обсужденія доклада многоуважаемый докладчикъ, профессоръ Герье, напечаталъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» статью, представляющую краткую изъ него выдержку и получившую одобреніе редакціи. На этотъ разъ, однако, вышло не совсѣмъ удачно, ибо Собраніе рѣшило передать дѣло на предварительное заключеніе въ уѣзды. Противъ этого заявленъ былъ изумительный протестъ двѣнадцати гласныхъ, которые считаютъ такое постановленіе незаконнымъ, на томъ основаніи, что губернское собраніе, рѣшая вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ уѣздамъ, не имѣетъ, будто бы, права спрашивать ихъ о томъ мнѣнія, а оно подлежитъ только провѣркѣ высшихъ учрежденій. Думается, что едва-ли такой способъ дѣйствія можетъ привести къ дружной дѣятельности земства. Какъ бы то ни было, такъ какъ вопросъ перенесенъ въ печать, и въ своей

статьѣ В. П. Герье весьма рѣшительно возстаетъ противъ взглядовъ, высказанныхъ мною въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 317 и 318 прошлаго года), то, въ виду принципіальнаго значенія этихъ вопросовъ для русскаго земства, я считаю не лишнимъ отвѣтить нѣсколько словъ почтенному автору.

Прежде всего меня приводитъ въ недоумѣніе самое заглавіе означенной статьи: «Обособленіе или взаимнодѣйствіе?» Признаюсь, я не понимаю, въ чемъ эти понятія одно другому противорѣчатъ. Подъ именемъ обособленія авторъ разумѣетъ защищаемый мною взглядъ, т. е., признаніе уѣздовъ самостоятельными единицами, вѣдающими свои дѣла по собственному почину и усмотрѣнію, безъ высшаго попеченія и руководства. Но развѣ между самостоятельными единицами не можетъ быть взаимнодѣйствія?

Мы видимъ, что европейскія государства образуютъ совершенно самостоятельныя единицы и тѣмъ не менѣе они находятся въ постоянномъ живомъ взаимнодѣйствіи: политическомъ, экономическомъ и культурномъ. Точно такъ же въ союзныхъ государствахъ отдѣльные члены являются самостоятельными единицами, вѣдающими свои собственныя дѣла; но это не исключаетъ существованія между ними не только взаимодѣйствія, но и постоянной связи, выражающейся въ общихъ учрежденіяхъ, которыя имѣютъ свой опредѣленный кругъ дѣйствія и находятся въ живомъ общеніи съ членами. Нельзя не сказать, что терминъ *взаимнодѣйствіе* выбранъ весьма неудачно. Это—отвлеченное, философское понятіе, подъ которымъ могутъ скрываться самыя разнородныя и туманныя представленія. Когда оно противополагается обособленію, то, очевидно, имѣется въ виду такое взаимнодѣйствіе, которое исключаетъ самостоятельность уѣздовъ. Что въ такомъ именно смыслѣ оно принимается авторомъ, это подтверждается другимъ сравненіемъ, къ которому онъ прибѣгаетъ въ своемъ докладѣ. Онъ противополагаетъ *механическое* соединеніе, представляющее только сумму частей, *органической* связи, образующей изъ частей одно

живое *цѣлое*. «Къ какимъ явленіямъ слѣдуетъ причислить *общественныя тѣла*, этотъ вопросъ», «говоритъ докладчикъ, «давно рѣшенъ». Сколько намъ извѣстно, однако, въ наукѣ давно замѣчено, что нѣтъ термина, который подавалъ бы поводъ къ такимъ смутнымъ представленіямъ и къ такимъ радикально ложнымъ выводамъ, какъ именно метафорическое понятіе объ организмѣ въ приложеніи къ общественнымъ тѣламъ. Примѣры извѣстны всякому, кто нѣсколько знакомъ съ литературою по этому предмету. Принявъ точку зрѣнія уважаемаго докладчика, мы должны сказать, что уѣзды суть не болѣе, какъ органы общественной единицы, именуемой губерніей. Никакой самостоятельности мы имъ приписать не можемъ, такъ какъ ни руки, ни ноги, очевидно, ни малѣйшей самостоятельности не имѣютъ, а служатъ только органами цѣлаго. Понятно, что при такомъ взглядѣ почтенные Московскіе губернскіе гласные не хотятъ знать мнѣнія уѣздовъ о томъ, что ихъ всего ближе касается: когда же голова спрашивала у ногъ, куда ей направлять тѣло?

Уважаемый докладчикъ, упускаетъ изъ виду, что, кромѣ механическихъ и органическихъ отношеній, существуютъ *юридическія*, которыя состоятъ въ точномъ опредѣленіи взаимныхъ правъ и обязанностей. Для него размежеваніе отдѣльныхъ сферъ дѣятельности путемъ юридическихъ опредѣленій есть признакъ недовѣрія, между тѣмъ какъ именно это составляетъ основу всякаго благоустроеннаго порядка. Безъ этого общественная жизнь превращается въ хаотическое броженіе ничѣмъ не сдержанныхъ и не ограждаемыхъ силъ, ведущее только къ нескончаемымъ притѣсненіямъ. Почтенный историкъ, очевидно, не юристъ. Вслѣдствіе этого, онъ и о самоуправленіи высказываетъ такія понятія, которыя могутъ земскаго человѣка привести въ печальное недоумѣніе. Въ своемъ докладѣ онъ въ этомъ терминѣ намѣренно подчеркиваетъ только вторую половину слова: въ само*управленіи* онъ видитъ только *управленіе*. Для него «земскія учрежденія представляютъ собою органы государства», точно такъ же какъ и вся-

кія бюрократическія коллегіи. Единственно въ видахъ цѣлесообразности государство предоставляетъ нѣкоторыя дѣла выборнымъ лицамъ; но оно всегда можетъ, въ виду той же всему поддающейся цѣлесообразности, взять все управленіе на себя. Уважаемому профессору, повидимому, не извѣстно, что въ административномъ правѣ различаются функціи *собственныя и возложенныя* (fonctions propres et fonctions déléguées), изъ которыхъ первыя касаются чисто мѣстныхъ дѣлъ, по существу своему принадлежащихъ вѣдѣнію выборныхъ органовъ, а вторыя—исполненія задачъ государственныхъ, для чего дается особая власть.

Эту антиюридическую точку зрѣнія, все сливающую въ одно смутное представленіе, докладчикъ переноситъ и на отношенія губернскаго земства къ уѣзднымъ. Только въ виду той же открывающей самый широкій просторъ всякому толкованію цѣлесообразности, губернское земство предоставляетъ нѣкоторыя дѣла уѣздамъ; но оно въ правѣ все себѣ взять и превратить уѣзды въ исполнительные свои органы, согласно съ теоріей органическихъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ толкуется и самый законъ, который относитъ къ вѣдѣнію губернскаго земства дѣла, касающіяся всей губерніи или нѣсколькихъ уѣздовъ, а къ вѣдѣнію уѣздовъ тѣ, которыя касаются отдѣльныхъ уѣздовъ. По толкованію докладчика, это не значитъ, что уѣзды самостоятельно вѣдаютъ тѣ школы, дороги и больницы, которыя имѣютъ чисто уѣздное значеніе, а губернія—тѣ, которыя имѣютъ значеніе для всей губерніи или, по крайней мѣрѣ, для нѣсколькихъ уѣздовъ, напр., фельдшерскія школы, учительскіе институты, дома умалишенныхъ, какъ, казалось бы, явствуетъ изъ смысла статьи. Нѣтъ, это значитъ, что губернія имѣетъ право *все* себѣ забрать, потому что ей предоставлено попеченіе о жителяхъ *всей* губерніи. Многоуважаемый профессоръ видитъ даже великое преимущество русскаго законодательства передъ иностранными въ томъ, что оно не установило недовѣрчиваго размежеванія сферъ, а все предоставило полнѣйшему произволу. Поэтому онъ не усматриваетъ ничего похожаго на

наши земскія учрежденія въ другихъ странахъ, гдѣ всѣ права и обязанности точно опредѣлены.

Согласно съ этимъ чисто русскимъ воззрѣніемъ, идущимъ еще отъ славянофиловъ, онъ считаетъ совершенно излишнимъ какія бы то ни было гарантіи для самостоятельности уѣздовъ. Достаточно имъ взаимнодѣйствія въ губернскомъ собраніи, которое, какъ представитель цѣлаго, является регуляторомъ и руководителемъ всего движенія, которое составляетъ общіе планы дѣйствія и должно послѣдовательно приводить ихъ въ исполненіе, не терпя ни малѣйшаго уклоненія, а въ финансовомъ отношеніи должно стремиться къ уравненію богатыхъ и бѣдныхъ, состоящихъ въ прискорбномъ неравенствѣ, какъ доказываютъ неопровержимыя цифры, собранныя г. предсѣдателемъ Московской губернской управы. Это направляемое и регулируемое органическимъ цѣлымъ взаимнодѣйствіе частей авторъ представляетъ себѣ въ видѣ идиллическаго согласія, при чемъ приводится извѣстное латинское изреченіе: concordia crescimus. О томъ, что на практикѣ подобная система способна породить только не скончаемые раздоры, авторъ повидимому, не думаетъ. А, между тѣмъ, онъ имѣлъ тому назидательные примѣры предъ собственными глазами. Ему хорошо извѣстны безполезные протесты гласныхъ города Москвы противъ обиранія ея въ пользу уѣздовъ. Памятны и пререканія прошедшаго года. Не говорю уже о томъ, что происходило и происходитъ въ другихъ губерніяхъ. Въ реальной жизни не стѣсненное точнымъ опредѣленіемъ правъ взаимнодѣйствіе нерѣдко вѣдетъ къ тому, что люди борются, при чемъ слабые всегда остаются въ накладѣ. Но почтенный докладчикъ не хочетъ знать суровой дѣйствительности. Онъ надѣется все согласить туманными фразами. Уѣзды, безъ сомнѣнія, примирятся съ предоставленною имъ скромною долею, когда они узнаютъ, что они органы живаго цѣлаго. Извѣстно, что руки и ноги не требуютъ никакихъ гарантій противъ направляющей ихъ воли. А если нѣкоторыя изъ нихъ вздумаютъ возражать, ихъ можно придавить большинствомъ. Приве-

денный выше протестъ 12 Московскихъ гласныхъ показываетъ, какой участи могутъ ожидать уѣзды отъ приверженцевъ полновластія губернскаго земства. Сулимое согласіе состоитъ въ томъ, что у нихъ отрицается право голоса даже въ самыхъ жизненныхъ для нихъ вопросахъ.

Если бы всѣ эти смутныя понятія объ общественныхъ отношеніяхъ и эти идиллическія представленія земскаго взаимнодѣйствія, на подкладкѣ самой крайней нетерпимости, исходили отъ кого-нибудь изъ юнѣйшихъ членовъ собранія, то можно было бы подумать, что это—свойственные возрасту порывы земскаго дѣятеля. Но когда все это проповѣдуется заслуженнымъ ученымъ, много лѣтъ занимающимъ видное и почетное мѣсто въ общественныхъ учрежденіяхъ, то приходишь въ полное недоумѣніе. Можно объяснить это только печальнымъ уровнемъ юридическаго сознанія въ русскомъ обществѣ.

Но всего больше поражаетъ отношеніе Московскаго гласнаго къ представляемой имъ столицѣ. Вмѣсто того, чтобы отстаивать ея попираемые ногами интересы, онъ выдаетъ ее головой. Въ его статьѣ приводятся весьма краснорѣчивыя цифры сборовъ, взимаемыхъ съ Москвы въ пользу земства; по смѣтѣ 1899 г. столица уплачивала свыше 838.000 р., не получая,—какъ хорошо извѣстно Московскому гласному, *ровно ничего* взамѣнъ. На языкѣ Московскаго земства это называется «взаимнодѣйствіемъ общественныхъ элементовъ». И представитель столицы не только этимъ не возмущается, а, напротивъ, съ восторгомъ говоритъ о томъ, что Москва, которая не имѣетъ достаточно средствъ для содержанія собственныхъ школъ и мостовыхъ, тратитъ крупныя суммы на школы, больницы и разныя хозяйственныя нужды самыхъ отдаленныхъ деревень Московской губерніи. Онъ убѣжденъ, что именно жители Москвы всего болѣе заинтересованы въ этомъ странномъ взаимнодѣйствіи, и что на глазахъ у древней столицы эта система обиранія будетъ все крѣпнуть и развиваться. Можно подумать, что почтенный гласный является ярымъ защитникомъ альтруистической теоріи г. Шипова, состоя-

щей въ уравненіи матеріальныхъ условій жизни посредствомъ нивеллирующей дѣятельности губернскаго земства. Но нѣтъ! Въ своемъ докладѣ онъ признаетъ альтруизмъ чисто индивидуалистическимъ началомъ, неприложимымъ къ общественнымъ отношеніямъ. Что же это, наконецъ, такое? Какъ разобраться въ этихъ противорѣчивыхъ представленіяхъ? И на чемъ мы должны остановиться?

Возставая противъ признанія уѣздовъ самостоятельными земскими единицами, имѣющими свои твердо установленныя права и управляющими своими дѣлами безъ всякой опеки и регламентаціи со стороны губерніи, почтенный Московскій гласный утверждаетъ, что такое обособленіе противорѣчитъ самому духу земскихъ учрежденій и подрываетъ силу уѣзднаго земства. Мы же, напротивъ, убѣждены, на основаніи тридцатилѣтняго опыта, что самостоятельность уѣздовъ составляетъ краеугольный камень земскаго самоуправленія. Земское зданіе строится снизу, а не сверху, и уѣздъ составляетъ въ немъ первую нормальную всесословную единицу. Волость, какъ бы ее ни преобразовали, всегда останется только административнымъ дѣленіемъ: у нея слишкомъ мало силъ для самоуправленія. Только покоясь на прочномъ фундаментѣ уѣздныхъ учрежденій, самое губернское земство получаетъ надлежащую силу. Напротивъ, въ регулирующей, регламентирующей и нивеллирующей дѣятельности губернскаго земства мы видимъ лишь плодъ вкоренившихся у насъ бюрократическихъ воззрѣній, понимающихъ только дѣйствіе сверху, изъ общаго центра, по общему плану и стремящихся все подвести къ однообразному уровню. Къ нимъ охотно примыкаютъ и якобинскія стремленія, которыя состоятъ въ насильственномъ проведеніи цѣлей либерализма, извращаемаго такимъ образомъ въ самомъ своемъ существѣ. Губернское земство имѣетъ свои весьма крупныя задачи въ предѣлахъ предоставленнаго ему вѣдомства. Если же оно хочетъ поглотить собою все, быть всеобщимъ попечителемъ и регуляторомъ всѣхъ отношеній, если, отвергая точное опредѣленіе правъ и обязанностей,

оно будетъ руководствоваться совершенно неопредѣленнымъ началомъ цѣлесообразности, предоставляя себѣ толковать его по своему усмотрѣнію и навязывать уѣздамъ свои рѣшенія, то оно погубитъ земское дѣло и, вмѣсто согласія на почвѣ твердо установленнаго закона и ясно размежеванныхъ правъ, водворитъ только нескончаемые раздоры. Истинный духъ земскихъ учрежденій есть духъ самоуправленія, то-есть, завѣдыванія своими собственными дѣлами на основаніи своихъ собственныхъ рѣшеній. Это начало прилагается прежде всего къ уѣздамъ, какъ основнымъ земскимъ единицамъ, а затѣмъ и къ губерніи, какъ воздвигающейся надъ ними высшей единицѣ, призванной восполнять, а не регулировать и регламентировать дѣятельность первыхъ. Только признаніе этого начала можетъ обезпечить согласное дѣйствіе земства и открыть ему широкую будущность.

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. И. Герье по вопросу объ отношеніяхъ губернскаго земства къ уѣзднымъ.

Въ № 38 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ появился отвѣтъ В. И. Герье на мои возраженія противъ его статьи объ отношеніяхъ губернскаго земства къ уѣзднымъ, напечатанной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Но на этотъ разъ многоуважаемый ученый переноситъ вопросъ на совершенно другую почву, нежели та, на которую онъ становился прежде. Въ своей статьѣ, такъ же, какъ и въ своемъ докладѣ Московскому губернскому собранію, онъ ставилъ вопросъ чисто теоретически: онъ противополагалъ взаимнодѣйствіе обособленію и органическія отношенія — механическимъ. Онъ утверждалъ, что въ этомъ именно состоитъ истинный духъ земскихъ учрежденій. Теперь же онъ, къ великому моему изумленію, отвергаетъ всякую теорію, какъ нѣчто сухое и отвлеченное, противополагая ей, по приведенному имъ выраженію поэта, „зеленѣющее золотое дерево жизни“. Онъ заявляетъ, что его взгляды на отношенія губернскаго земства къ уѣзднымъ основаны не на какихъ-либо теоретическихъ соображеніяхъ, а на запросахъ дѣйствительности. И органическія отношенія и взаимнодѣйствіе—все это презрительно откидывается въ сторону; остается одинъ практическій интересъ. Разъ Москва принуждена платить весьма крупныя суммы на потребности земства, то для нея выгодно, чтобы онѣ расходовались по общему плану, подъ руководствомъ губернской управы.

Это именно то, на что я постоянно указывалъ въ своихъ статьяхъ. Я утверждалъ, что ложныя теоріи, развиваемыя г. предсѣдателемъ Московской губернской управы, проистекаютъ изъ совершенно ненормальныхъ отношеній Московскаго губернскаго земства къ облагаемой имъ столицѣ, съ которой берутъ большую половину земскихъ доходовъ, не давая ей ровно ничего взамѣнъ. Но, признаюсь, мнѣ никогда не приходило въ голову, что развитіе этихъ отношеній выгодно для населенія столицы. Казалось бы, что когда съ людей тянутъ деньги на чужія надобности, между тѣмъ какъ они не въ состояніи удовлетворять собственнымъ, то прямой ихъ интересъ состоитъ въ томъ, чтобы ихъ облагали какъ можно меньше. Чѣмъ болѣе губернская управа будетъ развивать свою дѣятельность на счетъ столицы, чѣмъ болѣе она, пользуясь этимъ постороннимъ источникомъ, будетъ брать на себя то, что собственно должно принадлежать уѣздамъ, тѣмъ болѣе жители столицы будутъ въ накладѣ. Никакія альтруистическія теоріи не въ состояніи заполнить пустоты, образуемой въ ихъ карманахъ. Въ прежнее время, когда я имѣлъ честь засѣдать въ Московскомъ губернскомъ собраніи, всѣ представители города раздѣляли этотъ взглядъ. Когда впервые Московская губернская управа вступила на ложный путь расширенія своей дѣятельности обложеніемъ города, протестъ былъ единодушный. Сенатъ, на основаніи присвоеннаго ему права толковать законъ, рѣшилъ вопросъ противъ Москвы. Съ тѣхъ поръ Московское губернское земство, забывая, что пользованіе несправедливымъ, хотя и законнымъ правомъ, можетъ быть весьма выгодно, но не всегда почетно, стало облагать столицу все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, подобно тому, какъ въ старину многіе помѣщики, пользуясь присвоеннымъ имъ русскимъ законодательствомъ крѣпостнымъ правомъ, брали съ своихъ крестьянъ все, что можно было съ нихъ выжать, и употребляли эти деньги на свои надобности, не заботясь о томъ, насколько крестьяне въ состояніи удовлетворить своимъ собственнымъ нуждамъ. Однако, представители го-

рода продолжали смотрѣть на такой способъ дѣйствія какъ на вопіющую несправедливость. Не болѣе, какъ два года тому назадъ, когда я, вышедши уже изъ состава Московскихъ гласныхъ, поднялъ въ печати тотъ самый вопросъ, который обсуждается нынѣ, и привелъ тѣ же самые доводы противъ расширенія дѣятельности губернскаго земства и обложенія имъ столицы, я получилъ коллективное благодарственное письмо за подписью вліятельныхъ губернскихъ гласныхъ отъ города Москвы, въ томъ числѣ и многоуважаемаго В. И. Герье. Вслѣдствіе чего же произошла такая внезапная перемѣна фронта? Почему нынѣ представители столицы считаютъ выгоднымъ для представляемаго ими населенія, чтобы его все больше и больше облагали на чужія потребности, когда оно не въ состояніи удовлетворять своимъ собственнымъ?

Это увлеченіе альтруистическими воззрѣніями г. Шипова объясняется, повидимому, блистательными результатами дѣятельности Московской губернской управы подъ руководствомъ уважаемаго и дѣльнаго ея предсѣдателя. Къ отвѣту В. И. Герье приложено извлеченіе изъ составленной другимъ городскимъ гласнымъ и подписанной остальными записки, представляющей итоги этой дѣятельности. И точно, эти результаты могли бы привести въ восторгъ всякаго посторонняго человѣка, не посвященнаго въ дѣло; но, къ сожалѣнію, тутъ есть одна загвоздка, а именно, что все это дѣлается на чужой счетъ. Устраивать свои дѣла на чужія деньги несомнѣнно и выгодно и пріятно. Тутъ можно дать себѣ полную волю и проводить самые великолѣпные планы. Но земскія учрежденія построены на совершенно иныхъ началахъ. Сущность ихъ заключается въ самоуправленіи путемъ самообложенія. Они должны устраивать свои дѣла на свой собственный счетъ, а не изъ чужаго кармана. Намъ, несчастнымъ провинціальнымъ гласнымъ, у которыхъ нѣтъ такой дойной коровы, особенно въ уѣздныхъ собраніяхъ, ближе стоящихъ къ населенію, приходится взвѣшивать каждую копейку расхода, изъ опасенія, чтобы она не легла лишнимъ бре-

менемъ на представляемыхъ нами плательщиковъ. Въ этомъ отношеніи примѣръ Московскаго земства дѣйствуетъ на провинцію развращающимъ образомъ. Онъ пріучаетъ земство не соразмѣрять своихъ расходовъ съ доходами и задаваться задачами, которыя ему не по силамъ. Отсюда идущее сверху стремленіе ограничить право самообложенія земства, стремленіе, въ возбужденіи котораго прежде всего повинно Московское губернское земство, подавая примѣръ остальнымъ. Думается однако, что прежде, нежели ограничивать право самообложенія, надобно положить конецъ праву облагать другихъ въ свою пользу. Желательно знать, какъ Московское земство будетъ устраивать свои дѣла, когда у него будетъ отнятъ посторонній источникъ, который для всѣхъ служитъ соблазномъ и совершенно извращаетъ духъ и задачи земскихъ учрежденій. Казалось бы, именно въ этомъ состоитъ истинный интересъ представителей столицы, а не въ томъ, чтобы восторгаться расширеніемъ дѣятельности губернскаго земства на-счетъ представляемаго ими населенія.

Но всего неожиданнѣе то, что эти совершенно ненормальныя отношенія выставляются какъ запросы *жизни*. Обыкновенно подъ именемъ *жизни* разумѣется свободное проявленіе самостоятельныхъ силъ, а не искусственное наложеніе законодательной рамки на совершенно неподходящія къ ней отношенія; здѣсь же этому слову придается какъ разъ обратное значеніе. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ его уважаемый историкъ, надобно сказать, что всякій несправедливый и притѣснительный законъ есть жизнь; крѣпостное право есть жизнь; всякій произволъ есть жизнь. Напротивъ, протестъ противъ коренящейся въ законѣ несправедливости отвергается имъ, какъ сухая и отвлеченная теорія. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать, что „зеленѣющее золотое дерево жизни“ Московскаго губернскаго земства находится въ полномъ расцвѣтѣ. Но какъ явленіе земскаго самоуправленія, оно можетъ служить только предостереженіемъ, а не примѣромъ.

Вопросъ объ отношеніи губернскаго и уѣздныхъ земскихъ учрежденій въ Московскомъ земствѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, Московское губернское земское собраніе утвердило прошлогодній докладъ выбранной имъ коммиссіи. Хотя нѣкоторые уѣзды прямо его отвергли, а другіе требовали существенныхъ перемѣнъ, однако большинство настояло на своихъ заключеніяхъ, подчиняющихъ хозяйство уѣздовъ общему плану, составленному губерніей, и регулирующихъ матеріальное ихъ уравненіе. Въ такомъ исходѣ нельзя было сомнѣваться послѣ того, какъ Московская дума единогласно приняла эти заключенія, несмотря на то, что ими предоставляется губернскому земству самая широкая возможность облагать столицу, не давая ей ничего взамѣнъ. Объ этомъ рѣшеніи думы можно имѣть различныя мнѣнія. Тѣ, которые всѣ общественныя учрежденія строятъ на альтруизмѣ, безъ сомнѣнія должны приходить въ восторгъ отъ такого безпримѣрнаго самоотверженія. Напротивъ, земскіе люди, которые убѣждены, что общественныя учрежденія не суть благотворительныя кассы, въ правѣ думать, что деньги плательщиковъ должны быть прежде всего обращены не на чужія надобности, а на устройство собственнаго хозяйства, находящагося въ далеко не завидномъ состояніи. Прямой интересъ жителей Москвы, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы права губернскаго зем-

ства были, по возможности, ограничены и тѣмъ самымъ былъ бы положенъ предѣлъ несправедливому обложенію. Такъ въ прежнее время смотрѣли на это и гласные отъ столицы. Чѣмъ вызывается такая перемѣна взглядовъ, трудно понять. Тѣ объясненія, которыя появлялись въ печати, не оправдываютъ такого пожертвованія интересами плательщиковъ.

Какъ бы то ни было, фактъ налицо: губернскому земству, безъ всякаго прекословія, открытъ обильный источникъ доходовъ, которые оно, въ видѣ насоса, выкачиваетъ изъ столицы съ тѣмъ, чтобы разливать ихъ на уѣзды. Послѣднимъ, конечно, выгодно получать деньги; кто же станетъ отъ этого отказываться? Весь вопросъ заключался въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ желали получить эти деньги въ полное свое распоряженіе, не подчиняясь высшему контролю и указаніямъ. Въ этомъ имъ пришлось разубѣдиться. Кто хочетъ устраивать свое хозяйство на чужой счетъ, тотъ неизбѣжно долженъ поступать въ опеку. Любопытно, что установившаяся въ Московскомъ земствѣ бюрократическая система утверждена благодаря именно гласнымъ отъ столицы, на которую она вовсе не распространяется, ибо Москва даетъ деньги, а не получаетъ, слѣдовательно не подлежитъ общему плану и не подчиняется высшимъ указаніямъ. Закабаливъ себя въ денежномъ отношеніи, она закабалила уѣзды въ административномъ отношеніи. Въ этомъ проявляется вся несообразность, проистекающая отъ приравненія столицы къ уѣзду. Непонятно только, какимъ образомъ, при такой системѣ, можно говорить еще о самостоятельности уѣздовъ, какъ о коренномъ земскомъ началѣ, которое слѣдуетъ сохранить. Слово *самостоятельность*, такъ же какъ и слово *взаимнодѣйствіе* суть только благозвучныя выраженія, состоящія въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Г. предсѣдатель Московской губернской управы въ рѣчи, въ которой онъ поздравлялъ губернское земство съ достигнутымъ имъ результатомъ, сказалъ, намекая на мои прежнія статьи, что я отрицаю всякое взаимнодѣйствіе между губернскимъ

и уѣздными земствами. Я, кажется, доказывалъ совершенно другое. Я говорилъ, что слово *взаимодѣйствіе* употребляется только какъ благовидное прикрытіе отношенія власти и подчиненія. Московское губернское земство выставляло себя регуляторомъ, уравнителемъ и руководителемъ уѣздовъ, а я утверждалъ, что все это противно нашимъ законамъ и духу земскихъ учрежденій. Теперь, когда Сенатъ рѣшилъ, что губернское земство не призвано быть руководителемъ уѣздовъ, слово отпало, но дѣло осталось, точно такъ же какъ и, наоборотъ, слово *самостоятельность* осталось только заманчивою вывѣской надъ пустымъ помѣщеніемъ.

Для утвержденія самостоятельности юридической единицы на прочныхъ основахъ существуетъ только одно средство — точное опредѣленіе правъ и обязанностей. Это—азбука юриспруденціи. Всѣ сложныя юридическія тѣла, состоящія изъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ единицъ, основаны на этихъ правилахъ. Собственный нашъ законъ требуетъ раздѣленія земскихъ дѣлъ на губернскія и уѣздныя. Постановивъ общимъ правиломъ, что мѣстныя дѣла должны быть въ вѣдѣніи уѣздовъ, а общія—въ вѣдѣніи губерніи, онъ предоставляетъ самимъ земствамъ болѣе подробное разграниченіе вѣдомствъ. Но именно этого Московское земство знать не хочетъ. Оно находитъ разграниченіе вѣдомствъ совершенно излишнимъ. Одно и то же учрежденіе можетъ быть и въ вѣдѣніи губерніи, и въ вѣдѣніи уѣзда, при чемъ по бюрократическому обычаю, регламентація дѣятельности уѣздовъ доводится до такихъ размѣровъ, что, наконецъ, собраніе принуждено было положить этому предѣлъ. По свидѣтельству гласныхъ, одинъ пересмотръ этихъ правилъ потребовалъ бы громаднаго труда. Но тогда какъ канцелярская регламентація даетъ себѣ полную волю, коренной вопросъ о различіи компетенціи, который для всякаго западнаго юриста составлялъ бы основаніе, на которомъ только и можно построить правильныя отношенія, у насъ вовсе даже и не поднимается. А между тѣмъ, въ Московскомъ земствѣ сидятъ извѣстные юристы; но ни

одинъ изъ нихъ не счелъ нужнымъ хотя бы поставить этотъ вопросъ. Въ этомъ нельзя не видѣть печальнаго наслѣдія всего нашего прошлаго, котораго главный грѣхъ состоялъ въ чрезмѣрно слабомъ развитіи сознанія права. Вслѣдствіе этого крѣпостное состояніе, начавшееся съ едва замѣтныхъ ограниченій, достигло, наконецъ, самыхъ широкихъ размѣровъ. И нынѣ, когда оно уничтожено, хаотическое состояніе права составляетъ главную язву нашего крестьянскаго быта. Этотъ недостатокъ отражается и на всѣхъ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ. Конечно, гораздо проще и легче оставить все въ неопредѣленномъ состояніи и рѣшать дѣла каждый разъ, какъ Богъ внушитъ. Но именно это—признакъ варварскаго состоянія общества. Нельзя достаточно сильно настаивать на томъ, что неопредѣленность права не можетъ породить ничего, кромѣ произвола и столкновеній. Г. предсѣдатель Московской губернской управы взываетъ къ единенію земства; но та система, которую онъ поддерживаетъ, можетъ вести только къ нескончаемыхъ раздорамъ. Напрасно поэтому онъ ставитъ Московское земство въ примѣръ остальнымъ. Оно потому уже не можетъ служить образцомъ, что оно находится въ совершенно исключительномъ и ненормальномъ положеніи. Нѣтъ ни одной губерніи, которая имѣла бы такой неисчерпаемый источникъ постороннихъ доходовъ, какой представляетъ столица, и едва ли во всей Россіи найдутся такіе податливые плательщики на чужія надобности, какъ Московскіе гласные. Именно сознаніе того неисчислимаго вреда, который можетъ принести русскому земству бюрократическая система, проводимая Московскою губернскою управой, заставляетъ меня еще разъ взяться за перо, чтобы предостеречь преданныхъ дѣлу земскихъ людей отъ увлеченія подобными примѣрами. Знаю, что, когда существуетъ извѣстное общественное теченіе, поддержанное вліятельною журналистикой, бороться противъ него совершенно напрасно. Но знаю также, какъ быстро у насъ одно теченіе смѣняется противоположнымъ. Человѣкъ, котораго убѣжденія основаны не на современныхъ вѣяніяхъ, а на

освѣщенномъ теоріей многолѣтнемъ опытѣ, не долженъ поддаваться ни тому, ни другому. Въ земствѣ я вижу лучшій залогъ нашего будущаго общественнаго развитія, а потому считаю долгомъ гражданина предостеречь его отъ опасныхъ увлеченій, хотя бы мой слабый протестъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Можетъ быть, въ провинціи, которая стоитъ на болѣе правильной почвѣ, онъ найдетъ нѣкоторое сочувствіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страница.

Нѣсколько словъ о современномъ состояніи русскихъ университетовъ 3

О современномъ положеніи русскаго дворянства 8

Еще нѣсколько словъ о современномъ положеніи русскаго дворянства 21

Московское земство въ вопросѣ о всеобщемъ обученіи 34

Объ историческомъ значеніи русскаго дворянства 41

Пересмотръ законодательства о крестьянахъ 52

Бюрократія и земство 70

Государство и земство 82

Столкновеніе въ Московскомъ земствѣ 94

О взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ . . 102

Еще о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ . 122

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. И. Герье по вопросу объ отношеніи губернскаго земства къ уѣзднымъ 130

Вопросъ объ отношеніи губернскаго и уѣздныхъ земскихъ учрежденій въ Московскомъ земствѣ 134

2020075407